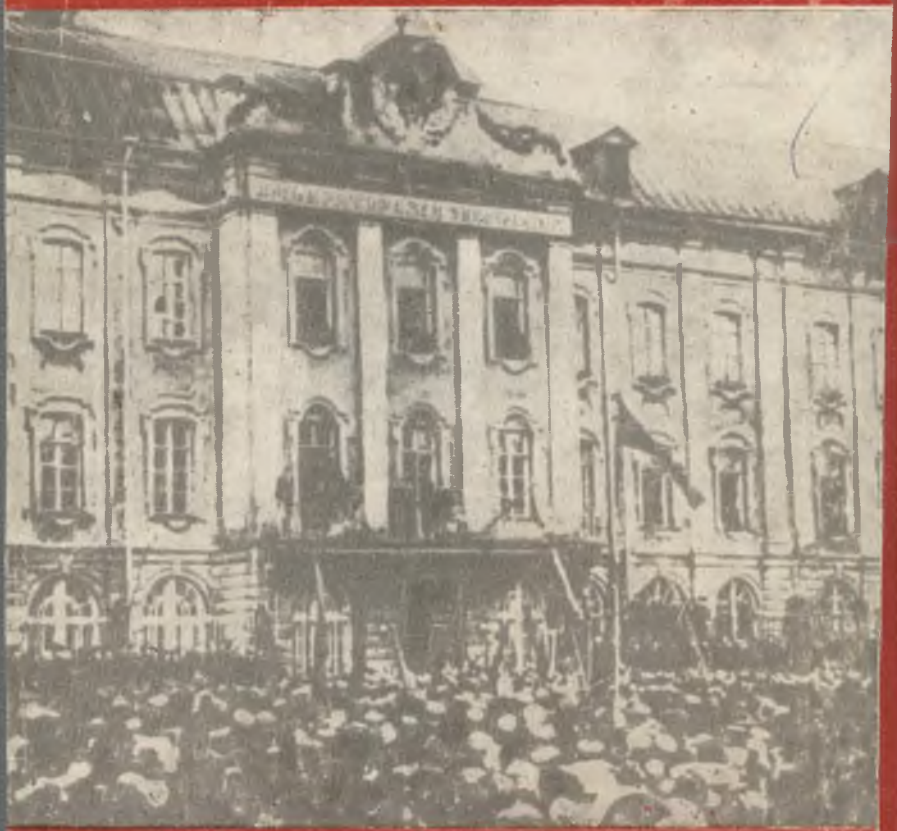

Петербургский университет и революционное движение в России

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

Петербургский университет и революционное движение в России

не выдается

Издательство Ленинградского университета
Ленинград 1979

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

6
66557

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

Научная библ. им. Горького при ЛГУ

Сборник приурочен к 160-летию со дня основания Ленинградского университета.

Сборник состоит из статей, характеризующих роль Петербургского университета в истории революционной борьбы в России от дворянского периода до пролетарского включительно.

Он открывается статьей «В. И. Ленин и Петербургский университет». В сборник входят и работы, посвященные революционным кружкам 70—90-х годов XIX в., «искровцам» в Петербургском университете, событиям 1905—1907 гг., универсантам-большевикам — П. В. Дашкевичу, К. С. Жарновецкому, П. А. Красикову, Н. В. Крыленко, Д. И. Лещенко, Д. З. Манульскому, М. С. Ольминскому, С. И. Петриковскому.

Сборник рассчитан на всех интересующихся историей революционного движения, общественной мысли России.

Редакционная коллегия: *Т. П. Бондаревская, В. А. Ежов, Н. Н. Кононова, В. В. Мавродин, Н. Г. Сладкевич (отв. редактор), Г. А. Тишкин (отв. редактор), Л. А. Шилов, В. П. Яковлев.*

Рецензент: Ленинградское отделение института истории СССР АН СССР.

79372
25

П. 10604—022 / 076 (02)—79 43—79. 0505020000

© Издательство Ленинградского университета, 1979 г.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

К ЧИТАТЕЛЯМ

Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. А. А. Жданова это одна из старейших в стране школ по подготовке кадров высокой квалификации и всемирно известный научный центр, с которым неразрывно связаны имена Д. И. Менделеева, И. М. Сеченова, Э. Х. Ленца, П. Л. Чебышева, А. М. Бутлерова, А. Н. Бекетова, А. С. Попова, И. И. Срезневского, В. В. Докучаева, А. Н. Весловского, И. И. Мечникова и многих других замечательных ученых.

Для лучших питомцев университета всегда было характерно сочетание глубоких научных интересов с пристальным вниманием к важнейшим социальным проблемам. Демократизм, народолюбие, жажда борьбы с угнетателями — черты, наиболее присущие передовым студентам Петербургского (ныне Ленинградского) университета.

Настоящий сборник впервые в имеющейся по истории университета литературе посвящен одной теме — освещению роли Петербургского университета в революционном движении в России на всех этапах освободительного движения, от дворянского до пролетарского включительно.

Он открывается статьей о плодотворных взаимосвязях со студентами и преподавателями университета основателя Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленина. Впервые В. И. Ленин переступил порог Петербургского университета в 1891 г., сюда он прибыл для сдачи государственных экзаменов по юридическому факультету. В аудиториях университета на многолюдных народных митингах выступал В. И. Ленин в 1906—1907 гг. Не прерывались связи В. И. Ленина с питомцами университета и в последующие годы. Однако контакты семьи Ульяновых с Петербургским университетом были значительно шире. Здесь, на физико-математическом факуль-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

тете учился старший брат В. И. Ленина—Александр Ульянов, а на Высших женских (Бестужевских) курсах — Н. К. Крупская, А. И. и О. И. Ульяновы.

В первую часть сборника входят также исследования, посвященные различным вопросам участия воспитанников университета в движении декабристов, в революционных студенческих кружках 70—80-х годов XIX в. В Петербургском университете учились и здесь сложилось мировоззрение деятелей освободительного движения различных братских народов — армян, болгар, грузин, поляков, украинцев. Студентом университета был в 1881—1885 гг. основатель Коммунистической партии Болгарии Д. Н. Благоев, тесно был связан с нашим учебным заведением и великий украинский поэт Т. Г. Шевченко.

Вторая часть сборника содержит работы о некоторых питомцах университета, выдающихся деятелях Коммунистической партии и Советского государства, именно той стороне их биографий, которая соприкасалась с университетом.

Большинство авторов статей, вошедших в настоящий сборник, являются выпускниками Ленинградского университета. Они посвящают свои исследования 160-летнему юбилею основания alma mater.

Настоящий сборник не претендует на полное, всестороннее освещение участия питомцев университета в развитии передовой общественной мысли и революционного движения. Число воспитанников университета, оставивших заметный след в истории освободительной борьбы, намного больше, чем то, что приводится в сборнике, но подобная работа — дело будущего.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Н. Г. СЛАДКЕВИЧ

В. И. ЛЕНИН И ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Предметом особой гордости и славы Ленинградского университета являются страницы его истории, связанные с именем гениального вождя и учителя трудящихся, основателя Коммунистической партии и Советского государства Владимира Ильича Ленина.

В 1887 г., в том самом году, когда был казнен старший брат Владимира Ильича, Александр Ульянов, в течение четырех лет (1883—1887 гг.) являвшийся студентом естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета, Ленин окончил с золотой медалью симбирскую гимназию. Не рассчитывая, как брат казненного революционера, быть принятым в столичный университет, Ленин в августе 1887 г. поступает на юридический факультет Казанского университета.

С самого начала своего пребывания в Казанском университете В. И. Ленин устанавливает тесные связи с революционными кругами казанского студенчества, которые, как и передовое студенчество всей страны и прежде всего Петербурга и Москвы, в обстановке роста стачечной борьбы рабочего класса, оживления общественного движения России стали активнее выступать против самодержавия, против господствующего в высших учебных заведениях полицейского режима.

Своей глубокой убежденностью в неизбежности торжества революции, кипучей энергией, исключительными способностями, приводившими в изумление всех людей, с которыми он соприкасался, Ленин заметно выделялся в студенческой среде. Его часто можно было видеть на студенческих сходках, на собраниях симбирско-самарского землячества, в кружках, в которых усердно занимались изучением произведений К. Маркса и Ф. Энгельса и читали работы В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и Д. И. Писарева, — всюду,

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

где обсуждались животрепещущие политические вопросы. В кружках этих шла усиленная подготовка к организованному выступлению революционной части казанского студенчества, громко заявившей на многолюдной сходке, состоявшейся 4 декабря 1887 г., свой резкий протест против произвола, царящего в стране, против гнетущих условий, в которые были поставлены высшие учебные заведения, зажатые в тиски реакционного устава 1884 г., этого типичного закона периода «контрреформ». За активное участие в студенческих волнениях Ленин был арестован (в ночь с 4 на 5 декабря 1887 г.), исключен из университета и выслан в деревню Кокушкино Казанской губернии под негласный надзор полиции.

1887 г. был годом, окончательно определившим будущий путь Владимира Ильича — путь великой борьбы за освобождение трудящихся от насилия и гнета.

И в деревне Кокушкино, где Владимир Ильич находился до октября 1888 г., и при последующем затем возвращении в Казань, когда он близко сошелся с членами федосеевского кружка, принимая активное участие в его деятельности, и в период своей жизни в Самаре, городе, в кружках которого, как и в ряде других городов страны, все сильнее разгорались споры между марксистами и народниками, В. И. Ленин продолжал много работать, овладевая марксистской теорией, умея с исключительной глубиной анализировать с позиций марксизма вопросы, выдвинутые русской действительностью, русским революционным движением. Вспоминая о впечатлении, произведенном на Владимира Ильича первым томом «Капитала» К. Маркса, который он изучал в 1888 г., сестра Ленина, Анна Ильинична Ульянова-Елизарова, рассказывает: «Помню, как по вечерам, когда я спускалась к нему поболтать, он с большим жаром и воодушевлением рассказывал мне об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывала... От него так и веяло бодрой верой, которая передавалась и собеседникам. Он и тогда уже умел убеждать и увлекать своим словом. И тогда не умел он, изучая что-нибудь, находя новые пути, не делиться этим с другими, не завербовать себе сторонников».[1]

С 1887 г. В. И. Ленин, признанный «политически неблагонадежным», не выходил из поля зрения полиции. Путь к возвращению в университет оказался для него закрытым. Дважды ходатайствовал он об обратном приеме и дважды получал отказ. Отказано было Ленину и в просьбе о выезде за границу для продолжения образования. Осенью 1889 г. Ленин пытался получить разрешение держать экзамен экстерном за юридиче-

---

[1] Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. — В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти томах. Т. 1. М., 1968, с. 30.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ский факультет при одном из университетов. На прошении, поданном им, рукой министра народного просвещения Делянова — автора знаменитого циркуляра «о кухаркиных детях» — написано: «Спросить об нем попечителя и департамент полиции». Директор департамента полиции Дурново не замедлил прислать имеющиеся у него материалы, и Ленину было отказано.[2] С большим трудом удалось матери В. И. Ленина — Марии Александровне Ульяновой добиться разрешения держать сыну экзамены экстерном за юридический факультет в испытательной комиссии Петербургского университета. Для переговоров с комиссией Ленин в сентябре 1890 г. приезжает в Петербург.

Это был первый приезд Ленина в Петербург — в город, ныне носящий его имя, в город, где в великие дни Октября 1917 г. ведомые им революционные массы России положили начало новой эпохе — эпохе пролетарских революций, эпохе, знаменующей собой коренной перелом в истории человечества, эпохе перехода от капитализма к социализму и коммунизму.

Сложная задача стояла перед Владимиром Ильичем Ленины м — за годичный срок овладеть всеми предметами четырехлетнего университеского курса. С упорством, настойчивостью и трудолюбием готовился он к государственным экзаменам. «Тогда многие удивлялись, — пишет Анна Ильинична, — что, будучи исключенным из университета, он в какой-нибудь год, без всякой посторонней помощи, не сдавая никаких курсовых и полукурсовых испытаний, подготовился так хорошо... Кроме прекрасных способностей, Владимиру Ильичу помогла в этом большая трудоспособность».[3]

1891 год — знаменательная дата в истории Петербургского университета. В этом году Ленин сдал экстерном экзамены за курс юридического факультета.

Среди факультетов Петербургского университета юридический выделялся наибольшим числом студентов. По данным на 1 января 1891 г., в университете числился 1781 студент, причем на юридическом факультете значилось 909, т. е. более половины всего студенческого состава университета.[4] На факультете вели занятия такие видные буржуазные ученые конца XIX в., как А. Д. Градовский, Н. Л. Дювернуа, Ф. Ф. Мартенс, И. Я. Фойницкий, Н. М. Коркунов, В. И. Сергеевич и др. В юридической испытательной комиссии под председательством декана факультета В. И. Сергеевича и начал в апреле 1891 г. сдавать экзамены В. И. Ленин. Первые экзамены приходились на 4 и 5 апреля по истории русского права и по государственному праву, а затем 10 апреля — по политической экономии и стати-

---

[2] Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 1. (1870—1905). М., 1970, с. 34—44.

[3] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 32.

[4] Отчет о состоянии и деятельности С.-Петербургского университета за 1890 г. СПб., 1891, с. 15.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

стике, 16 и 17 апреля — по энциклопедии права и истории философии права, 24 апреля — по истории римского права.[5]

Устные экзамены универсантов-экстернов проходили в малом конференц-зале Академии наук (Университетская набережная, д. № 5). Письменный экзамен В. И. Ленин сдавал в зале Совета университета (Университетская набережная, д. № 7) в здании петровских «Двенадцати коллегий» — замечательном памятнике XVIII в., сооруженном по проекту известного архитектора Трезини.

Стараясь жить во время экзаменов недалеко от университета, В. И. Ленин поселился на Тучковой набережной в доме № 12 (ныне набережная Макарова, д. № 20). Осенью 1891 г. он проживал на Екатерингофском проспекте (ныне проспект Римского-Корсакова) в доме № 3. Готовясь к экзаменам, Ленин посещал библиотеки университета, Академии наук и Публичную библиотеку.[6]

Ряд сведений, относящихся ко времени, когда В. И. Ленин готовился и сдавал первые экзамены в Петербургском университете, имеется в письмах его сестры Ольги Ильиничны Ульяновой, яркой фигуры, отмеченной большим талантом, горячей поборницы учения К. Маркса, занимавшейся тогда в Петербурге на Высших (Бестужевских) курсах. В 18 лет она в совершенстве владела немецким, английским, французским языками, изучала шведский. Ольга Ильинична, поступившая на Бестужевские крусы в 1890 г., посылала Владимиру Ильичу книги, необходимые ему для сдачи государственных экзаменов, в частности курс профессора И. Я. Фойницкого, лекции профессора Н. М. Коркунова «Русское государственное право».[7] В связи с подготовкой к экзаменам В. И. Ленин работал и над книгами А. Д. Градовского «Начала русского государственного права» (т. I—III), Ю. Янсона «Теория статистики», делал в них подчеркивания и выписки на полях.[8] Ольга Ильинична постоянно держала брата в курсе всех вопросов, связанных со сдачей им государственных экзаменов. «Вероятно, Володя скоро уже приедет сюда, — пишет она Марии Александровне Ульяновой 16 марта 1891 г., — поджидаю его».[9] В письме от 21 марта 1891 г. говорится: «Володе нашему немедленно ехать сюда, так как экзамены начинаются 4 апреля...».[10] В письме от 8 апреля 1891 г. Ольга Ильинична сообщает матери о Владимире Ильиче: «Он уже сдал 2 предмета и из обоих получил

---

[5] Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М. Ленин в Петербурге — Петрограде. Л., 1977, с. 17.

[6] Владимир Ильич Ленин: Биохроника, т. 1, с. 54. 57, 59; Калинин А., Мандель С. Ленин и Петербургский университет. Л., 1969, с. 54; Муштуков В., Никитин П. Здесь жил и работал Ленин. Л., 1970, с. 15.

[7] Ковнатор Р. Ольга Ульянова. М., 1971, с. 128—129.

[8] Владимир Ильич Ленин: Биохроника, т. 1, с. 50, 52.

[9] Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917. М., 1969, с. 62.

[10] Там же, с. 63.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

по 5. В субботу (экзамен у него был в пятницу) он отдыхал: утром ходил на Невский, а после обеда пришел ко мне, и мы ходили с ним гулять по набережной Невы — смотрели на ледоход».[11]

Большим горем, перенесенным Владимиром Ильичем весной 1891 г., была смерть Ольги Ильиничны, умершей от брюшного тифа и похороненной 10 мая 1891 г. на Волковом кладбище.[12]

В один из своих первых приездов в Петербург В. И. Ленин, стараясь узнать побольше подробностей о жизни покойной сестры и деятельности геройски погибшего в борьбе с царизмом брата, Александра Ильича, заходил на квартиру знавшего их приват-доцента Петербургского университета (впоследствии академика) С. Ф. Ольденбурга и долго говорил с ним о дорогих ему людях, память о которых он пронес через всю свою жизнь.[13]

После весенней экзаменационной сессии наступил перерыв до осени. Лето 1891 г. В. И. Ленин прожил на хуторе Алакаевка Самарской губернии.

Следует отметить, что, готовясь в 1891 г. к сдаче государственных экзаменов (зимой в Самаре и летом в Алакаевке), В. И. Ленин отнюдь не был всецело поглощен предметами университетского курса. По-прежнему большую часть времени он посвящал изучению произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Анна Ильинична вспоминает, что летом 1891 г. на хуторе Алакаевка Ленин, в частности, читал «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса.[14] Активный участник марксистского кружка в Самаре А. Беляков пишет, что, посетив в конце 1890 или в начале 1891 г. самарскую квартиру Ульяновых на углу Почтовой и Сокольничьей улиц, он видел в комнате Владимира Ильича вместе с литературой по юридическим наукам, по которой готовился к экзаменам, и книги К. Маркса и Ф. Энгельса на немецком языке.[15]

Приезжая в Петербург для сдачи университетских экзаменов, В. И. Ленин познакомился с рядом петербургских марксистов, у которых он получал нелегальную литературу и привозил ее в Самару. Продолжал он также знакомиться с обширной литературой, посвященной жизни России, уделяя при этом

---

[11] Там же, с. 66.

[12] Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М. Ленин в Петербурге — Петрограде, с. 21.

[13] Там же, с. 24; Ольденбург С. Несколько воспоминаний о А. И. и В. И. Ульяновых. — Красная летопись, 1924, № 2 (11), с. 18; Ольденбург Е. Г. Студенческое научно-литературное общество при С.-Петербургском университете. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1947, № 2, с. 154—155.

[14] Воспоминания о Ленине, т. 1, с. 32.

[15] Беляков А. Юность вождя: Воспоминания современника В. И. Ленина. М., 1958, с. 63.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

особенное внимание работам, рассматривавшим ход экономического развития страны и положение народных масс.

После летнего перерыва В. И. Ленин вновь возвращается в Петербург. В осеннюю экзаменационную сессию, проходившую между 10 сентября и 9 ноября 1891 г., он сдал экзамены по уголовному праву и судопроизводству, по римскому праву, по гражданскому праву и судопроизводству, по торговому, полицейскому, финансовому, церковному и международному праву.[16]

Находящиеся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС материалы юридической испытательной комиссии при Петербургском университете содержат сведения о вопросах, заданных В. И. Ленину на экзаменах. Так, например, по истории русского права он отвечал на вопрос: «Несвободные». Ленину надлежало остановиться на положении холопов обельных «Русской правды» и холопов полных, докладных и кабальных московского времени. В билете по государственному праву значилось: «Сословные учреждения». По характеру вопроса следовало коснуться деятельности дворянских корпораций, круга функций органов так называемого крестьянского самоуправления и т. д. По политической экономии нужно было ответить на вопрос о формах заработной платы.[17] Ответы Ленина на все экзаменационные вопросы были блестящими. Из 33 испытуемых юридической комиссией за университетский курс в 1891 г. только у него была высшая оценка по всем предметам.[18]

15 ноября 1891 г. Владимиру Ильичу Ленину был присужден диплом первой степени.

И едва ли кто-либо из членов испытательной комиссии догадывался в то время, что поразивший их своими знаниями молодой человек среднего роста, широкоплечий, с высоким лбом, с проницающими, полными внутренней силы глазами, пристально всматривавшимися в экзаменаторов, Владимир Ульянов, уже успел тогда значительно опередить университетскую науку. Нетрудно понять, в какое беспокойство должны были быть повергнуты члены испытательной комиссии 1891 г. при Петербургском университете, когда до них стали доходить сведения о деятельности Ленина и им довелось знакомиться с его трудами, в которых Владимир Ильич пришел к выводам, в корне противоположным мыслям, развиваемым в работах его бывших экзаменаторов, трудами, в которых, в частности, го-

---

[16] Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М. Ленин в Петербурге — Петрограде, с. 18.

[17] См.: Цвибак М. Владимир Ильич Ульянов на государственном экзамене. — Красная летопись, 1925, № 1 (12), с. 135—144; Волин Б. В. И. Ленин в Поволжье. М., 1955, с. 92—94; Трайнин А. Н., Шифман М. Л. Страницы из биографии Ленина. — Сов. государство и право, 1956, № 3, с. 63.

[18] История Ленинградского университета. 1819—1969: Очерки. Л., 1969, с. 94.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ворилось о царящей в стране кабале, идущей своими корнями ко временам «Русской правды», о сословности как пережитке крепостнической эпохи, о паразитизме дворянства, класса, уходящего с исторической арены, осужденного на гибель, о могучих силах, накапливающихся в России, долженствующих скоро вырваться наружу, о русском рабочем классе, готовящем себя к роли гегемона революционной борьбы народных масс страны.

Пребывание В. И. Ленина в Петербурге в период сдачи им университетских экзаменов падает на время начавшегося нового общественного подъема, сменившего собой полосу реакции 80-х годов. И активизация деятельности петербургских марксистских кружков, и похороны скончавшегося весной 1891 г. публициста-демократа, одного из видных «шестидесятников» Н. В. Шелгунова, принявшие форму враждебной царскому правительству демонстрации, и организация брусневской группой в 1891 г. первой маевки в России, на которой рабочие-марксисты Ф. Афанасьев, В. Прошин и другие выступили с пламенными речами, вскоре отпечатанными и получившими громкую известность по всей России, — все эти важные события политической жизни страны начала 90-х годов приковали к себе пристальное внимание В. И. Ленина, завязавшего, как выше уже отмечалось, еще в первые свои приезды в Петербург связи с рядом петербургских марксистов, сослужившие ему немалую службу впоследствии, когда он твердой рукой начал осуществлять важнейшую историческую задачу — соединение социализма с рабочим движением, возглавив революционную борьбу народных масс России.

Получив университетский диплом, В. И. Ленин начал работать в январе 1892 г. в Самаре помощником присяжного поверенного А. Н. Хардина.[19] Его адвокатская деятельность, протекавшая около 4-х лет сначала в Самаре, а с сентября 1893 г. по декабрь 1895 г. в Петербурге, где он выполнял обязанности помощника присяжного поверенного М. Ф. Волькенштейна, по существу являлась легальным прикрытием активной революционной работы Ленина. Судебные дела, которые он вел и в Самаре (18 дел в Самарском окружном суде — 3 гражданских, 15 уголовных), и в Петербурге, показывают, что он был блестяще эрудированным юристом. «Несколько выступлений на юридическом поприще, которые пришлось сделать Владимиру Ильичу после окончания университета, — вспоминал впоследствии Г. М. Кржижановский, — сразу дали почувствовать свидетелям этих выступлений, что перед ними человек исключительных дарований».[20]

Адвокатская деятельность Владимира Ильича ярко характеризует его и как горячего поборника тружеников, защитника

[19] Владимир Ильич Ленин: Биохроника, т. 1, с. 63.
[20] Кржижановский Г. М. Ленин и Маркс. М., 1958, с. 7.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

обездоленных и угнетенных. В схватках в неправом царском суде Ленин-адвокат «отстаивал крохи прав людей труда, мужая как полемист и революционер».[21]

Попутно отметим, что юридические знания, приобретенные Владимиром Ильичем как экстерном Петербургского университета, послужили ему и в годы ссылки и эмиграции. В политическом отчете ЦК партии XI съезду В. И. Ленин вспоминал о своей нелегальной судебной практике в 1897—1900 гг. «...25 лет тому назад, — говорил он, — когда я был в Сибири в ссылке, мне приходилось быть адвокатом. Был адвокатом подпольным, потому что я был административно-ссыльным и это запрещалось, но так как других не было, то ко мне народ шел и рассказывал о некоторых делах».[22]

С 1893 г., со времени переезда В. И. Ленина из Самары в Петербург, стало яснее определяться марксистское течение среди студенчества Петербурга. Вспоминая о появлении Ленина осенью 1893 г. в Петербурге, как о событии, которое «можно сравнить с животворным по своим последствиям грозовым разрядом», Г. М. Кржижановский, бывший в то время одним из активнейших участников петербургских марксистских кружков, писал, что уже первые выступления Ленина произвели огромное впечатление на петербургских марксистов: «Никто из нас, — замечает Кржижановский, — не умел с таким совершенством применять глубокое знакомство с Марксом к волновавшим нас всех вопросам российской экономики. Никто из нас не был знаком в такой степени с первоисточниками изучения этой экономики, с богатейшим материалом нашей земской статистики. Никто из нас не мог соперничать с ним по широте и глубине классового анализа действующих сил».[23]

Среди лиц, жадно прислушивавшихся к каждому слову В. И. Ленина, был и студент юридического факультета Петербургского университета М. А. Сильвин. Являясь в 90-е годы одним из деятельных помощников Ленина в борьбе по созданию революционной марксистской партии в России, Сильвин находился под обаянием личности Владимира Ильича, покорившего его своим умом, волей, огромной эрудицией.[24] «Его обширный ум, — писал М. А. Сильвин о Владимире Ильиче, — его знания, его сильный характер слишком импонировали мне... Я видел в нем вождя, огромную одухотворяющую силу для того дела, которому я хотел отдать свою жизнь, и я был ему предан всецело».[25]

---

[21] Шалагинов В. Защита поручена Ульянову. М., 1977, с. 62.

[22] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 102.

[23] Кржижановский Г. М. О Владимире Ильиче. — В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Ч. 1. М., 1956, с. 151.

[24] Валк С. Н. Памяти М. А. Сильвина. — Ленинградский университет, 1955, 24 июня.

[25] Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. Л., 1958, с. 58.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

К Ленину многократно обращался Сильвин и за разъяснениями по вопросам, занимавшим его как студента университета. Характерно, что заинтересовавшись историей русской общины и происхождением крепостного права, Сильвин исчерпывающие ответы на интересующие вопросы смог получить не у университетского профессора истории русского права В. И. Сергеевича, а у Ленина. «Владимир Ильич, — отмечал М. А. Сильвин, — указал мне обширную литературу... От Ленина впервые я услышал о знаменитом споре Беляева и Чичерина...»[26] Не на университетских лекциях и не из монографий университетских ученых, а от Ленина узнал Сильвин о многом, занимавшем тогда умы передовых людей России, — о ряде работ Маркса, Энгельса, о сатирических органах русской революционной демократии 60-х годов — добролюбовском «Свистке» и «Искре» братьев Курочкиных — журналах, повторявших в беспощадно насмешливой форме тематику «Современника», о трудах земских статистиков, впоследствии широко использованных в ленинских произведениях, о книгах А. Н. Энгельгардта, А. А. Корсака, П. Н. Скворцова, И. А. Гурвича, ярко обрисовавших жизнь России пореформенной эпохи, и др.[27]

Касаясь с Сильвиным сюжетов, связанных с научной и учебной деятельностью университета того времени, Владимир Ильич останавливался и на отрицательных явлениях, наложивших свой отпечаток на тогдашнюю университетскую жизнь, говорил о духе казенщины, об элементах рутины и консерватизма, сковавших развитие научной мысли и пагубно сказывавшихся на занятиях студентов. «У вас там масса схоластики, совершенно ненужной»,[28] — заметил Ленин, по словам Сильвина, говоря об университете.

Росло число сторонников Ленина в революционных кругах студенчества Петербурга. Тайно напечатанная на гектографе ленинская работа «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?», ставшая известной многим членам тогдашних социал-демократических групп в России, была предметом глубокого изучения и среди студентов — участни-

---

[26] Там же, с. 52. — Это был спор, происходивший в 50-х годах XIX в. вокруг вопроса об общине. Со славянофильских позиций И. Д. Беляев отстаивал взгляд на общину как на «самобытное», специфически русское явление, на форму, раскрывающую, якобы, лучшие стороны человека, осуществляющую высший нравственный закон, как на основу народной жизни. С точки же зрения Б. Н. Чичерина, ярого приверженца государственной школы, современная община не имела ничего общего с прежними ее формами и создана была государством в целях обслуживания его финансово-хозяйственных нужд. Как известно, проблема общины привлекала усиленное внимание общественных кругов России пореформенной эпохи. Естественно, что она заинтересовала и студента-юриста М. А. Сильвина — активного участника идейных схваток петербургских марксистов 90-х годов с народниками, идеализировавшими общину.

[27] Там же, с. 52—56.

[28] Там же, с. 51.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ков марксистских кружков. Ряд студентов Петербургского университета был близко связан с ленинским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», ведя по заданиям «Союза» революционную деятельность в рабочих районах столицы. Наряду с М. А. Сильвиным следует назвать и студента В. К. Сережникова, входившего в руководящий центр петербургского «Союза борьбы», и университантов Л. Г. Попова, Н. Ф. Богданова, С. А. Гофмана, М. Н. Лемана, А. В. Неустроева, Е. Д. Стратановича и др.

90-е годы — годы бурного подъема революционного движения. Полиция лихорадочно ищет того, кто стоит во главе рабочих масс России. В ночь на 9 декабря 1895 г. жандармы, учинив разгром петербургского «Союза борьбы», арестовали В. И. Ленина и заточили его в тюрьму. Из тюрьмы, где Ленин начал работу над своим гениальным трудом «Развитие капитализма в России», он посылает в январе 1896 г. письмо товарищам, в котором просит прислать книги, в частности и из библиотеки Петербургского университета. «Книг нужно много... Не знаю даже, удастся ли достать все... Вот если бы воспользоваться... библиотекой университетской и ученого комитета Министерства финансов, — тогда бы вопрос о добыче книг можно считать разрешенным».[29] Книги ему были доставлены.

В феврале 1897 г. Ленин был сослан в Восточную Сибирь. И в далекой ссылке, продолжая вести огромную теоретическую работу, поддерживая связь с социал-демократическими группами в России и за границей, пристально следя за всеми значительными событиями общественно-политической жизни в России и за рубежом, Ленин обратил внимание и на студенческие волнения, происходившие в Петербурге в начале 1899 г., исходным моментом которых явилась демонстрация студентов Петербургского университета 8 (20) февраля 1899 г. (в день 80-летней годовщины основания университета).[30] Волнения студентов в Петербурге и имел в виду Ленин, когда в письме из села Шушенское к Марии Ильиничне Ульяновой от 17 марта

---

[29] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 15—16.

[30] Непосредственным толчком к этой демонстрации, происходившей в напряженной общественной атмосфере в стране на рубеже XIX—XX вв., послужило появившееся за подписью ректора в первых числах февраля объявление, содержащее угрозу применения репрессий по отношению к тем студентам, которые попытаются в день 8 февраля нарушить «общественную тишину и спокойствие» и учинить «беспорядки» (см.: Студенческое движение 1899 года. Пб., 1900. с. 9). Возмущенные этим объявлением, по своему духу мало чем отличающимся от полицейского циркуляра, студенты, собравшиеся 8 февраля в Актовом зале университета, встретили появление ректора на кафедре негодующими возгласами. Обструкцией акт был сорван. По выходе из университета произошло столкновение студентов с отрядами полиции. Многие студенты были полицией избиты (там же, с. 5—8). Весть о побоище 8 февраля усилила волнения в 1899 г. среди студенчества Петербурга и всей страны.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

1899 г. упоминал «о происшествиях в Питере» в начале 1899 г., о которых, как отмечается в этом же письме, он узнал из сообщений, появившихся в иностранных газетах.[31]

Страна шла быстрыми шагами навстречу революционной буре. Принимавшее все более широкий характер революционное движение рабочего класса свидетельствовало о приближении решительной схватки с самодержавием. Под влиянием борьбы рабочего класса усиливается и движение студенчества. Все чаще происходят студенческие демонстрации и забастовки.

На страницах ленинской «Искры» отводится значительное место освещению хода студенческого движения, борьбе передовых слоев студенчества против царского произвола, против правил 29 июля 1899 г. об отдаче студентов «за учинение скопом беспорядков» в солдаты. В ответ на сдачу царским правительством в начале 1901 г. 183 студентов Киевского университета в солдаты[32] Ленин помещает во втором номере «Искры» статью, с исключительной силой обличающую самодержавие, ярко показывающую, что превращением воинской повинности в наказание правительство со всей убедительностью доказало, что царская Россия стоит «гораздо ближе к рекрутчине, чем к *всеобщей* воинской повинности».[33] Ленин призывает студенчество к организации забастовки во всех высших учебных заведениях страны. Оказание всемерной поддержки студенческому движению рассматривается Лениным как одна из важных задач, стоящих перед социал-демократическими организациями. «Рабочий класс, — пишет он, — постоянно терпит неизмеримо большее угнетение и надругательство от того полицейского самовластия, с которым так резко столкнулись теперь студенты. Рабочий класс поднял уже борьбу за свое освобождение. И он должен помнить, что эта великая борьба возлагает на него великие обязанности, что он не может освободить себя, не освободив всего народа от деспотизма, что он обязан прежде всего и больше всего откликаться на всякий политический протест и оказывать ему всякую поддержку».[34]

Студенческое движение в Петербургском университете, ярко отражая остроту классовых противоречий в стране, достигает еще в период, предшествующий событиям 1905 г., большого размаха. Значительна была роль студенчества Петербургского университета в студенческой всеобщей стачке зимой 1901—1902 гг. и в демонстрациях, происходивших в Петербурге в 1902—1903 гг. Лишь за два месяца (октябрь и ноябрь)

---

[31] Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 55, с. 153.

[32] Вслед за 183 студентами Киевского университета было отдано в солдаты и 27 студентов Петербургского университета (см.: Искра, 1901, № 3; Энгель Г., Горохов В. Из истории студенческого движения 1899—1906 годов. СПб., 1906, с. 23, 125).

[33] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 393.

[34] Там же, с. 395.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

1904 г. в университете состоялось 9 революционных сходок.[35] Все большее воздействие оказывали на революционную часть петербургского студенчества, как и на передовое студенчество всей страны, статьи Ленина, адресованные революционной молодежи, статьи, призывавшие студентов «выступать на борьбу не за академическую (студенческую) только свободу, а за *свободу всего народа*, за *политическую свободу*»,[36] указывавшие революционным студентам на настоятельную необходимость резкого отмежевания их от «академистов» и «культурников», от «сторонников легального прогресса без политической борьбы, прогресса на почве самодержавия».[37]

Наступил 1905 год. Великая революционная буря пронеслась над страной. Ареной политической борьбы становится и Петербургский университет. Состоявшаяся 7 февраля 1905 г. многотысячная студенческая сходка открыла собой полосу массовых выступлений студенчества университета в годы первой русской революции. События 1905 г. выдвинули Петербургский университет на одно из видных мест жизни страны. Быстрый рост политической активности передовых слоев студенчества в 1905 г. не остался вне поля зрения Владимира Ильича. Среди выписок, сделанных Лениным в 1905 г. из русских и иностранных газет, имеется немало таких, где обрисовывалась жизнь Петербургского университета в эпоху первой русской революции. Из опубликованных в «Ленинских сборниках» материалов видно, что в «Руси», «Таймс», «Фолькише цайтунг», «Франкфуртерцайтунг», «Фоссише цайтунг» и других органах печати Ленин черпал много сведений о сходках и митингах в Петербургском университете в сентябре и октябре 1905 г., об усилившейся радикализации передовых слоев студенчества, о крепнущей их солидарности с геройским русским пролетариатом — гегемоном общенародной борьбы.[38]

О событиях, развертывавшихся в эти дни в Петербургском университете, находивших отражение в русской и заграничной прессе, писал В. И. Ленин 26 октября 1905 г. М. М. Эссен. «И что наши лозунги, лозунги „Пролетария", не остаются гласом вопиющего в пустыне, — подчеркивал он, — это мы видим ясно даже из легальных газет, сообщающих о митингах в 10—15 тысяч человек в Университете и т. д.»[39]

---

[35] Павлицкая Н. И. Петербургский университет в революции 1905—1907 гг. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1948, № 11, с. 140; Сладкевич Н. Г. Петербургский университет в 1905 г. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1955, № 3, с. 24—25.

[36] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 370.

[37] Там же, т. 7, с. 343.

[38] См.: Ленинский сборник, XVI, с. 191, 228; XXVI, с. 317, 320—321.

[39] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 100; см. также: Эссен М. Встречи с Лениным. М., 1959, с. 24—25.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

В первых рядах борцов с царизмом были те студенты Петербургского университета, которые принадлежали к когорте большевиков, ведомой великим Лениным. Студенты-большевики являлись подлинными вожаками передовых слоев студенчества Петербургского университета. Они были везде, где нужно было отстаивать революционную программу, где происходили горячие схватки с лицами, стремившимися увести студенчество в сторону от революционной бури, где развертывались ожесточенные бои с силами, враждебными народу. В числе этих студентов мы находим Н. В. Крыленко, Д. З. Мануильского, В. Э. Кингисеппа, впоследствии видных деятелей большевистской партии.

Среди лиц, выполнявших по поручению В. И. Ленина в период первой русской революции и последующие годы ответственные партийные задания, был и универсант А. М. Игнатьев. Ни университетскому начальству, встревоженному сильным брожением студенчества, ни полицейским чинам, неусыпно охранявшим самодержавные устои, и в голову не приходило, что выходец из привилегированных слоев, сын действительного статского советника, студент естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета А. М. Игнатьев,[40] целиком окунулся в революционное подполье, занялся транспортировкой оружия и политической литературы из Финляндии, искусно используя для этого имение своих родителей Ахи-Ярви, ставшее крупной базой Боевой технической группы при ЦК и ПК РСДРП.[41] Как вспоминал Н. Е. Буренин, Владимир Ильич не раз давал указания А. М. Игнатьеву, поправляя его, помогал ему выработать в себе качества профессионального революционера.[42]

Следуя призывам В. И. Ленина, революционная часть студенчества Петербургского университета, опираясь на поддержку пролетариата, открыла университет для народных собраний. Непрерывным потоком шел сюда народ со всех концов Петербурга, занимая для собраний аудитории, а при отсутствии свободных помещений — устраивая сходки в университетском дворе. Распоряжение, изданное 15 октября 1905 г. министром просвещения о закрытии университета на неопределенное время, не воспрепятствовало большевикам созывать в помещении университета нелегальные партийные собрания, устраивать явки и проводить заседания Петербургского комитета большевиков. В университете бывали М. И. Калинин, Н. К. Крупская,

---

[40] Дело Александра Михайловича Игнатьева. — ЛГИА, ф. 14, оп. 3, 1912, д. 61659.

[41] Буренин Н. Е. Люди большевистского подполья. М., 1958, с. 65—78; Норовков Н. Мужество во имя революции. — Ленинградская правда, 1959, 25 ноября.

[42] Буренин Н. Е. Люди большевистского подполья, с. 68—69, 74, 76, 78.

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

М. И. Ульянова, Е. М. Ярославский, Р. С. Землячка, К. Н. Самойлова, И. Ф. Дубровинский и др.[43]

Значение Петербургского университета как трибуны революционного Петербурга в 1905 г. отмечено В. И. Лениным в статье «Всероссийская политическая стачка». Указывая на многотысячные политические собрания, происходящие в стенах университета, он писал: «Пролетариат сумел воспользоваться трибуной, предоставленной ему революционным студенчеством».[44]

Кончался 1905 год. Декабрьское вооруженное восстание в Москве было подавлено. Но еще высоко вздымались волны революции. В борьбу втягивались свежие силы, предстояли новые бои.

По инициативе революционного студенчества Петербургского университета в начале января 1906 г. организуется выпуск сженедельной газеты «Молодая Россия» (вышел только один номер, так как правительство сразу же запретило ее издание). В. И. Ленин поместил в «Молодой России» свою статью «Рабочая партия и ее задачи при современном положении», статью, подводящую итог первому периоду революции и нацеливающую народные массы России и прежде всего русский пролетариат на подготовку сил для нового наступления против самодержавия. Касаясь вопроса о задачах студенчества в развертывающейся борьбе с самодержавием, Ленин писал: «Студентам социал-демократам нет надобности доказывать ни главной роли рабочего движения, ни громадного значения движения крестьянства, ни важности содействия тому и другому со стороны интеллигентов, которые продумали марксистское миросозерцание, стали на сторону пролетариата и готовы выработать из себя настоящих членов рабочей партии».[45]

В начале мая 1906 г. на нелегальном собрании большевиков, происходившем в Петербургском университете в аудитории старого здания Физического института, В. И. Ленин выступил с докладом о работе и решениях IV съезда РСДРП. Дважды выступал Владимир Ильич на собраниях, организованных в университете в январе 1907 г. во время выборов во II Государственную думу.[46]

По утверждению ряда питомцев Петербургского университета, В. И. Ленин в конце 1905 г. и в 1906 г. неоднократно бывал в университетской студенческой столовой.[47] Ленин оказывал содействие студентам-большевикам Петербургского уни-

[43] Корель И. И. Петербургский университет на службе революции в 1906—1907 гг. — Ленинградский университет, 1939, 17 марта.

[44] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 3.

[45] Там же, с. 150.

[46] Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М. Ленин в Петербурге — Ленинграде, с. 361—362.

[47] Немилов А. В. 120 лет Ленинградского государственного университета. — Советская наука, 1939, № 2, с. 169—170.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

верситета и в получении денег для университетской «столовой комиссии», средства которой использовались революционными кругами студенчества. По записке, данной Лениным, студенты-большевики получили в социал-демократической фракции Государственной думы значительную для того времени сумму в 2000 рублей.[48]

Непрерывной была связь Ленина с передовыми слоями студенчества Петербургского университета и в последующие годы.

В «Социал-демократе» и «Рабочей газете», в «Звезде» и «Правде», в других большевистских изданиях находим немало строк, обрисовывающих общественные настроения передового петербургского студенчества во время, следовавшее за первой русской революцией.

Как об одном из симптомов, свидетельствующих о начале нового этапа демократического подъема, писал В. И. Ленин о демонстрации 11 ноября 1910 г. в Петербурге в связи со смертью Л. Н. Толстого, демонстрации, организованной студентами Петербургского университета.[49] «Не начало ли поворота?» — так озаглавил Владимир Ильич статью, помещенную в «Социал-демократе», откликнувшуюся на полученную весть о новой вспышке «студенческих беспорядков» в России, в частности на газетные сообщения о бурных сходках в актовом зале Петербургского университета,[50] университетской столовой, о многолюдных манифестациях, разгоняемых полицией, о демонстрации 11 ноября 1910 г., вызвавшей сильный испуг в правящих сферах и либеральном лагере.[51]

Как известно, студенческие демонстрации в память Л. Н. Толстого, творчество которого, по гениальному истолкованию В. И. Ленина, являлось «зеркалом русской революции», ее сильных и слабых сторон, вошли в историю как одно из крупных событий общественной жизни России предвоенных лет, периода, шедшего под знаком созревания новой революции. «Пролетариат начал, — отмечал Владимир Ильич в статье „Начало демонстраций." — Демократическая молодежь продолжает. Рус-

---

[48] Корель И. В. И. Ленин в Петербургском университете. — Смена, 1939, 21 апреля.

[49] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 1.

[50] На состоявшихся в ноябре 1910 г. сходках в Актовом зале университета присутствовало несколько тысяч студентов. На сцене был поставлен покрытый черным крепом с лентами портрет Л. Н. Толстого с его собственной надписью: «Студентам С.-Петербургского университета — Лев Толстой. 5 января 1909 года». Этот портрет был передан писателем студенческой делегации, вручившей ему адрес от лица студентов университета в связи с 80-летием со дня его рождения (см.: Речь, 1910, 9 ноября; Русские ведомости, 1910, 9 ноября).

[51] «...Молодежь собирается на не разрешенные университетскими советами сходки, — писала кадетская газета „Речь", — в воздухе пахнет тревогой, напряжением, тяжелой и смутной неизвестностью» (Речь, 1910, 11 ноября).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции».[52]

С началом нового революционного подъема все более усиливается деятельность большевистски настроенных студентов.

В университетских коридорах, аудиториях, лабораториях в дни маевок, годовщины 9 января и Ленского расстрела с особой силой звучали голоса большевистских ораторов.

1917 год. За февралем последовал Великий Октябрь. После победы Октябрьского вооруженного восстания и установления Советской власти воспитанники университета — Н. В. Крыленко, П. И. Стучка, В. Р. Менжинский, М. Т. Елизаров, Д. З. Мануильский, Г. В. Чичерин — вошли в состав возглавленного В. И. Лениным Совета Народных Комиссаров.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции перед университетом, как и другими высшими учебными заведениями страны, встала задача, на разрешение которой неустанно нацеливал В. И. Ленин, — поставить науку на службу трудящимся, готовить кадры из народа и для народа.[53] Об актуальности этой задачи для университета говорил в феврале 1919 г. на торжественном заседании, посвященном столетнему юбилею Петроградского университета, народный комиссар просвещения А. В. Луначарский, раскрывая сущность ленинских положений о роли науки в пролетарском государстве. Поздравив от имени Советского правительства университетскую научную общественность с днем столетней годовщины университета, А. В. Луначарский призвал ученых не замыкаться в свою скорлупу, отрешиться от колебаний, покончить с воззрениями, тянущими назад, отвечающими интересам эксплуататорских классов, и смело и бесповоротно пойти навстречу народным массам, жадно рвущимся к свету, знаниям, к науке. «Народ относится с уважением к науке, — заявил А. В. Луначарский, — хранит ее, а равно и данный университет, как ценность... И пусть запомнят все, что в этот день, несмотря ни на какие недоразумения, представитель рабочего правительства явился сюда, чтобы отвесить поклон перед университетом».[54]

Все шире раскрывались двери университета для рабочей и крестьянской молодежи, горячо откликнувшейся на призыв Ленина овладеть наукой. Все решительнее преодолевалось со-

---

[52] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 75.

[53] «Ясно одно, — подчеркивал В. И. Ленин в беседах с Луначарским о задачах в области просвещения, — всемерно надо позаботиться о расширении доступа в высшие учебные заведения широким массам, прежде всего пролетарской молодежи». — Луначарский А. В. Рассказы о Ленине. М., 1959, с. 22.

[54] См.: Красная газета, 1919, 22 февраля. — В вечернем выпуске «Красной газеты» юбилейной дате университета была посвящена передовая статья, озаглавленная «Столетие». «Сегодня первый Петроградский университет празднует столетие своего существования, — говорилось в статье. — Рабочий Петроград приветствует его» (Красная газета, 1919, 21 февраля).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

противление реакционных слоев профессуры, враждебных пролетарской власти. Развенчивались лозунги «автономии высшей школы», пропагандируемые антисоветскими элементами. Все более усиливалось влияние лучшей части ученых, сплотившихся вокруг большевиков.

Окруженный заботой большевистской партии, быстро рос Ленинградский университет вместе с бурным ростом жизни Советской страны. Следуя заветам Ленина, университет стал одним из важнейших научных и учебных центров страны, кующим кадры новой, советской интеллигенции.

Имя великого Ленина вдохновляло университетский коллектив и в грозные годы Великой Отечественной войны. В суровую блокадную зиму 1941 г., когда на подступах к великому городу на Неве — колыбели Октября — шли ожесточенные бои с фашистскими полчищами, а на улицах рвались вражеские снаряды и одна воздушная тревога сменялась другой, в стенах Ленинградского университета, ни на один день не прекращавшего своей деятельности, торжественно отмечалась знаменательная дата — 50-летие сдачи В. И. Лениным государственных экзаменов. На расширенном заседании Ученого совета университета 2 декабря 1941 г., состоявшемся в актовом зале, где собрались профессора, студенты, представители партийных и советских организаций Ленинграда, работники Политуправления Ленинградского фронта, заслушаны были доклады, посвященные Ленину, ректора университета А. А. Вознесенского и директора Научной библиотеки им. Горького И. И.Ореля.

Глубоко врезалась в память присутствовавших на этом заседании пламенная патриотическая речь выдающегося физиолога, продолжателя направления И. М. Сеченова и Н. Е. Введенского, академика А. А. Ухтомского. В этой речи звучал страстный призыв к беспощадной борьбе с фашистскими агрессорами — злейшими врагами человечества, культуры и науки. Выступление было проникнуто чувством беспредельной любви к бессмертным деяниям, озаренным ленинским гением, к знаменосцу и вождю всего прогрессивного человечества — «великому Волгарю», как именовал Владимира Ильича А. А. Ухтомский, «пронесшему далеко и славно русское имя среди народов мира», человеку, «которому выпало быть руководителем в момент, когда история приступила к рождению нового мира».[55]

В тяжелую годину жизни страны 67-летний русский ученый, стяжавший себе мировую известность, с трибуны Ленинградского университета высказал то, чем жил тогда университетский коллектив, отдававший, как и весь советский народ, все свои силы борьбе за свободу Отчизны, за победу дела Ленина.

[55] Меркулов В. Л. Конспект одной речи о Ленине (из архива академика А. А. Ухтомского). — Вестн. АН СССР, 1958, № 4, с. 81—83; см. также: Комаров М. А. и Корель И. И. В. И. Ленин и Петербургский университет. — Ленинградская правда, 1941, 4 декабря.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

В феврале 1944 г. за заслуги в области развития отечественной науки и просвещения Ленинградский университет в связи с 125-летием своего основания был награжден орденом Ленина.

Присуждение Советским правительством премий В. И. Ленина крупнейшим университетским ученым в 1927—1935 гг. Л. А. Чугаеву (посмертно), Н. Я. Марру, Н. А. Максимову, А. А. Ухтомскому, М. А. Вревскому, в 1957 г.—В. А. Догелю и В. Ф. Шишмареву, в 1960—1970 гг.—Е. Ф. Гроссу, И. А. Ибрагимову, А. В. Иванову, Л. В. Канторовичу, Ю. В. Линнику, Б. П. Никольскому, В. В. Новожилову, С. П. Обнорскому, Ю. А. Орлову, А. А. Полканову, Б. С. Соколову, В. А. Фоку и другим служит ярким свидетельством того, как высоко оценивает советский народ научные достижения Ленинградского университета.

С благоговением читается надпись, содержащаяся на мемориальной доске, установленной на главном здании Ленинградского университета к 85-летию со дня рождения В. И. Ленина: «Здесь, в Университете, в 1891 г. Владимир Ильич Ленин сдавал государственные экзамены по юридическому факультету».

Университетский коллектив вправе гордиться тем, что университет скромной частицей входит в биографию великого Ленина, что в личных анкетах, заполненных Лениным как делегатом партийных съездов и конференций, на вопрос об образовании значится ответ Владимира Ильича: «Юридический факультет Петроградского университета, кончил в 1891»,[56] что в аудиториях старинного здания на Неве слышалась речь Владимира Ильича, что университет награжден орденом, на котором запечатлен его образ.

---

[56] См.: Ленинский сборник, XXXVI, с. 244; XX, с. 50.

Р. Г. ЛАПШИНА, Г. С. ЖУЙКОВ

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ КРУЖКИ В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 1883—1891 гг.

История революционного студенческого движения в России — составная часть общей истории освободительного движения. На разных этапах революционной борьбы оно играло различную роль. В зависимости от того, какой класс возглавлял освободительную борьбу, определялось и значение студенческого движения в этом процессе. В истории России были периоды, когда оно занимало передовые позиции в борьбе с самодержавием.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Переплетение самых различных политических течений в студенческом движении было особенно характерно для 80-х годов XIX в. Это был период, когда студент стал центральной фигурой в революционном движении. В. И. Ленин подчеркивал, что «в те времена... другого *слоя*, тем менее класса населения, представлявшего в глазах правительства „весьма благоприятную почву для противоправительственной агитации," не было».[1]

С другой стороны, студенческое движение несло в себе черты того идейно-политического кризиса, который охватил русское революционное движение после 1 марта 1881 г. Представитель группы «Освобождение труда» С. Гринфест так писал о настроениях в передовых кругах русского студенчества: «В общем, господствует народовольческое направление, впрочем, неверно, не направление, а традиция, так как направления я при всем своем желании никакого не заметил: всякий народовольческий кружок и всякий народоволец толкует программу по-своему... Лучшие элементы из молодежи чувствуют эту пустоту и бьются они, бедные, как рыба об лед...».[2]

80-е годы были периодом, когда особенно усилилось внимание передовых общественных кругов России к опыту западноевропейского политического движения, и прежде всего к истории и практике социал-демократов, к теории марксизма. Многочисленные материалы того времени рассказывают, как жадно изучалась в студенческих кружках марксистская теория, какие бурные дискуссии возникали в связи с обсуждением ее положений.[3]

История распространения марксизма в России — это история сложного и противоречивого пути лучшей части русского общества 80-х годов прошлого столетия к подлинно научной теории. Отмечая это, В. И. Ленин подчеркивал, что марксизм в России появился не как простой результат механического заимствования нового учения с Запада.[4] Он был выстрадан героическими исканиями в области теории и революционной практики, которые в условиях развития капитализма и рабочего движения России привели лучшую часть русских революционеров к выводу о несостоятельности всех иных «теорий» социализма, кроме учения К. Маркса и Ф. Энгельса.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 305.

[2] Красная летопись, 1924, № 2 (11), с. 194.

[3] См., напр.: Полевой Ю. З. Зарождение марксизма в России. М., 1959, с. 272—283. — В 1880 г. В. Богораз, впоследствии профессор Ленинградского университета, один из основателей географического факультета, а в то время активный народоволец, организовал в С.-Петербурге студенческий кружок, который специально посвятил всю свою деятельность изучению работ К. Маркса (см.: Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь. Т. 3, вып. 1. М., 1933, с. 351).

[4] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 8.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Анализ политических программ и деятельности студенческих кружков помогает более глубокому пониманию того идейно-политического кризиса, который переживало революционное движение учащейся молодежи в 80-е годы XIX в., способствует раскрытию закономерностей возникновения марксистских кружков в России. В настоящей статье делается попытка показать деятельность студенческих кружков, тесно связанных с Петербургским университетом, непосредственно предшествующих группе Благоева или действовавших параллельно с ней, а также работу собственно марксистских кружков в Петербургском университете в 80-е годы XIX в.[5]

Начало 80-х годов — время оживленного студенческого движения. В воспоминаниях восьмидесятников приводятся факты о существовании всевозможных студенческих организаций — кружков, касс, землячеств. В кружках занимались и научными проблемами, но больше всего их участников волновали судьбы Родины, положение народа, вопросы о возможностях и путях революционного преобразования российской действительности. Д. Благоев, приехавший в Петербург в 1880 г. и вскоре поступивший в университет, вспоминает бурную студенческую жизнь того периода. Волнения, протесты, сходки, страстные речи, споры в тесном кругу товарищей, жадное чтение демократической, в основном нелегальной, печати — вот обстановка, в которой жила передовая студенческая молодежь начала 80-х годов. Благоев писал, что именно эти споры и дискуссии помогли ему разобраться в течениях русского революционного движения, пробудили стремление глубже разобраться в революционных теориях, в программах различных студенческих организаций.[6]

В декабре 1883 г. состоялось учредительное собрание группы Благоева. Основной костяк ее составляли студенты университета — Д. Н. Благоев, В. Г. Харитонов, В. Г. Благославов, Н. А. Бородин. Позднее в состав «Партии русских социал-демократов» вошли или активно помогали ей в пропагандистской работе студенты университета С. К. Орлов, П. П. Инфантьев, А. И. Александрин, М. М. Теселкин, Л. К. Бутков, И. Р. Гордеев, О. М. Говорухин, В. Барыбин, братья И. и В. Поповы, Н. Евстифеев, Н. Ватсон, Е. Яковенко, кандидат университета Н. М. Книпович и др.

---

[5] См., напр.: Народовольцы после 1 марта 1881 г. М., 1928. — Этот сборник представляет собой ряд статей-воспоминаний участников революционных студенческих кружков и других народовольческих организаций того периода. Петербургской организации, в частности, посвящены статьи М. Г. Шебалина, И. И. Попова, М. В. Брамсона. В них содержится яркий и богатый фактический материал. Однако написанные без привлечения архивов, только по личным воспоминаниям статьи заключают в себе некоторые противоречия и неточности.

[6] См.: Благоев Д. Мои воспоминания. М., 1928, с. 23—25.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

С самого начала своей революционной деятельности группа Благоева поставила перед собою две главные задачи: 1) пропагандистская работа среди рабочих; 2) пропаганда идей марксизма среди передовых студенческих кругов, привлечение учащейся молодежи в ряды социал-демократического движения. Хотя, конечно, на первом плане у благоевцев стояло выполнение первой задачи, руководитель «Партии русских социал-демократов» подчеркивал, что успехи группы среди студенчества были очень важны для дальнейшего развития ее работы.[7]

Пропагандистская работа среди студенчества началась с конца 1883 г., когда Д. Благоев, В. Харитонов, В. Благославов и другие члены только что образовавшейся «Партии русских социал-демократов» начали выступать на студенческих сходках, собраниях, на заседаниях различных кружков, пропагандируя идеи социал-демократии. Вспоминая об одном из таких собраний, состоявшихся зимой 1883/84 г., член кружка кубанцев и донцов О. Говорухин писал: «Первый, от кого мы услышали живую социал-демократическую речь, был Дмитрий Николаевич Благоев... Он нам говорил о Карле Марксе и Фердинанде Лассале, о громадном и все нарастающем значении рабочего вопроса во всех передовых странах света и у нас в России; убеждал нас, чтобы мы прониклись важной идеей освобождения рабочего класса, идеей, которая может дать смысл всей нашей жизни. Он говорил убедительно с жаром... Мне, а вероятно и всем присутствующим на лекции, в первый раз случалось слушать подобную политическую речь».[8] Речь Благоева произвела глубокое впечатление на слушателей. Когда спустя 42 года, в 1926 г., О. Говорухин спросил присутствовавшего на этой сходке А. Серафимовича, тогда студента и члена кружка кубанцев и донцов, помнит ли он ту речь Благоева, писатель ответил: «Как же, как же, ведь такая речь никогда не забывается».[9]

Об активной пропагандистской деятельности Д. Благоева среди студенческих кружков Петербурга вспоминает и М. С. Ольминский. Он писал, что Д. Благоев «в то время читал по квартирам, на студенческих собраниях рефераты в защиту марксистских идей. В памяти остался... факт, что Благоев, полемизируя против ходячих народовольческих взглядов, главным образом, доказывал, что интеллигенция не составляет самостоятельного, отдельного класса; отсюда он и делал марксистские выводы».[10]

---

[7] См. там же, с. 38—39.

[8] Говорухин О. Воспоминания о террористической группе А. И. Ульянова. — Октябрь, 1927, № 3, с. 129—130.

[9] Там же, с. 130.

[10] Ольминский М. О. Давние связи. — В кн.: От группы Благоева к «Союзу борьбы». Ростов н/Д, 1921, с. 69.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Благоевцы выпускали «летучие листки» и воззвания, призывавшие студенчество присоединиться к социал-демократической деятельности среди рабочих. Начав свою работу среди студентов университета, Технологического и Лесного институтов, они позже распространили ее и на другие учебные заведения Петербурга и даже, как будет показано ниже, пытались создать общепетербургскую студенческую организацию.

В течение 1885—1886 гг. пропагандистскую работу среди студенчества возглавлял один из наиболее активных благоевцев — Н. П. Андреев. Вместе со своим братом П. П. Андреевым, студентом Технологического института, он устанавливал связи с революционными кружками, посещал их заседания, сам организовывал новые кружки и вел занятия со студенческой молодежью. При аресте у П. Андреева были отобраны бумаги брата, среди них и конспект выступления Н. Андреева перед слушателями одного из студенческих кружков самообразования. Этот документ настолько интересен, что приведем его основные положения. Н. П. Андреев отмечал, что в своих беседах со слушателями кружка он намерен «постоянно преследовать три дела: а) снабдить своих слушателей теми сведениями, которые дали бы им возможность сознательно относиться к окружающим их общественным и экономическим отношениям; б) выработать из своих слушателей кадры людей, безгранично преданных исповедуемой автором идее, и в) побудить их к осуществлению тех мыслей и положений, к которым в конце концов сведутся занятия его лично и его единомышленников». В последующих беседах Н. П. Андреев предполагал дать анализ существующего строя, показать его влияние на рабочий класс и затем «начертить картину будущего общественного строя, в основу которого ляжет труд и справедливость».[11] Таким образом, Н. П. Андреев, как видно из конспекта, собирался готовить из членов студенческого кружка кадры пропагандистов, прочно усвоивших марксистскую теорию. Кружки, руководимые им, активно участвовали в студенческом движении.

Возникает вопрос, а много ли было студенческих групп и кружков, находившихся под идейным влиянием и имевших связи с «Партией русских социал-демократов»?

Документы свидетельствуют, что их было немало. После мартовских событий 1887 г., когда группа Благоева подверглась окончательному разгрому, полиция произвела многочисленные обыски у студентов, которые подозревались в симпатиях к социал-демократам. При этом выяснилось, что в 1885—1886 гг. с «Партией русских социал-демократов» в большей или меньшей степени были связаны как многочисленные тайные студенческие кружки, так и отдельные революционно настроенные студенты. Так, в 1887 г. были арестованы студент

[11] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 87, д. 10268, л. 70.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Технологического института А. Фомин, студент Лесного института С. Платунов и студент Горного института П. Коропачинский. У каждого из них было отобрано значительное количество нелегальной литературы, причем у последнего рукописи: «Коммунистическая революция рабочего класса», «Обращение к работникам». Как выяснилось при дознании, все эти лица были тесно связаны с «Партией русских социал-демократов», которой они оказывали всевозможную помощь.[12]

Арестованный в 1888 г. студент Технологического института Г. Раковец, у которого были найдены при обыске многочисленные издания группы «Освобождение труда»,[13] показал на следствии, что в 1886 г. студентами университета и Технологического института Трищенко и Мещеряковым был организован кружок по изучению «Капитала» К. Маркса, в который он вступил. В кружке изучались рабочие, экономические и политические вопросы, читались запрещенные издания. При аресте И. Мещерякова в 1886 г. у него были взяты различные подпольные издания, в том числе брошюра П. Б. Аксельрода.[14] По мнению С. Овсянниковой, изучавшей деятельность «Партии русских социал-демократов», Трищенко и Мещеряков были связаны с группой Благоева.[15]

Издания группы Благоева распространялись на Калинкинских курсах. Об этом говорила на допросе бывшая слушательница курсов Е. Г. Брейтман, у которой во время обыска в марте 1887 г. были изъяты второй номер газеты «Рабочий», программа группы социал-демократов, а также переведенная с немецкого языка рукопись брошюры «Маркс как руководитель рабочего движения и публицист».[16]

Об идейном влиянии группы Благоева на революционно настроенную студенческую молодежь свидетельствуют и другие многочисленные факты обнаружения марксистской литературы при аресте студентов петербургских учебных заведений.

Передовые студенческие круги не только изучали издания социал-демократических групп, но и оказывали благоевцам различного рода помощь, в частности финансовую. У арестованного в мае 1887 г. руководителя «Студенческого союза», объединявшего студентов Петербургского университета, Н. П. Евстифеева были отобраны наряду с изданиями группы Благоева и Плеханова листы для сбора пожертвований в пользу

---

[12] Обзор важнейших дознаний по делам о государственных преступлениях за 1887 год. Т. 12. СПб., с. 65.

[13] У него были отобраны: «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Речь о свободе торговли» К. Маркса, «Развитие научного социализма» Ф. Энгельса, «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» Г. В. Плеханова и др. — ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 89, д. 11024, л. 38.

[14] Там же, оп. 521, д. 424.

[15] Овсянникова С. Группа Благоева. М., 1959, с. 77.

[16] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 427, л. 136.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

рабочей группы русских социал-демократов.[17] У другого члена «Студенческого союза», студента университета Яковенко, являвшегося одновременно и членом кружка кубанцев и донцов, было найдено письмо, в котором он сообщал, что у него на квартире происходят регулярные сходки для чтения сочинений К. Маркса и Г. В. Плеханова.[18] Необходимо отметить, что членом кружка Н. П. Евстифеева был и В. Курнатовский, будущий выдающийся деятель большевистской партии.

Близко к группе Благоева примыкал кружок учащейся молодежи (студенты и гимназисты), возглавляемый студентом Технологического института И. И. Гильгенбергом и кандидатом Петербургского университета Н. Ракитниковым. В 1886 г. при обыске у И. И. Гильгенберга были найдены несколько экземпляров второго номера газеты «Рабочий»,[19] рукопись статьи, подробно описывающей морозовскую стачку в 1885 г.[20] При дознании выяснилось, что в кружке И. И. Гильгенберга и Н. Ракитникова изучался «Капитал» К. Маркса, а многие члены кружка поддерживали тесные связи с Н. Слепцовой, входившей в группу «милитаристов» (кружок учащихся военных) и впоследствии являвшейся членом «Союза русских социал-демократов», организованного за границей группой «Освобождение труда». Жандармы считали, что И. Гильгенберг и его друг Д. Гофман принадлежали к «Партии русских социал-демократов».[21] Это неверно, но близость их к благоевцам очевидна. И. И. Гильгенберг был тесно связан с кружком кубанцев и донцов, поддерживал постоянные дружеские отношения с В. Д. Генераловым.[22] Кружок Гильгенберга и Ракитникова наряду с тягой к изучению марксистской теории уделял большое внимание и народовольческой литературе. После разгрома группы Благоева этот террористический уклон в его деятельности явно взял верх. Об этом свидетельствуют рукописные программные заметки Н. Ракитникова, в которых изложены основные пункты народовольческих программ.[23]

Привлекая к своей работе передовых студентов, сочувствовавших марксизму, «Партия русских социал-демократов» нередко использовала их как пропагандистов в рабочих кружках. Одним из пропагандистов был студент юридического факультета Петербургского университета Д. И. Игнатов, до этого входивший в состав рабочей группы партии «Народная воля». Д. И. Игнатов, как и его брат Н. И. Игнатов, принимали участие в заседаниях кружка военных моряков, возглавляемого

---

17 Там же, оп. 88, д. 9961, л. 261.
18 Там же, оп. 521, д. 430, л. 153.
19 Там же, оп. 87, д. 10297, л. 6 об.
20 Там же, л. 30 об.
21 Там же, л. 33 об.
22 Обзор важнейших дознаний... за 1886 год. Т. 11. СПб., с. 48.
23 ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 87, д. 10297, л. 28 об. — 29.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Н. Н. Шелгуновым и М. А. Брагинским, студентом Петербургского университета.[24] Этот кружок явно тяготел к нарождавшемуся социал-демократическому движению. М. А. Брагинский, впоследствии ставший коммунистом, писал, что на одном из заседаний огромное большинство этого кружка «... высказывалось за сближение с социал-демократами».[25] Были знакомы братья Игнатовы и с кружком студентов, изучавших марксизм, возглавляемым М. С. Пиккером.[26] Вскоре братья Игнатовы вошли в состав рабочего социал-демократического кружка, руководимого бывшим студентом Технологического института В. Штольцем, который после ухода из института работал машинистом Царскосельской железной дороги и сумел сплотить вокруг себя группу передовых рабочих (И. Ф. Пруссаков, И. М. Синицын и др.).

Д. И. Игнатов, известный среди рабочих под именем «Федор Васильевич», приносил в кружок нелегальную литературу, газету «Рабочий». Члены кружка, в свою очередь, распространяли эту литературу среди знакомых и товарищей по работе.[27] С братьями Игнатовыми были связаны курсистки М. А. Дилятицкая и Б. Корнблюм. При аресте М. А. Дилятицкой, слушательницы Бестужевских курсов, были обнаружены рукописные экземпляры программы группы социал-демократов. Во время дознания выяснилось, что она, как и Д. И. Игнатов, была знакома с благоевцем П. Латышевым, который неоднократно посещал квартиру слушательницы Высших женских курсов Б. Корнблюм, где происходили их встречи.

Пропагандистскую работу среди петербургских рабочих вел кружок Г. Н. Лаврова, находившийся под идейным влиянием группы Благоева. Арестованный осенью 1886 г. Г. Н. Лавров показал, что он разделяет взгляды социал-демократов, «хотя и не может согласиться с допущением политического террора, как это делает программа социал-демократов».[28] Г. Н. Лавров был тесно связан с одним из руководителей «Партии русских социал-демократов» — П. Латышевым. На допросах Г. Лавров говорил, что с рукописями программ бесед с рабочими он знакомил П. Латышева, который «выразил сочувствие подобным занятиям».[29] При аресте у Лаврова были найдены издания петербургской группы — «Партия русских социал-демократов»,

---

[24] Обзор важнейших дознаний..., т. 12, с. 60.

[25] Брагинский М. А. Из воспоминаний о военно-революционной организации (1884—1886 гг.). — В кн.: Народовольцы 80-х и 90-х годов. М., 1929, с. 124.

[26] Обзор важнейших дознаний..., т. 12, с. 60.

[27] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 88, д. 10026, л. 6—13; Обзор важнейших дознаний..., т. 12, с. 60.

[28] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 87, д. 10268, л. 94. — О социал-демократической окраске кружка Г. Лаврова писал в своих воспоминаниях и брусневец В. С. Голубев (см.: Былое, 1906, № 12, с. 107).

[29] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 87, д. 10268, л. 96.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

«Программа социал-демократов» и ряд его собственных рукописей, из которых можно судить о характере и содержании пропагандистской работы кружка.

Изложение программы бесед с рабочими представляется особенно интересным, если учесть, что в руках историков до сих пор почти нет документов, раскрывающих характер и содержание подобного рода занятий петербургских социал-демократов с рабочими.[30] Г. Лавров показал, что порядок изложения материала у него был следующий: первоначально давались основы политэкономии по разделам, затем слушатели знакомились с положением рабочих в Западной Европе и России, при этом рабочим разъясняли «как исторический ход рабочих движений, так и полезность таковых». Далее шел материал о социализме, социалистическом обществе, причем подчеркивалось, что из всех социалистических партий, действующих в России, только социал-демократы выражают в своей программе требования рабочих и будут вести борьбу за политические права рабочего класса.[31]

О характере изложения этих вопросов можно судить по конспектам отдельных глав. Так, в одной из рукописей Г. Н. Лаврова говорилось о существовании в России двух революционных партий — «Народной воли» и «Социал-демократов» и «затем разъяснялись основное положение и цели того и другого сообщества и разбирались отношения каждого из них к рабочему классу». «По этому поводу, — писали жандармы в протоколе осмотра вещественных доказательств, — в рукописи говорится, что „Народная воля" желает добиться улучшения положения рабочих путем политических убийств и устрашения. Социал-демократы же предполагают прежде всего сплотить рабочее население, разъяснить ему его интересы и цели и уже затем вынудить у правительства одну реформу за другой, или же при сильной организации рабочих, решить вопрос прямым восстанием—вооруженной силой».[32] Как видим, в данной программе резко противопоставляются взгляды на роль рабочих у двух революционных партий России. Более того, авторы программы считали необходимым знакомить членов рабочих кружков с существенными разногласиями между ними и активно защищали взгляды социал-демократов. Если учесть, что в тот период пропагандистская работа среди рабочих велась еще в духе народовольческих идей, то столь резкое противопоставление взглядов двух партий на политическую борьбу, на роль рабочих в рево-

---

[30] Известна лишь гектографированная программа «Введение в историю и политическую экономию», отобранная при аресте у В. Г. Харитонова. Она опубликована в журнале «Красная летопись» (1923, № 7, с. 175—184) и, как мы покажем, значительно отличается от лавровской программы занятий с рабочими.

[31] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 87, д. 10268, л. 95 об.

[32] Там же, л. 88.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

люционном движении показывает, что благоевцы и примыкавшие к ним студенты пытались изменить характер этой работы. Несомненно, перед нами документ, рассказывающий о начавшейся борьбе социал-демократов с народовольческой идеологией внутри рабочего движения Петербурга.

В другой рукописи Г. Н. Лаврова говорилось, что рабочие должны стать хозяевами производства, «для чего надо передать орудие производства в общую собственность рабочих». Подобное переустройство, по словам рукописи, возможно при условии соединения рабочих в общества, что, в свою очередь, вызывает необходимость свободы союзов, сходок и печати. Совершить это переустройство экономических отношений возможно при условии государственной помощи». «Но разве нынешний царь,—говорится далее в рукописи, — объявляющий, что слух о прибавке земли распространен его врагами, и посылающий солдат для усмирения рабочих, будет стоять за это дело? Вот если фабриканты что попросят, он с удовольствием сделает... Царь сам по себе ничего в пользу народа не сделает». Поэтому следует добиваться того, чтобы правительственные силы были под влиянием или в руках рабочих, а это возможно лишь при условии ограничения царской власти. «Царь этого, конечно, добровольно не даст, ведь народ распустить опасно, чего доброго, его самого попросят об удалении. Вот и нужно всего этого добиваться с бою».[33]

Обращает на себя внимание стремление авторов программы развеять царистские иллюзии, имевшиеся у значительной части рабочих, добиться осознания ими антагонистичности интересов рабочих и царского правительства. Делается это подчас наивно и непоследовательно, но в целом эта беседа направлена на развитие у рабочих сознания необходимости политической борьбы.

В 80-е годы с появлением первых марксистских организаций начался новый — социал-демократический этап в русском революционном движении. Деятельность группы «Освобождение труда» и «Партии русских социал-демократов» оказала значительное влияние на передовое студенчество Петербурга. Своими литературными трудами, теоретической и политической борьбой, которую вели пионеры марксизма в рядах революционной российской интеллигенции, все еще в целом разделявшей взгляды народников, эти организации подготовляли наступление второго периода социал-демократического движения, когда «социал-демократия появляется на свет божий, как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия».[34]

Первые попытки группы «Освобождение труда» установить

[33] Там же, л. 87—88.
[34] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 180.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

тесные связи с революционными кружками Петербурга относятся к концу 1883 г., когда в Россию выехал представитель группы С. Гринфест. Вскоре он сообщил, что студенческий кружок в Петербурге, сочувствующий деятельности группы, «почти устроен».[35] Второй посланец группы «Освобождение труда» весной 1884 г. сообщал Плеханову из столицы, что «дело издания нашей библиотеки встретило здесь чрезвычайное сочувствие».[36]

Ряд исследователей, например Ю. З. Полевой,[37] видят в этом петербургском студенческом кружке группу Д. Благоева. На наш взгляд, этим кружком могла, скорее, быть пермская группа «С.-Петербургской студенческой корпорации». В пользу такого предположения говорит, в частности, тот факт, что уже в январе 1884 г. члены этой группы располагали теми именно изданиями, которые привез в Россию С. Гринфест.[38] В дальнейшем отдельные корпоранты принимали участие в работе групп Д. Н. Благоева, П. В. Точисского, Н. Е. Федосеева.

«С.-Петербургская студенческая корпорация» была создана осенью 1883 г. Ее организаторами были студенты различных высших учебных заведений Петербурга, но основное ядро составляли универсанты. Первоначально она возникла как тайная организация, «имеющая целью материальную, духовную и нравственную поддержку ее членов»,[39] но вскоре наиболее революционно настроенные корпоранты предложили изменить цели и задачи корпорации, считая необходимым прямо указать в новом уставе, что организация полностью принимает программу «социально-революционной партии».[40] Из материалов следствия неясно, к какой революционной партии собирались примкнуть корпоранты. Нет сомнения, что большинство их разделяли народовольческие убеждения. Но, на наш взгляд, несомненен и факт глубокого влияния на некоторых корпорантов изданий группы «Освобождение труда» и «Партии русских социал-демократов». Уже осенью 1883 г. в некоторых кружках корпорации начали глубоко изучать работы К. Маркса, Г. В. Плеханова. Существовал, например, специальный кружок по изучению «Капитала».[41] В начале 1884 г. члены корпорации предполагали создать «в библиотеке, состоящей из нелегальных изданий, особый отдел из книг, способствующих пропаганде среди рабочих».[42] Однако осенью 1884 г. корпорация подверглась полицейскому разгрому, около 20 ее членов было арестовано.

---

35 См.: Красная летопись, 1924, № 2 (11), с. 195.
36 Из архива П. Б. Аксельрода. Берлин, 1924, с. 92.
37 См.: Полевой Ю. З. Зарождение марксизма в России, с. 193.
38 ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 418, л. 108—109, 120; ф. 733, оп. 149, д. 704, л. 225.
39 Там же, ф. 1405, оп. 87, д. 10877, л. 33 об.
40 Там же, л. 34 об.
41 Там же, ф. 1741, д. 12759, л. 10.
42 Там же, ф. 1405, оп. 87, д. 10877, л. 34 об.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Попытки возродить корпорацию как общегородскую нелегальную студенческую организацию связаны с работой «Партии русских социал-демократов», в частности с усилиями одного из ее руководителей В. Харитонова. В рукописи статьи «О восстановлении С.-Петербургской корпорации», изъятой при обыске у Харитонова, излагался подробный план ее возрождения.[43] Корпорация, по-видимому, не была восстановлена, но отдельные корпоранты продолжали поддерживать связь с благоевцами, распространяли литературу, проводили занятия в рабочих кружках.

В начале 80-х годов в высших учебных заведениях Петербурга обучалась большая группа студентов- пермяков: В. Барыбин, В. Грибель, В. Кузнецов, Г. Хлопин, Ф. Волков и др. В 1883 г. по инициативе Ф. Волкова было образовано Пермское землячество.[44] Многие члены этого землячества еще в Перми состояли в местном революционном кружке, пытались организовать пропаганду среди рабочих города, а также Нижнего Тагила, Мотовилихинского пушечно-литейного завода. Члены кружка знакомили рабочих с успехами социал-демократического и рабочего движения Западной Европы, организовали кассу для будущих рабочих стачек.[45] Один из участников кружка, Л. Дементьев, в письме к брату сообщал о своей принадлежности «к обществу международного товарищества».[46]

По приезде в Петербург некоторые члены пермского кружка продолжали интересоваться рабочим движением, историей западноевропейской социал-демократии. Так, В. Кузнецов писал в Пермь в ноябре 1883 г., что он собирается изучать произведения К. Маркса и Милля.[47] Марксистскую литературу изучали и другие пермяки. В начале 1884 г. при аресте ряда студентов-пермяков у них были найдены издания группы «Освобождение труда», часть которых, как выяснилось на следствии, они успели переправить в Пермь.[48]

Об интересе студентов-пермяков к рабочему вопросу свидетельствует и рукопись, отобранная при аресте у В. Грибеля, напоминающая конспект беседы для рабочих. Рукопись начиналась словами: «В настоящее время идут дебаты о рабочем сословии. Нам почти ничего о нем не известно. Поэтому поговорим о нем». И далее популярно разъяснялся вопрос о роли рабочего класса в капиталистическом производстве, раскрывались понятия «капитал», «заработная плата», «прибавочная стоимость» и т. п. В рукописи отмечалось, что речь идет не

[43] Там же, д. 10143, л. 61—61 об.
[44] ЦГВИА, ф. 749, оп. 62, д. 24, л. 15—16 об.
[45] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 418, л. 108.
[46] Там же, л. 123.
[47] См.: Рабинович Л. Б. Пермский кружок революционных народников. — В кн.: Из истории Урала. Свердловск, 1960, с. 237.
[48] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 418, л. 108—109, 120; ф. 733, оп. 149, д. 704, л. 225.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

только об иностранных, но и о русских рабочих.[49] Как видим, в рукописи Грибеля при анализе положения и роли рабочих фигурируют термины, близкие к понятиям марксистской политэкономии.

Особый интерес вызывает деятельность вольнослушателя Петербургского университета В. Барыбина, бывшего, по воспоминаниям благоевца Г. Хлопина, одним из руководителей студентов-пермяков.[50] В 1882—1883 гг. Барыбин вместе со студентом университета А. Леонтьевым принимал участие в издании журнала «Студенчество»,[51] одной из особенностей которого был довольно последовательный интерес к марксизму, к создателю теории научного коммунизма — К. Марксу.[52] В большом некрологе, посвященном памяти К. Маркса, в частности, говорилось: «Нам, русским, еще не приходилось видеть у себя ничего, подобного их лассалевскому рабочему союзу, ни тем более Интернационалу, „духом живым" которого был Карл Маркс. Но будущее ничуть не закрыто и для нас».[53]

При активном участии В. Барыбина в 1884 г. выходил и другой нелегальный студенческий журнал — «Свободное слово»,[54] бывший заметным явлением в революционной жизни Петербурга.[55] В 1884 г., когда петербургские социал-демократы еще только делали первые шаги, редакция «Свободного слова» начала открытую полемику с «Народной волей» по вопросам тактики политического террора, сущности понятия «политическая борьба». Решительно осуждая тактику террора, «Свободное слово» считало, что «террор слишком дорог», что «он не обеспечивает достижения цели» — социализма.[56] Уже в первом номере (январь—февраль 1884 г.) редакция журнала почти весь свой пафос обратила на опровержение народовольческой

---

[49] См.: Рабинович Л. Б. Пермский кружок..., с. 236.

[50] См.: Хлопин Г. В. Из воспоминаний студента 80-х годов. — В кн.: Юбилейный сборник Военно-медицинской академии. Л., 1927, с. 130.

[51] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 3-е делопр., 1885 г., д. 618, л. 4. — Всего вышло 8 номеров журнала.

[52] Подробнее об этом см.: Маркова О. На венок Марксу. — Каторга и ссылка, 1933, № 3.

[53] ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 2, д. 427, л. 10.

[54] Там же, д. 426, л. 1; ЦГАОР СССР, ф. ДП, 3-е делопр., 1885 г., д. 618, л. 4. — Интересна дальнейшая политическая биография В. Барыбина. Высланный в Тверь, В. Барыбин организовал здесь в 1892 г. кружок «Союз», ставивший ближайшей целью выпуск нелегальной литературы. Им были изданы «Капитал» К. Маркса в изложении Девилля, части из брошюр Г. Плеханова «Русский рабочий в революционном движении», П. Аксельрода «Задачи рабочей интеллигенции», В. Засулич «Варлен перед судом исправительной полиции» и др. В работе кружка принимали участие издатели книги В. И. Ленина «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?» Е. Е. и А. Е. Кугушевы (см.: История СССР, 1961, № 2, с. 125—131).

[55] Вышло 3 номера журнала.

[56] См.: Свободное слово, 1884, № 1—2, с. 10; ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 2, д. 426.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

тактики захвата власти. Отмечая, что народничество так и не создало единой и четкой политической программы, журнал указывал, что в результате публика «путала в своих представлениях и политику и экономику».[57]

В третьем номере «Свободного слова» была опубликована пространная рецензия на книгу Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба».[58] Это был первый отклик на политическое заявление русских социал-демократов. Уже в первых разделах рецензии автор заявлял о своей солидарности с Плехановым, подчеркивая справедливость его тезиса о необходимости критического пересмотра программы и деятельности революционного движения в России. Упрекнув Плеханова в «излишней теоретичности», автор в то же время признавал, что в своем критическом разборе народовольческих программ он «прав в большинстве случаев».[59] Рецензент соглашался с Плехановым и в том, что тактика народовольчества была ошибочной и что в России невозможно создать в ближайшем будущем социалистическое правительство, то есть признавал этапность революционной борьбы.

Однако автор рецензии решительно возражал против того, что Плеханов связывал построение социалистического общества в России с определенным уровнем развития производительных сил и производственных отношений. Для него это заявление звучало как «чистая абстракция по Марксу». Признавая великие заслуги Маркса в экономической науке, куда он ввел «знаменитую, так страшно много объясняющую формулу „прибавочной стоимости"», рецензент с чисто народнической нетерпеливостью протестовал против того, что Россия «обязана пройти всю шаблонную процедуру капиталистического созревания». Не был согласен рецензент и с тем, чтобы русские революционеры признали марксизм единственной научной теорией социализма.

Но, несмотря на все эти заявления, автор рецензии горячо ратовал за политическую программу действий, намеченную Плехановым. Он целиком солидаризировался с критикой народнических планов захвата власти и соглашался с положением Плеханова о необходимости завоевания свободных политических учреждений, демократической конституции и выработки элементов для образования будущей рабочей социалистической партии.[60] Защищая эту плехановскую программу, рецензент возражал тем, кто опасался, будто введение конституции уничтожит «экономический строй народной жизни», то есть общину.

Свою солидарность с намеченной Плехановым программой ближайших политических действий — борьбы за политические свободы, за конституцию — выразила и редакция журнала «Сво-

57 Свободное слово, 1884, № 1—2, с. 8—9.
58 Там же, № 3, с. 10, ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 2, д. 428.
59 Там же.
60 См.: Свободное слово, 1884, № 3—4, с. 11.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

бодное слово». В передовой статье третьего номера она писала, что «надо поднять широкий систематически организованный протест недовольных элементов вообще, хотя бы, как предполагает Г. Плеханов, во имя демократической конституции».[61]

Всего вероятнее, что автором этих статей был В. Барыбин, попытавшийся несколько позднее практически осуществить план создания в России рабочего союза. В начале 1886 г. он обратился к петербургскому градоначальнику с просьбой разрешить организацию рабочего потребительского общества «Взаимность». Одновременно вместе с группой студентов Барыбин вел агитацию среди фабрично-заводских рабочих за образование нелегальной рабочей организации. Как доносил петербургский градоначальник, «цель этого общества была чисто антиправительственного характера и оно носило нелегальное название „Общество страхования от административного произвола вообще и фабричного в частности..."». В донесении указывалось, что «вербовка членов этого общества производилась Барыбиным между столичными фабричными рабочими, представляющими из себя для сего более удобный материал, так как рабочие оторваны от семьи и от родины, а также, находясь всегда под гнетом хозяев, не могут быть вполне довольны своим положением».[62] Всего Барыбин успел завербовать в свое общество около 200 человек.[63] В том же 1886 г. на квартире Барыбина был отгектографирован устав общества.[64] К сожалению, его текст пока не обнаружен. Но основные цели общества достаточно ясны из приведенного выше заключения петербургского градоначальника, а также из некоторых других жандармских сообщений. Так, в 1886 г. у О. Говорухина, члена кружка кубанцев и донцов, тесно связанного с благоевцами и группой А. И. Ульянова, был изъят при обыске «Проект устава вспомогательного общества „Взаимность"». В жандармском резюме о проекте устава говорилось: «Общество „Взаимность" имело цель предоставить рабочим все средства к борьбе с хозяевами, а также оказывать помощь лицам, пострадавшим от распоряжения властей».[65]

Многие члены пермского землячества были связаны с группой Благоева (Г. Хлопин, Ф. Волков и др.). В феврале 1886 г., как показал на следствии благоевец В. Данилов, на одном из собраний членов «Партии русских социал-демократов» (специально созванном для этой цели) «обсуждался проект какого-то рабочего общества, наподобие немецких, инициатива образо-

---

[61] Там же, с. 5.

[62] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 3-е делопр., 1897 г., д. 1351, т. 1, л. 6—6 об.

[63] Там же, л. 7. — Одним из опорных пунктов общества была фабрика Губерта, где активно действовали рабочие Ф. Желудев и П. Зыссер (Там же, д. 888, л. 6 об.).

[64] Там же, л. 6—6 об.

[65] Обзор важнейших дознаний..., т. 12, с. 71.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

вания которого принадлежала некоему Барыбину, на сходке этой, однако, не присутствовавшему».[66] И хотя решение этого собрания нам неизвестно, нет сомнения в том, что создание рабочего общества (с 200 членами) было результатом деятельности не только В. Барыбина. Как свидетельствуют жандармские документы, в организации общества «Взаимность» участвовали члены пермского землячества, студенты университета И. Попов, его брат В. Попов, Ф. Волков, А. Комаров (уроженцы Екатеринбурга), Н. Ватсон, Н. Евстифеев, Е. Яковенко[67] и др. Так, при обыске у Н. Евстифеева были найдены издания благоевцев (40 экземпляров брошюры «Царь-голод», рукописный «Проект программы русских социал-демократов»), бланки листов добровольных сборов в пользу «группы социал-демократов».[68] Н. Евстифеев на допросах показал, что он «бывал в кругу товарищей, где читались издания социал-демократов и обсуждались, кроме научно-теоретических вопросов, и вопросы политического характера, из которых наибольшее внимание возбуждал вопрос о необходимости в России политической свободы».[69] При аресте у студента Е. Яковенко была найдена рукопись речи, с которой он выступал на одном из студенческих собраний. Из ее содержания видно, что на собрании происходило чтение сочинений Маркса, Плеханова, Тихомирова, обсуждение которых вызвало бурные споры участников сходки.[70]

Н. Евстифеев и Е. Яковенко были членами кружка кубанцев и донцов. Тесные связи этого кружка с благоевцами и группой А. И. Ульянова прослежены в работе В. П. Крикунова.[71] О близких, дружественных отношениях с А. И. Ульяновым говорил в своих показаниях Н. Ватсон, студент университета.[72] Таким образом, рабочее общество «Взаимность» создавалось Барыбиным и рядом студентов, которые были близки к А. И. Ульянову и «Партии русских социал-демократов».

В мае 1886 г. В. Барыбин и 21 рабочий были высланы из Петербурга. Но общество «Взаимность» не распалось. Его возглавили студенты — братья И. и В. Поповы, Н. Ватсон, Н. Евстифеев, Е. Гарнак. Они распространяли среди рабочих социал-демократические издания, создавали новые кружки. Как говорил Н. Евстифеев в одной из бесед с рабочим П. Зыссером, «союз рабочих уже существует в Петербурге, но недостаточно сплочен, и потому следует стремиться к объединению кружков». При обыске у Е. Гарнака был найден текст его выступления, в кото-

---

[66] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 87, л. 10286, л. 97 об.
[67] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 3-е делопр., 1897 г., д. 1351, т. 1, л. 3 об. — 5 об.; 1893 г., д. 888, л. 3—4 об.
[68] Там же, 1893 г., д. 888, л. 24 об., 25.
[69] Там же, л. 32 об.
[70] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 88, д. 10094, л. 104.
[71] См.: Крикунов В. П. А. И. Ульянов и революционные разночинцы Дона и Северного Кавказа. Нальчик, 1963.
[72] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 88, д. 10094, л. 92.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ром рабочие призывались образовывать «союзы и классы в видах противодействия правительству и изменения формы правления».[73]

В конце 1886 г. была принята новая «Программа устройства и деятельности рабочего союза», которая была полиграфирована.[74] Содержание ее, однако, остается пока неизвестным. Жандармские документы отмечают лишь ее революционный характер.[75]

В обстановке начавшегося в стране подъема общественного движения на рубеже 80—90-х годов возникла новая социал-демократическая организация — «Рабочий союз». Позже эта организация была названа «группой Бруснева» и под этим названием вошла в историю. В состав этой группы наряду со студентами-технологами входили студенты Петербургского университета В. Цивинский, Ч. Баньковский и др. Группа Бруснева развернула активную пропагандистскую работу среди передовых рабочих, хотя и не сумела добиться соединения теории научного коммунизма со стихийным рабочим движением.

В 1891 г. в Петербургском университете сложился кружок, в который входили П. А. Красиков, А. Бесчинский и др., занимавшийся изучением марксистской литературы. В 1892 г. кружковцы сделали попытку начать пропаганду социал-демократического учения в рабочих кружках на Васильевском острове. В 1892 г. П. А. Красиков отправился в Женеву, где познакомился с Г. В. Плехановым и другими членами группы «Освобождение труда». В Петербург он вернулся с большим транспортом литературы.[76]

В 1891—1892 гг. одновременно с «Рабочим союзом» М. И. Бруснева в Петербурге существовала студенческая социал-демократическая группа, которую возглавлял Ю. О. Цедербаум (Мартов). Эта группа установила связи с Плехановым, послала ему мандат на конгресс II Интернационала и даже приняла название «Петербургская группа „Освобождение труда"»,[77] но все же членов этой группы весьма условно можно назвать социал-демократами, точнее будет определить их как первых «легальных марксистов». Так, в марте 1892 г. в кружке Цедербаума была отгектографирована брошюра «Русский монархизм, русская интеллигенция и их отношение к народному голоду — опыт программы юной русской социал-демокра-

---

[73] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 3-е делопр., 1893 г., д. 888, л. 56 об.
[74] Там же.
[75] Там же, л. 20 об.
[76] Полевой Ю. З. Зарождение марксизма в России, с. 393.
[77] При обыске у членов группы Цедербаума были найдены 2 проекта речи от имени петербургской группы социал-демократов, черновик письма Г. В. Плеханову от имени той же группы, воззвания группы социал-демократов, экземпляры сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова (см.: Обзор важнейших дознаний, т. 17, с. 46).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

тии»,[78] в которой автор, хотя и признавал роль рабочих, но предпочитал говорить об авангардной роли интеллигенции, ссылаясь на опыт немецкой социал-демократической интеллигенции, которая сумела, по его мнению, возглавить рабочее движение. Брошюра открыто призывала сузить социал-демократическую работу и использовать только легальные возможности, рекомендуя вести социал-демократическую пропаганду в основном в кругах демократической и студенческой молодежи.[79]

Анализ этой куцей программы показывает, какие ограниченные цели ставили перед собой некоторые называвшие себя социал-демократическими кружки. Нужна была решительная борьба с этими демагогическими приемами либеральных элементов, необходимо было четко разграничить все революционные силы в освободительном движении России.

Нарастающее рабочее движение в Российской империи, деятельность марксистских кружков, в том числе и в Петербургском университете, в 80-х—начале 90-х годов XIX в. вместе с напряженной работой группы «Освобождение труда» подготовили почву для возникновения петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», созданного В. И. Ульяновым, студентом-экстерном Петербургского университета. С его деятельностью связано начало ленинского этапа в развитии марксизма.

---

[78] Автором брошюры, скрывавшимся за псевдонимом «Русский социал-демократ Nemo», по-видимому, был П. Б. Струве.

[79] См.: Жуйков Г. С. Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». Л., 1975, с. 245—246.

Е. Р. ОЛЬХОВСКИЙ

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ПЕРИОД ЛЕНИНСКОЙ «ИСКРЫ» (1900—1903 гг.)

В начале XX в., в период быстро приближавшейся буржуазно-демократической революции в России, Петербургский университет играл видную роль в общественно-политическом движении. Здесь обучалось более 1/5 всех университантов страны. Университет — крупнейшее высшее учебное заведение Петербурга — являлся общепризнанным идейным и организационным центром для всех вузов столицы.

Студенческое движение конца XIX в. не выходило в целом за рамки академических требований. Оно не было ни идейно, ни организационно связано с рабочим движением, а потому не представляло собой силы, грозившей самодержавию уничтожением. Изживали себя прежние формы студенческого объедине-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ния: землячества, кружки самообразования, библиотеки, кассы взаимопомощи и т. д. В новых условиях, когда в борьбу с царизмом и фабрикантами вступили десятки и сотни тысяч пролетариев, узкокружковые формы студенческого движения и даже «Делегатское собрание Союза студенческих землячеств Петербурга» казались явными анахронизмами. «Касса взаимопомощи студентов Петербургского университета» (в ее составе в разное время было от 300 до 900 человек)[1] выпустила 8 февраля 1900 г. прокламацию, в которой клеймила политику царизма. Но конкретных лозунгов она не выдвинула, а лишь признала, что царизм сумел разбить движение студентов.[2] В 1901 г. в Петербурге вообще не существовало единой общестуденческой организации. Объединение шло по вузам на почве взаимопомощи, самообразования, курсовых и академических требований.[3]

Правда, лучшая часть студенчества ушла в революционную работу. Именно эта группа учащейся молодежи писала в листовке «К студентам» в декабре 1900 — январе 1901 г.: «Не бессильными вспышками гнева должны мы протестовать, а борьбой, — борьбой с политическим строем России... Объединимся же, товарищи, для общей работы во имя уничтожения тяготеющего над Россией гнета, во имя революции! Организация, пропаганда, агитация — вот что нужно для доставления революционным партиям денег и рабочих сил...».[4]

Однако состояние революционного лагеря столицы не способствовало самоутверждению студенческого движения, выработке им четких лозунгов. В социал-демократическом движении со второй половины 1898 г. наступил период временного преобладания «экономизма», когда цели борьбы рабочего класса искусственно низводились к мелким элементарным требованиям, отрицались политические лозунги движения. «Экономисты» пренебрежительно относились к целенаправленной тактике, под видом демократии отрицали четкую структуру организации, отсекали социал-демократическую интеллигенцию от пролетариата. В революционных подпольных организациях столицы в 1898—1900 гг. царила неразбериха.

Петербург на рубеже веков был крупнейшим центром «экономизма». Наиболее сильные подпольные организации — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и «Комитет рабочей организации» — представляли собой худшие образцы оппортунизма и не раз подвергались серьезной критике со стороны В. И. Ленина. Период в истории социал-демократии с

---

[1] Былое. 1907. № 9 (21), с. 85.

[2] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1898 г., д. 3, ч. 1, лит. Д, л. 17—18.

[3] См.: Отчет объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга III партийному съезду. — В кн.: Третий съезд РСДРП. Сб. докум. и матер. М., 1955, с. 579.

[4] Цит.: Энгель Г., Горохов В. Из истории студенческого движения 1899—1906 гг. СПб., 1906, с. 22—23.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

1898 по 1902 г. Ленин определил как «период разброда, распадения, шатания».[5] Ряд других революционных организаций Петербурга — «Рабочее знамя», «Группа 20-ти», «Рабочая библиотека», «Социалист» — хотя и критиковали «Союз борьбы» и «Комитет рабочей организации», сами не могли вырваться за рамки кустарщины, кружковщины, местничества.[6]

В 1900 г. некоторые студенты Петербургского университета принимали участие в работе социал-демократического подполья.[7] Один из них, И. С. Карфункель, был пропагандистом «Союза борьбы», руководил занятиями рабочих кружков на Васильевском острове, Путиловском заводе.[8] Он был автором печально известного «Устава союзной рабочей организации» (октябрь 1900 г.), который подвергся критике В. И. Ленина в книге «Что делать?» как образец организационного оппортунизма, надуманной мелочной опеки и регламентации.[9]

Многие студенческие кружки вообще не имели определенного политического лица, рассылали библиотечки, учили рабочих грамоте и т. д. Члены их жадно искали связей в пролетарской среде, симпатизировали социализму, «народу», ненавидели самодержавие. Но этого в 1900 г. было уже безмерно мало! Требовалась другая работа, другой размах, другая организация. В. И. Ленин с горьким сарказмом нарисовал типичную картину того времени, использовав в значительной мере свою осведомленность о революционных студентах Петербурга, в том числе университета: «И новые ратники шли в поход с удивительно первобытным снаряжением и подготовкой. В массе случаев не было даже почти никакого снаряжения и ровно никакой подготовки. Шли на войну, как мужики от сохи, захватив одну только дубину. Кружок студентов, без всякой связи с старыми деятелями движения, без всякой связи с кружками в других местностях или даже в других частях города (или в иных учебных заведениях), без всякой организации отдельных частей революционной работы, без всякого систематического плана деятельности на сколько-нибудь значительный период, заводит связи с рабочими и берется за дело».[10]

В. И. Ленин поставил другую задачу: добиться фактического единства социал-демократии, разрушенного оппортунистами, воссоздать пролетарскую партию. Важнейшим звеном ленин-

---

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 181.

[6] Подробнее см.: Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Ч. 1. Л., 1962; История рабочих Ленинграда. Т. 1. Л., 1972; Ольховский Е. Р. Ленинская «Искра» в Петербурге. Л., 1975.

[7] ЛГИА, ф. 14, оп. 25, 1907 г., д. 33, л. 257; ф. 139, оп. 1, 1901 г., д. 9044, л. 50.

[8] Егоров И. И. В рядах петербургских социал-демократов накануне второго съезда. — Красная летопись, 1928, № 2 (26), с. 35—37; ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1898 г., д. 5, ч. 6, лит. М., л. 48—50.

[9] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 117—119.

[10] Там же, с. 100.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ского плана была «Искра» — общероссийская газета, выпускать которую в тех условиях можно было только за границей. 1900 г. стал временем подготовки к изданию «Искры». Она должна была стать коллективным пропагандистом, агитатором и организатором партии. Ленин считал, что «Искра» — классово самостоятельный орган борьбы пролетариата. Все в этой принципиально новой газете он стремился подчинить интересам рабочего класса.

Вместе с тем В. И. Ленин считал, что для свержения царизма надо использовать различные проявления борьбы с ним, которыми была так богата предреволюционная атмосфера начала XX в. Волнения учащейся молодежи, конечно, не могли сами по себе свалить самодержавие, но они могли помочь делу пролетариата, являясь одним из признаков банкротства правительства. Поэтому Ленин придавал большое значение студенческому движению и разработал по отношению к нему революционную, марксистскую тактику. Уже в январе 1901 г. он поставил задачу: «Студент шел на помощь рабочему, — рабочий должен прийти на помощь студенту».[11] Ленин и возглавляемая им «Искра» призывали к политическим демонстрациям пролетариев и студентов. Особенно большое внимание уделял Ленин студенческому движению в Петербурге в 1900—1901 гг.[12]

8 февраля 1900 г. студентам Петербургского университета удалось в знак протеста против политики властей сорвать традиционный университетский акт. С пением «Дубинушки» и «Нагаечки» они двинулись по набережной Невы. На докладе об этом обеспокоенный царь Николай II написал, что нужно срочно усилить и улучшить инспекцию в университете.[13] Только в репрессиях, дальнейших строгостях и надзоре видел глава государства путь к успокоению в студенческой среде.

В августе 1900 г. состоялся первый студенческий съезд. Он положил начало регулярным контактам между организациями в масштабах всей страны, призвал «организовать все русское студенчество для выражения всякого рода протестов по поводу явлений академической, общественной и политической жизни».[14]

Осенью 1900 г. произошли волнения в Киевском университете. Они возникли по учебному поводу, но правительство решило проучить непокорных студентов — 183 человека были сданы в солдаты на срок от 1 до 3 лет. Та же мера грозила и 30 студентам Петербургского университета за участие в волнениях 23 ноября 1900 г. Вся передовая Россия была глубоко потрясена. В. И. Ленин откликнулся на это событие статьей «Отдача

---

[11] Там же, т. 4, с. 395.

[12] См., напр.: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 1. М., 1970, с. 293, 300, 301, 308—309, 315, 352, 359.

[13] ЦГАОР СССР, ф. МЮ, 1900 г., д. 269, л. 2—4; ЦГИА СССР, ф. 744, 1900 г., оп. 6, д. 68, л. 1—2.

[14] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 391.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

в солдаты 183-х студентов», помещенной во втором номере «Искры». Перед учащейся молодежью он четко поставил первоочередную задачу: «... единственным достойным ответом на это со стороны студенчества было бы исполнение угрозы киевлян, устройство выдержанной и стойкой забастовки всех учащихся во всех высших учебных заведениях с требованием отмены временных правил 29-го июля 1899 года».[15] Но борьба с царским произволом, указывал далее Ленин, дело не только студентов. «... Все сознательные элементы во всех слоях народа обязаны ответить на этот вызов, если они не хотят пасть до положения безгласных, молча переносящих оскорбления рабов. А во главе этих сознательных элементов стоят передовые рабочие и неразрывно связанные с ними социал-демократические организации».[16]

Насколько отвечали задачи, выдвинутые В. И. Лениным, общественному настроению, видно из сообщения листка «Организационной комиссии Петербургского университета» о сходках 18 и 21 октября 1900 г.,[17] а также из сведений охранки о крайне резком настроении студентов Петербурга. В самом конце 1900 г. 30 старых студентов приняли решение «на репрессии правительства отвечать самым резким протестом и организовать немедленно по возобновлении... учебных занятий забастовку во всех российских высших учебных заведениях».[18]

Четкость и ясность позиций, занятых по отношению к студенческому движению В. И. Лениным и руководимой им «Искрой», особенно заметна в сравнении с серьезными ошибками и путаницей в тактике, допущенными петербургскими социал-демократами в ответственный момент начала массовых политических демонстраций. Рассматривая студенческое движение как чисто буржуазное, чуждое пролетариату, «Союз борьбы» и «Комитет рабочей организации» не поддержали студенческих волнений. Организации учащейся молодежи, находившиеся под влиянием «экономистов» из «Союза борьбы», в свою очередь, не стремились найти поддержку своим лозунгам и тактике в среде пролетариата. Так искусственно создавалась сектантская замкнутость вокруг студенческого движения.

Однако рабочие интересовались делами студентов. «Экономистский» «Рабочий листок» поместил в № 10 статью «Почему студенты бунтуют». Некоторые студенты-революционеры не удовлетворялись чисто «экономистскими» лозунгами. Так, на тайном собрании актива «Комитета рабочей организации» 27 января 1901 г. студент Петербургского университета В. Г. Чер-

---

[15] Там же, с. 394—395. — Имеется в виду закон об отдаче участников студенческих волнений в солдаты.

[16] Там же, с. 395.

[17] Искра, 1900, № 1, декабрь, с. 5.

[18] ЛГИА, ф. 139, 1901 г., д. 9044, л. 1—2.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

данцев выступал за организацию 1 мая общей рабочей и студенческой демонстрации с политическими лозунгами.[19]

Оппортунистическая, сектантская тактика «Союза борьбы» и «Комитета рабочей организации» пагубно сказывалась на деятельности университетской «Кассы взаимопомощи», которая стремилась прежде всего к решению учебных, академических вопросов средствами студенческой борьбы, что дезорганизовывало студентов. Например, накануне демонстрации 19 февраля 1901 г. «Касса» распространила листки, в которых конкретные политические лозунги были подменены абстрактной подготовительной революционной работой в пролетариате.[20]

Более решительную позицию занял «Организационный комитет». Ведя подготовку студенческой забастовки в январе 1901 г., он решил превратить ее в политическую демонстрацию и привлечь к ней рабочих. Члены «Комитета» обратились даже к петербургскому «Союзу борьбы» с предложением организовать совместное выступление студентов и рабочих, но встретили высокомерный отказ «экономистов», считавших студенческое движение буржуазным, недостойным поддержки со стороны пролетариата. В январской листовке группы «Социалист»—«Рабочее знамя», которая первой из социал-демократов столицы приветствовала студентов-революционеров, тоже не было понимания, что рабочие должны активно поддерживать студентов. Тактические ошибки петербургских социал-демократов были столь вопиющими, что секретарь редакции «Искры» И. Г. Леман написала в письме петербургскому «Союзу борьбы»: «Неужели совсем не приглашали рабочих принять участие в студенческих демонстрациях? Это непростительно. Постарайтесь привлечь студентов к участию в майских демонстрациях рабочих».[21] В третьем номере «Искра» на основе изучения В. И. Лениным корреспонденций о брожении студентов Петербурга поместила хронику студенческого движения в столице, включив в нее призыв: «А какое же лучшее средство расширения университетского вопроса и пробуждения сознания в грозной народной силе, как не вынесение протеста на улицу, перед толпу народа».[22]

1 марта 1901 г. сходка студентов университета приняла решение о забастовке и организации уличной демонстрации 4 марта. Узнав об этом, левая часть руководителей петербургского «Союза борьбы» во главе с В. Г. Черданцевым решила, что «рабочие должны пойти на демонстрацию». Она даже стала

---

[19] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1901 г., д. 500, л. 5.

[20] См.: Юхнева Н. В. Студенческое движение в Петербургском университете и первые демонстрации 1901 года. — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 1. Л., 1962, с. 134.

[21] Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России 1900—1903 гг. Т. 1. М., 1969, с. 45.

[22] Искра, 1901, № 3, апрель, с. 2.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

распространять призывные листки. Объединенная организация «Социалист» — «Рабочее знамя» решила не принимать участия в демонстрации 4 марта в целях «сбережения сил». Правое крыло «Союза борьбы» по-прежнему сопротивлялось участию пролетариев в студенческой демонстрации. Но передовая часть рабочих — участников социал-демократических кружков, особенно Невской заставы, 4 марта пришла к Казанскому собору и действовала наиболее решительно.

Под влиянием «Искры» изменилось отношение к студенческим выступлениям и «Социалиста» — «Рабочего знамени». Они стали призывать к рабоче-студенческой демонстрации 11 марта 1901 г. с широкими политическими лозунгами. Правда, неуклюжие маневры «Союза борьбы» сорвали ее. Это привело к серьезным разногласиям в руководстве «Союза». Пролетарии и студенты услышали оценку ленинской «Искры» о демонстрации: «Этот первый опыт манифестации показал, что сочувствие публики обеспечено студенчеству, выступающему против произвола царского самодержавия...» Чтобы добиться успеха, ленинская «Искра» призвала улучшить слабую пока организацию студенческих демонстраций, наладить связи с рабочим движением, выставлять общеполитические, а не узкостуденческие лозунги. По сведениям охранки, именно в марте 1901 г. в столице началась подготовка такого рабоче-студенческого выступления. Министр внутренних дел докладывал 3 марта 1901 г. царю: «Агитаторы склоняют рабочих также принять участие в демонстрации: рабочие кружки ответили, что примут участие только лишь в том случае, если будут выставлены не только касающиеся студентов требования, а общеполитические. Кружки Шлиссельбургского и Нарвского трактов изъявили согласие придти к Казанскому собору».[23]

Итак, значение волнений петербургского студенчества в феврале—марте 1901 г. многообразно. Не студенты пришли на помощь рабочим, а под влиянием В. И. Ленина и «Искры» рабочие поддержали и придали небывалое до того времени политическое значение студенческим демонстрациям. Гений Ленина сумел разглядеть в демонстрациях студентов зародыш важнейшей тактической формы революционной борьбы — массовой политической демонстрации. Соединение студенческих выступлений с могучим движением пролетариата произошло под влиянием идей Ленина. На качественно новую ступень — от академических требований к открытым массовым антиправительственным выступлениям — поднялось и студенческое движение.

Борьба по тактическим вопросам привела к росту сознания студентов, к новой расстановке сил внутри их организации. «Касса взаимопомощи Петербургского университета», близкая

---

[23] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1898 г., д. 3, ч. 125, т. 1, л. 196, об.; 1900 г., д. 16, л. 66.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

к «экономистским» установкам «Союза борьбы», уже не пользовалась весной 1901 г. большим влиянием. Призывы к студентам воздерживаться от политической борьбы, расплывчатые лозунги выжидания и подготовительной работы, стремление замкнуть студенческий вопрос в узких рамках академизма подорвали авторитет этой организации. Иное положение было у «Организационного комитета Петербургского университета». Его воззвания в феврале—марте 1901 г. резко протестовали против отдачи студентов в солдаты. Требования учащейся молодежи поднимались до уровня общеполитической борьбы с царизмом. «Организационный комитет» 16—17 марта руководил сходками студентов университета. 21 марта он выпустил боевой «Бюллетень» № 17, в котором требовал возвратить в университет всех сданных в солдаты, уволенных за волнения, а также участников демонстраций.

«Организационный комитет» выступил с предложением объединить вузы столицы для руководства движением студентов. Назначенные представители образовали «Делегатское собрание», которое обращалось к учащейся молодежи с листовками за подписью «Организационный комитет Петербургского университета». Оно призывало на демонстрацию 19 февраля. И хотя арест «Делегатского собрания» накануне демонстрации в значительной мере расстроил дело, но эта линия была продолжена университетской группой «Союз справедливых». Первая листовка «Союза» появилась еще 11 февраля и, по определению министра внутренних дел, была «крайне революционного направления».[24]

Под влиянием трудов В. И. Ленина, статей и хроник ленинской «Искры» быстро нарастал накал студенческой борьбы. Уже 25 января 1901 г. под председательством социал-демократа В. Познера в Петербургском университете состоялась сходка, определившая форму протеста против отдачи студентов в солдаты. Председатель подчеркнул, что решения университета ждут другие высшие учебные заведения. По предложению Б. Е. Райкова, решено было начать обструкцию занятий. Агитацию повели студенты-социал-демократы, за что их вскоре арестовали. Активную роль сыграл студент В. В. Задлер, известный охранке своими связями с «Искрой».[25] Сходка студентов 10 вузов столицы поддержала решение универсантов. И хотя полиция разогнала участников сходки, в начале февраля в университете и еще в восьми вузах прошли новые сходки. 8 февраля 1901 г. прошла традиционная студенческая вечеринка. Решено было приурочить открытую политическую демонстрацию

[24] Там же, лит. А, л. 34 об. — 36 об.

[25] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1901 г., д. 825, ч. 10, лит. А, л. 157. — Позднее, при аресте Задлера у него был отобран четвертый номер «Искры» со статьей В. И. Ленина «С чего начать?» и хроникой студенческого движения, приготовленными, очевидно, к воспроизводству.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

с требованием отменить «Временные правила об отдаче студентов в солдаты» к 19 февраля — 40-летию отмены крепостного права. Хотя подготовка к этой демонстрации была в целом неудачной, но на нее все-таки собралось до 400 студентов. Полиция сначала избила демонстрантов, а потом переписала 244 человека. Лишенная возможности подготовить и организовать демонстрацию, учащаяся молодежь не сумела добиться ничего реального. Ленинская «Искра» осудила ошибки петербургских революционеров, проявившиеся 19 февраля. Она писала: «Нельзя не выразить сожаления по поводу бездействия социал-демократического «Союза борьбы» в Санкт-Петербурге, Комитета Российской социал-демократической рабочей партии. Позволительно ли было социал-демократии не откликнуться на студенческое движение, не обратиться к рабочим с разъяснением его, не призывать рабочих на демонстрацию против правительства...? Очевидно здесь сказались печальные плоды той пропаганды, которая так усердно велась в Санкт-Петербурге последние два-три года: с одной стороны, „экономисты" усердно приглашали „не забегать вперед" против неразвитых масс и ничего не делали для развития революционной организации и политического воспитания рабочих. С другой стороны, столичные „критики" и „бернштейнианцы" играли на руку „экономистам" своим „разносом" ортодоксального марксизма. Бездеятельность социал-демократии не могла не отразиться на движении, которому не была обеспечена поддержка со стороны организованных передовиков рабочего класса».[26]

4 марта 1901 г. у Казанского собора состоялась знаменитая политическая демонстрация. Общее число собравшихся, по разным сведениям, определяется от 3 до 15 тысяч человек. Эту демонстрацию «отличали от февральских событий исключительная массовость и выдвижение демонстрантами самостоятельных политических требований».[27] Затем еще многие годы власти ставили в вину студентам Петербургского университета 4 марта, в том числе искровцам Н. Н. Рашевскому, Е. П. Борткевичу и др.[28] Во время митинга у Казанского собора конные казаки под руководством градоначальника пошли в атаку и жестоко избили демонстрантов. Студенты, а особенно рабочие яростно сопротивлялись. Более 100 человек были ранены, избиты, изувечены, 1050 — арестованы. 53 студента просидели в тюрьме от 3 до 5 месяцев, 26 руководителей демонстрации власти выслали в Восточную Сибирь и Степной край.[29]

Расправа с демонстрантами вызвала небывалое возбуждение в обществе. Если раньше часть студентов еще колебалась,

---

[26] Искра, 1901, № 3, апрель, с. 3.

[27] Очерки по истории Ленинградской организации КПСС, ч. 1, с. 85.

[28] ЛГИА, ф. 14, оп. 25, 1907 г., д. 33, л. 139, 143, 236 об., 257; ф. 139, оп. 1, 1902 г., д. 9334, л. 8, 31; 1903 г., д. 9594, л. 137.

[29] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, 1901 г., д. 299, л. 333 об.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

то теперь все они решительно заявили, что прекращают посещение лекций. Народ перешел к выражению своего протеста и возмущения в уличных демонстрациях. Ленинская «Искра» призывала социал-демократов «вырабатывать и осуществлять свой план кампании, план военных действий народа против правительства. Пусть будет этот план рассчитан не на единичный и случайный удар, а на систематическую, упорную борьбу».[30]

«Искра» правильно уловила также начало колебаний правительства. Хотя Совет Петербургского университета объявил взыскания участникам студенческих волнений 12, 15, 17, 20, 22, 24, 27 февраля, демонстраций 19 февраля, 4 и 11 марта 1901 г.[31], власти все-таки испытывали колебания — «Временные правила об отдаче студентов в солдаты» хотя и не отменили, но обещали больше не применять. Вместо застреленного студентом Карповичем 14 февраля министра народного просвещения Боголепова не сразу был назначен новый министр, генерал Ванновский, которому приказано было приступить к пересмотру учебного порядка, «внести в дело воспитания юношества сердечное о нем попечение». Решено было показать студентам кроме «кнута» и «пряник» в виде обещания нового министра пересмотреть реакционный университетский устав 1884 г., не отдавать больше студентов в солдаты, а отданных вернуть из казарм в аудитории. Только острые выступления студентов, опасность их поддержки со стороны пролетариата заставили царизм начать лавировать и временно отступить. В результате в апреле — мае 1901 г. волна студенческих выступлений временно спала.

Однако в августе 1901 г. состоялся съезд представителей студенческих организаций, постановивший возобновить борьбу учащейся молодежи с властями. «Беспорядки предположено начать в СПб. университете», — сообщала охранка.[32]

Осенью 1901 г. студенты выжидали дальнейших событий и самоопределялись. «Студенческое движение — движение политическое!» — этот лозунг ленинской «Искры» был взят на вооружение большинством молодежи. Изживал себя социал-демократический «экономизм» университетской «Кассы взаимопомощи». В ее гектографированном воззвании от 19 ноября 1901 г. говорилось об усилении революционного настроения среди студентов, ожидаемые реформы Ванновского рассматривались как результат вырванных у правительства уступок. «Всякий мыслящий и честный студент, искренне желающий понять свое общественное значение и свои задачи, принимает союзником революционный пролетариат с его социал-демократической про-

30 Искра, 1901, № 3, апрель, с. 3—4.

31 ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, 1901 г., д. 242, л. 153—154, 196—197; д. 243, л. 35—36.

32 Там же, ф. 733, оп. 151, 1901 г., д. 290, л. 145—146 об.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

граммой. Другой более цельной политической и социальной программы не может быть у русского интеллигента и, следовательно, студенчества».[33] Часть членов «Кассы взаимопомощи» осенью 1901 г. вышла из ее состава и, соединившись с наиболее решительными сторонниками придания политического характера студенческому движению, образовала «Кассу радикалов». Она рассматривала студенческое движение «как движение общественное, во главе которого стоит пролетариат». В программном листке 22 января 1902 г. «Касса радикалов» выдвинула лозунг: «Долой самодержавие!». Упрекая в «экономизме» и бездеятельном самодовольстве «Кассу взаимопомощи», новая группа писала: «Оставаясь на почве социал-демократических убеждений, мы пойдем новым, *активным* путем».[34] Резко критиковала лучшая часть студенчества либеральные упования на благие намерения правительства. В листовке, выпущенной социал-демократической «Группой студентов-универсантов», говорилось: «Долой либерально-оппортунистическую болтовню разных делегатских собраний! Когда льется кровь, тогда нельзя говорить утешительное для многих: „подождите"».[35]

В. И. Ленин и руководимая им «Искра» выступали с самым решительным разоблачением политической эквилибристики царизма. Вокруг предполагаемых реформ Ванновского развернулась острая борьба осенью 1901—в начале 1902 г. Сходка студентов Петербургского университета 20 ноября 1901 г. потребовала свободы самоуправления, свободы личности и слова. В резолюции говорилось: «Доступ в университеты должен быть свободен без различия пола, вероисповедания, национальности».[36] 22 декабря были опубликованы правительством «Временные правила», разрешавшие под контролем начальства избрание старост, проведение студенческих собраний, создание некоторых корпоративных организаций учащихся по курсам и факультетам и т. д. Однако полицейский надзор за студентами фактически полностью сохранялся. Еще в ноябре — декабре в порядке эксперимента перед введением новых правил разрешено было в Петербургском университете избрать курсовых старост. Но те, кто был выбран, оказались настроенными крайне революционно. Растерявшаяся администрация университета то увольняла 100 участников осенних сходок, то восстанавливала 59 из них.[37]

Кроме волнений по академическим и корпоративным вопросам осенью 1901 г. брожение студентов поддерживалось на высоком уровне и общеполитическими требованиями. Сходки в

---

[33] ЦГАОР СССР, д. ДП, 00, 1898 г., д. 3, ч. 150, л. 89 об.
[34] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, 1902 г., д. 188, л. 241; цит. по: Энгель Г., Горохов В. Из истории студенческого движения..., с. 57—60.
[35] Цит. по: Ольховский Е. Р. Ленинская «Искра»..., с. 115
[36] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1898 г., д. 3, ч. 150, л. 44 об. — 45.
[37] Там же, л. 90; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, 1901 г., д. 290, л. 59.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Петербургском университете 16 и 17 октября[38] были вызваны гнусной статьей Мещерского «Речи консерватора» в газете «Гражданин». Статья обливала грязью всех учащихся женщин. Студенты выпустили прокламацию.[39] При этом все чаще проявлялись тенденции вузов к объединению, к налаживанию контактов между их социал-демократическими группами. Например, агенты охранки доносили, что в конце ноября 1901 г. из столиц были направлены делегаты в Киев и Харьков, чтобы договориться о совместных и одновременных политических стачках и студенческом съезде. Студенты Москвы предлагали инициативу Петербургскому университету «как центру, где имеются более тесные общения с рабочими и другими классами общества, а равно и более многочисленен и деятелен радикальный элемент». 9 октября проведено было собрание общего «Организационного комитета» всех высших учебных заведений Петербурга с участием депутатов из других городов для «обсуждения вопросов о предъявлении министру народного просвещения требования назначить крайний срок возвращения безусловно всех прежде удаленных товарищей».[40] Активную агитацию за общестуденческую забастовку вели студенты Петербургского университета Н. В. Аполлонов, А. В. Веселовский, А. А. Вермишев, Н. Н. Воскресенский, К. А. Горбунов, В. А. Горохов, Б. Е. Райков, А. А. Сольц, Е. С. Шехтер и др.

Массовые студенческие волнения осенью 1901 г. были вызваны добролюбовским юбилеем. Сходки в Петербургском университете проходили 13, 19, 20, 23 ноября. На самой большой сходке 26 ноября присутствовало 400—600 человек и были произнесены 3 политические речи.[41]

В. И. Ленин внимательно следил за развитием событий. «Искра» в обзоре студенческих выступлений за осень 1901 г., предсказывая близость их нового подъема, выдвинула лозунг о руководстве студенческой борьбой со стороны социал-демократов: «Комитетам нашей партии и всем революционным группам следует теперь же начать готовиться к тому, чтобы события вроде прошлогодних не застали нас врасплох».[42] Ленин считал важнейшей задачей социал-демократов сплачивать революционные силы, объединять вокруг пролетариата всех недовольных, всех угнетенных, систематически готовить общенародное восстание.[43] Ленин отмечал взаимосвязь студенческого движения с революционной борьбой пролетариата.

---

[38] Описание их отобрано при обыске у студента Е. Сиротинского (ЦГАОР СССР, ф. 1167, оп. 2, 1902 г., д. 4518, л. 2).

[39] См.: Владимир Ильич Ленин: Биохроника, т. 1, с. 352.

[40] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, 1901 г., д. 291, л. 237—238; ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1898 г., д. 3, ч. 150, л. 62.

[41] Там же, л. 44—45, 59—59 об.; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, 1901 г., д. 290, л. 145—146 об., 334, 356.

[42] Искра, 1901, № 10, ноябрь, с. 3.

[43] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 289—294.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Осенью 1901 г. ленинская «Искра» предприняла решительные шаги для завоевания на свою сторону не только идейно, но и организационно революционного подполья Петербурга. В сентябре—октябре в столицу приехал агент «Искры» В. П. Ногин, который провел переговоры с объединенной организацией «Социалист» — «Рабочее знамя». Он создал Петербургский отдел «Искры» — первую подлинно искровскую организацию, зародыш будущей большевистской организации столицы, который стал быстро расти, завоевывать все новые позиции в пролетарской среде. Наряду с этим Ногин внимательно следил за развитием движения учащейся молодежи в Петербурге и сообщал об этом редакции «Искры».[44] Определенные контакты Петербургский отдел «Искры» имел в университете. Среди 57 адресов, по которым в конце 1901 г. из-за границы в столицу поступала революционная литература, значились: химическая лаборатория университета и квартира университанта на Садовой улице, д. 112. В состав Петербургского отдела «Искры» вошел и представитель университета Н. Н. Рашевский.[45]

Наивысшего накала студенческие волнения достигли в первые месяцы 1902 г., что было вызвано острой борьбой в связи с введением «Временных правил» и последовавшим расслоением студенчества. Не отказываясь от репрессий и мер устрашения, царизм отводил широко рекламировавшейся реформе университетов роль приманки, чтобы сбить волну студенческих беспорядков. Разрешаемое под контролем властей самоуправление призвано было «выпустить пары» и послужить умиротворению «радикальных элементов». Администрация в самом начале 1902 г. назначила студенческие сходки, на которых предполагала провести выборы старост курсов и факультетов, в угодном направлении сформулировать отношение к «Временным правилам». Однако вопреки расчетам большинство студенчества отвергло «пряник» Ванновского. Петербургский университет шел во главе этого движения. Уже 21 января 1902 г. здесь состоялись многолюдные сходки, послужившие толчком к брожению в других учебных заведениях. В столовой университета появились политические карикатуры, затем последовали небольшие сходки 24 и 26 января. Настроение студентов было столь возбужденным, что Совет университета решил не проводить традиционного акта 8 февраля. Совет доносил: «Мы имеем дело с грозным явлением: нарождением новой традиции. Бесчинства на актах Петербургского университета, как безобразнейшая форма политического протеста, обращаются в традицию». Отмену праздника одобрил царь.[46]

[44] См.: Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искры»..., т. 1, с. 231, 246.

[45] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1902 г., д. 451, л. 1-б об.; ЛГИА, ф. 14, оп. 25, 1907 г., д. 33, л. 139—139 об.

[46] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1898 г., д. 3, ч. 150, л. 147—149, 156; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, 1902 г., д. 292, л. 219—220.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

5 февраля 1902 г. в университете прошла общая сходка. 1063 ее участника отвергли «Временные правила», потребовали «свободы слова, личной неприкосновенности и полной свободы студенческих организаций». Против этого голосовали 15 человек. Решено было немедленно начать забастовку с обструкцией, а если ее поддержат другие вузы Петербурга, то «устроить уличную демонстрацию с участием рабочих». Из 43 выбранных согласно «Временным правилам» старост 33 от своих обязанностей отказались, а к 29 января — вообще все кроме двух.[47] Они заявили, что не желают служить делу умиротворения университета, а призваны отстаивать перед властями интересы студентов, им же этого делать не дают. Старосты выступили против «Временных правил» и составили проект реформы, перепугавший начальство своим решительным тоном и радикальностью. Даже несколько профессоров Петербургского университета (Бодуэн де Куртене, Боргман и др.) подали протест «против возложения на них обязанностей жандармов в студенческих организациях».[48]

Возмущенное трусливой отменой традиционного акта 8 февраля в честь университетской годовщины студенчество решило по-своему отпраздновать ее. Было решено провести демонстрацию у Зимнего дворца, перед окнами царя, а вечером повторить ее в Народном доме. К участию в демонстрации студенты приглашали и рабочих. Но охранка в ночь на 8 февраля арестовала около 100 студентов, в том числе многих руководителей «Кассы радикалов», «Организационного комитета Петербургского университета», студенческой социал-демократической организации «Дело». Демонстрация у Зимнего дворца была сорвана. Вечером в Народном доме собралась небольшая группа студентов. Присутствовавшие возбужденно скандировали «Долой Временные правила!». Полиция жестоко избила студентов и арестовала несколько десятков университантов.[49]

Сходки в Петербургском университете продолжались весь февраль. Власти не могли создать даже видимость занятий, хотя всячески лелеяли так называемую «партию порядка». Но оказалось, что в университете нашлось всего 160 умеренных (около 5% студентов). Начальство стремилось хотя бы формально открыть Петербургский университет с конца февраля. Фактически же занятия так и не возобновились. Чтобы предотвратить перерастание студенческого брожения в открытые уличные политические демонстрации, охранка арестовала 1 марта 1902 г. 5 студентов университета, а 3 марта — 22.[50] За уча-

[47] Искра, 1902, № 17, 15 февраля, с. 2; ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1898 г., д. 3, ч. 150, л. 172 об.

[48] Там же, л. 157.

[49] Там же, л. 196; Искра, 1902, № 18, 10 марта, с. 2.

[50] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1898 г., д. 3, ч. 150, л. 149, 157, 270 об.; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, 1902 г., д. 292, л. 380—382 об., 680—683 об., 687—688.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

стие в студенческих беспорядках 5, 26, 27 и 28 февраля, 1 марта из Петербургского университета было исключено 108 человек, наказано 530. Репрессиям было подвергнуто более 30% студентов физико-математического факультета, 20% историко-филологического отделения, 18% естественников, 13% юристов и т. д.[51]

Большую роль в волнениях начала 1902 г. сыграли студенческие организации. Они были так или иначе связаны с социал-демократией, призывали учащуюся молодежь к союзу с пролетариатом. Например, в листовке «Делегатского собрания студенческих организаций С.-Петербурга» (февраль 1902 г.) говорилось: «Сознательное студенчество должно в настоящее время участвовать в непосредственной революционной борьбе против существующего политического и социального строя, причем борьба эта особенно продуктивна в том случае, если студенчество примыкает к партиям, опирающимся на наиболее революционный класс — пролетариат».[52] Быстро революционизировавшийся под влиянием В. И. Ленина Петербургский комитет активно разъяснял студентам смысл политики «сердечного попечения». В своей листовке он писал: «Разрешая студентам чайные и столовые, кассы взаимопомощи и ссудосберегательные... и т. п. под бдительным надзором начальства, давно уже ненавистного студентам, правительство хочет вылущить из них душу живую. Хотят этой мертвечиной отвлечь внимание студентов от страстного свободного искания истины, добра, справедливости, хотят потушить в них горячую отзывчивость к нуждам рабочего класса».[53] Влияние идей В. И. Ленина четко прослеживается и в прокламации Петербургского комитета РСДРП к 8 февраля 1902 г. «Требование студентов, — говорится в прокламации, — часть наших требований, и мы можем только радоваться тому, что необходимость политической свободы сознается теперь не только нами, но и самой честной и боевой частью русского общества — учащейся молодежью. Будем же оказывать поддержку студентам в их борьбе с полицейским произволом. Будем же участвовать в их демонстрациях, и пусть вместе с их возгласами сольются и наши возгласы: „Долой самодержавие!", „Да здравствует политическая свобода!"».[54] Популярность идей «Искры» среди студентов была столь велика, что «почти всякий революционно настроенный студент называл себя социал-демократом».[55]

Наиболее активно действовала в Петербургском университете в начале 1902 г. «Касса радикалов». Ее руководители при-

---

[51] ЛГИА, ф. 139, оп. 1, 1902 г., д. 9335, л. 47.

[52] Цит. по: Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. 1899—1907. М., 1971, с. 74.

[53] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, 1901 г., д. 288, л. 222.

[54] Цит. по: Гусятников П. С. Революционное студенческое движение..., с. 74—75.

[55] Отчет объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга III съезду РСДРП, с. 580.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

держивались социал-демократических взглядов, имели связи с петербургским «Союзом борьбы» и даже выдвигали политические требования. Она приобрела ротатор и в течение 25 января—6 марта выпустила 30 листовок, обращенных к студентам, а также к офицерам с призывами отвергнуть навязываемую им правительством «роль палачей», отказаться от «выстрелов и увечья толпы».[56] Несмотря на резкие выражения в прокламациях «Кассы радикалов», программа этой группы была эклектической и исчерпывалась лозунгом «Долой самодержавие!». Социальной программы у «Кассы радикалов» не было, по многим вопросам она недалеко ушла от «экономизма».

Весьма энергично действовал «Организационный комитет Петербургского университета». Именно его признавали студенты руководящим органом, подчинялись его решениям о стачке, о выходе на демонстрации и т. д. За первые полтора месяца 1902 г. «Организационный комитет» выпустил около 20 прокламаций. Однако и его политические лозунги, тактика и связи были родственны «Кассе радикалов» и до последовательного искризма не поднялись. Еще менее политически определенными были прокламации к студентам Петербургского университета социал-демократической организации «Дело» и группы «Протест».[57]

Важную роль в политическом самоопределении воспитанников Петербургского университета сыграл II Всероссийский съезд студентов, который состоялся в феврале 1902 г. в Риге. На нем присутствовало 40 делегатов почти от всех вузов страны, в том числе 12 из Петербурга. Съезд признал, что студенческое движение есть движение политическое, своими корнями уходящее в современный общественный строй России. Много внимания съезд уделил единству действий студентов и пролетариев. «Манифест» съезда потребовал политической свободы и широкой пропаганды социалистических идей среди студентов. Во всех вузах съезд предложил создать постоянные «организационные комитеты», имеющие связи с местными комитетами РСДРП. В области тактики, указав на забастовки и обструкции, съезд выдвинул на первый план демонстрацию как наиболее действенное средство, но при условии единства студенчества.[58] Ленинская «Искра» приветствовала решение II Всероссийского студенческого съезда «примкнуть возможно теснее к комитетам нашей партии».[59]

Уже в конце декабря 1901 г. среди студентов Петербурга

---

[56] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1898 г., д. 3, ч. 150, л. 147—149 об., 155—157 об., 191—199 об., 220—235, 266—272 об.

[57] Там же, л. 171, 194, 226; ЛГИА, ф. 14, оп. 1, 1902 г., д. 9734-а, л. 36—36 об.

[58] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, 1902 г., д. 289, л. 17; ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1898 г., д. 3, ч. 150, л. 220—221.

[59] Искра, 1902, № 18, 10 марта, с. 3.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

стал распространяться призыв к большой политической демонстрации 3 марта 1902 г. у Казанского собора. Сначала «экономисты» выступили против участия в ней рабочих, но под давлением со стороны самих пролетариев, 9 февраля 1902 г. вынуждены были согласиться и начать готовиться к демонстрации. Уроки «Искры» не прошли даром. Решено было выдвинуть прежде всего общеполитические требования: уничтожение самодержавия, установление праздника 1 Мая, свобода слова, печати, союзов и неприкосновенность личности. Под влиянием статей В. И. Ленина и «Искры» пролетарские социал-демократические кружки выдвинули лозунги: 8-часовой рабочий день, уничтожение сверхурочных работ, возвращение осужденных обуховцев и др.[60] В ходе подготовки к демонстрации в Петербургском университете, роль которого охранка выделяла особо, распространялись в сотнях экземпляров призывы выйти 3 марта на Невский проспект. За две недели до демонстрации в Петербурге было распространено 66 прокламаций, отпечатанных в тысячах экземпляров.[61]

Волнение властей вызвало то, что многие студенты Петербургского университета искали оружия «в убеждении, что готовящаяся демонстрация будет подавлена вооруженной силой».[62] План проведения демонстрации предусматривал митинги рабочих и студентов не только у Казанского собора, но и в других местах Невского проспекта.

Аресты рабочих и вожаков студентов, кордоны войск и полиции у Нарвской и Невской застав не смогли сорвать демонстрацию. Основную часть ее участников составили пролетарии. Всего в ней участвовало 40 тысяч человек. Рабочие заранее вооружились палками, камнями. В 12 часов дня у городской Думы были подняты лозунги: «Долой самодержавие!», «Да здравствует социал-демократия!» и др. На демонстрантов кинулся отряд жандармов и стал избивать их. Тяжело ранен был студент Петербургского университета. Демонстранты упорно сопротивлялись 4 часа, особенно рабочие. Ленинская «Искра» дала подробное описание демонстрации, а также высокую оценку ее политического значения. Постановлением «Особого совещания» десятки студентов были сосланы в Сибирь, заключены в тюрьму. Только по двум спискам из Петербургского университета было исключено и выслано из столицы 25 человек, среди них социал-демократы Б. П. Вологдин, Н. Н. Воскресенский, Е. С. Шехтер и др.[63]

---

[60] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1902 г., д. 500, л. 27—27 об.

[61] ЦГАОР СССР, ф. ДП, Еженедельная записка министра внутренних дел царю Николаю II 6 марта 1902 г., л. 59.

[62] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1902 г., д. 500, л. 28.

[63] Искра, 1902, № 19, 1 апреля, с. 1—2; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, 1902 г., д. 293, л. 150; ЛГИА, ф. 254, оп. 1, 1902 г., д. 12506, л. 1—1 об.; ф. 139, оп. 1, 1902 г., д. 254, л. 113—114.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Отдельные волнения петербургского студенчества наблюдались и позже. Готовились студенты университета к Первомаю, но беспрерывные аресты сильно обескровили студенческие организации.

Велики были политические итоги студенческого движения начала 1902 г. Рост числа студенческих волнений, их все более организованный характер В. И. Ленин считал одним из признаков неизбежного банкротства царизма.[64] Стало ясно, что требования учащейся молодежи активно поддержал прежде всего пролетариат. Форма политической демонстрации, предложенная студентами и взятая на вооружение рабочими, наглядно показала бесповоротное крушение «экономистской» тактики хвостизма.

Весной 1902 г. произошел окончательный переход студенческого движения от академических целей борьбы к общеполитическим. С правительства была сорвана маска «сердечного попечения» о студентах. Правильную тактику студенческому движению помог найти В. И. Ленин. Его труды содержали глубокий анализ причин, особенностей и недостатков этого движения, указывали верный путь дальнейших действий. Благодаря ленинскому призыву серьезное внимание на движение учащейся молодежи обратили местные комитеты партии. Размах студенческой борьбы был очень велик. Недаром Ленин в октябре 1901 г. считал возможным и такой поворот событий: «Может быть, история возложит на студенчество роль застрельщика и в решительной схватке? Как бы там ни было, но для победы в этой схватке необходим подъем масс пролетариата...».[65] Оценивая смысл произошедших в 1902 г. перемен, Ленин писал через три года: «Политическое движение пролетариата не примыкает уже к интеллигентскому, студенческому движению, а само вырастает непосредственно из стачки».[66]

Глубокое осознание большой частью студенчества необходимости тесной связи с борьбой пролетариата имело далеко идущие политические последствия. Лучшие студенты посвятили себя работе в социал-демократических организациях. Это были кадры будущих революционеров-профессионалов. Резко возросла политическая дифференциация российского студенчества. Неоднородность его политических устремлений, его социального состава неизбежно вела к значительному расслоению молодежи. Назревавший общенациональный кризис, консолидация классов, оформление политических партий ускорили дифференциацию студенчества.

Летом 1902 г. революционное движение претерпело серьезные изменения. Неутомимая деятельность «Искры» привела к образованию на местах подлинно марксистских комитетов, встав-

[64] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 273—277.
[65] Там же, т. 5, с. 334, примеч.
[66] Там же, т. 9, с. 251.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ших на ленинские позиции и идейно, и тактически. Как ни сложно было положение в социал-демократическом подполье Петербурга, здесь тоже произошли сдвиги. В результате непримиримой борьбы с оппортунистами учеников В. И. Ленина: И. И. Радченко, П. А. Красикова, В. П. Краснухи, П. Н. Лепешинского, Е. Д. Стасовой, Н. Н. Штремера и др. — петербургский «Союз борьбы» и «Комитет рабочей организации» в июне перешли на сторону «Искры» и приняли решение о перестройке структуры на основе ленинских организационных принципов, а в июле открыто заявили о своем разрыве с оппортунизмом.

Осенью 1902 г. В. И. Ленин пишет свое знаменитое «Письмо к товарищу о наших организационных задачах». Тем самым был сделан решающий шаг по пути выработки организационных основ структуры большевистской партии на принципах централизма, строгой конспирации, специализации функций. Этот ленинский организационный план предусматривал превращение каждого завода, каждой фабрики в социал-демократическую крепость. А для этого требовалось значительно расширить агитацию и пропаганду, организационную работу. Нужны были сотни теоретически образованных марксистов, практиков для групп «партийной техники», печатен, типографий, переносчики и распространители нелегальной литературы, хозяева конспиративных квартир и адресов для шифрованной переписки. Партии требовались деньги. Все эти многообразные, но строго специализированные функции с успехом выполняли студенты. Ленин придавал большое значение помощи, которую учащаяся молодежь могла оказать партии. Готовясь ко II съезду РСДРП, он разработал и направил в местные комитеты вопросник для докладов съезду. Параграф 28 гласил: «Студенчество. Случайное и личное или организованное воздействие? Много ли социал-демократов выходит из студентов? Есть ли связи с студенческими кружками, землячествами, союзными советами? Как ведутся эти сношения?— чтения? — распространение литературы? Преобладающее настроение в студенчестве и история смены разных настроений. Отношение к студенческим волнениям? Участие студентов в демонстрациях? Попытки заранее сговориться об этом? Студенты как пропагандисты, подготовка их?».[67]

Петербургский комитет РСДРП очень серьезно отнесся к этим ленинским указаниям и обратился к молодежи. Наиболее сознательные студенты Петербургского университета «сразу же поняли, в чем должна заключаться их новая роль и, оставив академическую трибуну, отправились в рабочую партию, чтобы в ее рядах занять скромное место борцов за освобождение всех трудящихся».[68]

[67] Там же, т. 7, с. 81.

[68] Энгель Г., Горохов В. Из истории студенческого движения..., с. 80.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Однако осенью 1902 г. отрицательное воздействие на студентов оказала ожесточенная борьба, развернутая сторонниками оппортуниста и демагога А. С. Токарева («Вышибалы») против ленинско-искровского ПК РСДРП. «Вышибала» создал в Петербурге новую «экономическую» организацию, для маскировки назвав ее старым именем «Комитет рабочей организации», хотя ни морального, ни формального права на это не имел. С нею были связаны 5 студентов Петербургского университета.[69]

И все-таки позиции твердых искровцев пользовались в Петербургском университете все большим авторитетом. Изживали себя промежуточные организации, беспартийные группы. Фактически перестала существовать «Касса взаимопомощи студентов Петербургского университета».[70] Осенью 1902 г. резко спала активность и «Кассы радикалов». Правда, вернувшиеся из ссылки в Петербург ее руководители наладили регулярный выпуск «Листка Кассы радикалов», заключили договор с токаревским «Комитетом рабочей организации».[71] Однако ни существенных выступлений студенчества, ни серьезной работы «Касса радикалов» наладить уже не смогла. На ее развалинах возникла «Социал-демократическая группа студентов С.-Петербургского университета». Хотя четко группа оформлена не была, но в целом стояла на «экономистской» позиции, как вспоминал об этом один из руководителей студенческого движения в Петербургском университете, известный впоследствии большевик Н. В. Дорошенко. Такую же характеристику давал этой социал-демократической организации и другой видный участник движения Е. А. Энгель.[72]

Почти одновременно, в конце 1902 г., в Петербургском университете образовалась и другая социал-демократическая группа. Большинство ее членов и раньше принимали участие в студенческих волнениях, близко стояли к «Кассе взаимопомощи», разделяли взгляды «легальных марксистов». Однако труды В. И. Ленина, идеи «Искры» привели их в ряды революционной социал-демократии. В состав группы вошло около 20 человек: Н. В. Дорошенко, Е. А. Энгель, Н. Н. Кузьмин и др. Важное место в жизни группы заняли попытки издавать теоретический журнал. Группа заручилась согласием участвовать в нем со стороны некоторых «легальных марксистов», но план издания

---

[69] Подробнее см.: Ольховский Е. Р. Ленинская «Искра»..., с. 200—204, 245, 252—254, 283—286; ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1898 г., д. 5, ч. 6, лит. Ц, л. 23; 1901 г., д. 825, ч. 10, л. 145, 201 об., 220.

[70] Калинин А., Мандель С. Ленин и Петербургский университет. Л., 1969, с. 112—113.

[71] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1898 г., д. 3, ч. 213, т. 4, лит. А, л. 22—24.

[72] Дорошенко Н. В. Возникновение большевистской организации в Петербургском университете и первые годы ее существования. — Красная летопись, 1931, № 2 (41), с. 83; Энгель Е. 1905 год и студенческое движение в Петербурге. — Там же, 1925, № 2 (13), с. 94.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

журнала не осуществился. В конце января 1903 г. группа под воздействием «Искры» усвоила ленинские идеи, организационно связалась с искровским Петербургским комитетом РСДРП.[73] Студенты университета оказывали ему помощь в постановке печатен и типографий, в разноске и хранении нелегальной литературы и т. д.

В 1903 г. открытых забастовок петербургских студентов было меньше. Однако настроение студенчества по-прежнему было весьма возбужденным. Ректор Петербургского университета 1 февраля сообщал, что содержание прокламаций «более социалистическое и касаются они главным образом рабочего движения, но есть прокламации, призывающие и студентов к движению». Ректор трусливо просил снова отменить торжественный акт 8 февраля 1903 г. в честь университетской годовщины. Руководители студенческих организаций, узнав об этом, решили снова устроить 8 февраля публичную демонстрацию в Народном доме. Для обсуждения вопроса собрались представители различных студенческих организаций университета, но были арестованы охранкой.[74]

Продолжалась в 1903 г. политическая дифференциация студенчества. Такие организации универсантов, как «Дело», «Касса радикалов», «Партизаны борьбы», не имевшие четкой классовой программы, распались. Их участники распределились по нескольким партийным группам. Наряду с социал-демократами появились «Группа радикалов» и эсеровская организация. Расслоение студенчества отражало классовую борьбу в России; группировки студентов в конечном счете соответствовали политическим группировкам в обществе. В одной из листовок, изданных социал-демократами Петербургского университета, анализировались причины дифференциации учащейся молодежи. Марксисты, вполне понимая, что студенчество по своему классовому положению далеко не однородно, что в его составе значительное место занимают разночинцы, писали: «О либералах долго говорить не приходится по той простой причине, что их реальное значение ничтожно. Студенчество Петербургского университета читает „Освобождение", однако оно не обнаруживает стремления перейти в лагерь освобожденцев: оно ищет работы, а не фраз, а в революционной работе либералы пока неповинны». Иное дело — эсеры. Мелкобуржуазные элементы студенчества активно ухватились за очень революционно выглядевшую тактику индивидуального террора. В Петербургском университете у партии социалистов-революционеров оказалось немало сторонников. «Но идущие спокойно своею чередою исторические процессы, неумолимо отдаляющие на задний план

[73] Дорошенко Н. В. Возникновение большевистской организации..., с. 83—85.

[74] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, 1902 г., д. 462, л. 71, об.; ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1898 г., д. 3, ч. 213, т. 4, лит. А, с. 22—24.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

всякие утопии, коренящиеся в фантазиях революционно настроенных людей, все больше и больше выдвигают безрезультатность и безнадежность работы с-ров. Организованный террор остается химерой. Фантазии на тему о социалистическом крестьянстве — фантазиями. Истинным и могучим революционным фактором остается все тот же рабочий класс, на сознательный рост которого либералы смотрят с таким опасением, с-ры с таким недоверием. Изредка доносится до слуха гром выстрела отдельного героя; от времени до времени воздух оглашается криками истязуемых за бунт крестьян. Только городской пролетариат неустанно и неуклонно при сочувствии и содействии социалистической интеллигенции делает свое дело, напоминая царизму о близости конца. Только он в разных концах России поднимается, чтобы заявить свой протест — упорный и убежденный. И только он в силе довести этот протест до конца».[75]

В Петербургском университете дело консолидации революционных сил осложнялось наличием двух социал-демократических групп. Однако быстро шел процесс их сближения, и в январе 1903 г. они слились в одну организацию под названием «Социал-демократическая группа студентов С.-Петербургского университета». Эта организация пользовалась большим авторитетом. Передовая часть студенчества рассматривала ее как законного преемника всех предшествовавших студенческих беспартийных организаций и передала ей весь богатейший архив, в том числе и совета старост. Группа сообщила о своем образовании специальным листком 8 февраля 1903 г. В другом документе эта группа так определила свою роль в студенческом движении: стремиться подчинить его интересам политической борьбы пролетариата, добиваться, чтобы молодежь поняла, что успех ее борьбы за академические свободы всецело зависит от победы рабочего класса над царизмом.[76]

Объединенная социал-демократическая группа сразу же заняла четко выраженную революционную искровскую позицию как идейно, так и организационно. Самостоятельного значения студенческому движению она не придавала, и тем не менее к ней быстро перешла авангардная роль в общестуденческом движении Петербургского университета. Эта организация «стала партийной группой, руководимой местным центром и примкнувшей к революционному крылу партии, возглавлявшемуся в то время „Искрой"».[77] Уже в марте 1903 г. победила и тактическая линия этой группы: не чисто академическое студенческое движение под общими радикальными лозунгами, как предлагали

---

[75] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, 1903 г., д. 538, л. 223—224.

[76] См.: Гусятников П. С. Революционное студенческое движение..., с. 108; Дорошенко Н. В. Возникновение большевистской организации..., с. 85, 89.

[77] Там же, с. 90.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

бывшие промежуточные группы в университете, не отказ от участия в студенческом движении вообще и работа только в рабочих кружках, чего добивались сторонники оппортунистического «Комитета рабочей организации» Токарева, а принципиально выдержанная искровская тактика поддержки всякого революционного движения, в том числе и студенческого, с подчинением его классовым интересам пролетариата.[78]

Именно так подошла объединенная группа социал-демократов к празднованию 8 февраля 1903 г. юбилея университета. Поскольку аресты не дали возможности организовать политическую демонстрацию в Народном доме, группа решила провести сходку в университете под социал-демократическими лозунгами. Петербургский комитет РСДРП обратился с «Открытым письмом к студенчеству», получившим одобрение редакции «Искры». Констатируя некоторую «заминку» в общественной жизни, растерянность и уныние у известной части студенчества, Петербургский комитет относил это явление на счет отсутствия у учащейся молодежи «стройного революционного понимания» и теоретической подготовки. Иначе студенты знали бы, что «без широкого участия в движении рабочего класса, городского пролетариата никакая революция невозможна (кроме дворцовой, конечно)».[79] Петербургский комитет РСДРП призывал готовиться к практической деятельности и освободительной борьбе пролетариата, устанавливать прочные связи с местными социал-демократами.

По призыву «Социал-демократической группы» на сходку собрались 2500 студентов Петербургского университета и представители других вузов.[80] Было зачитано письмо ПК РСДРП. Один из «умеренных» пытался произнести речь, но был встречен оглушительным свистом. Сходка приняла резолюцию, подготовленную «Социал-демократической группой»: «Приветствуя призыв социал-демократического комитета к совместной работе и сознавая свой долг оправдать надежды, возлагаемые на интеллигенцию, как активную революционную силу, собрание 8 февраля выражает готовность всеми средствами содействовать росту революционного движения, а в ближайшем будущем надеется принять активное участие в открытых заявлениях протеста, в той форме, в какой к этому призовут авторитетные организации». Бюро сходки разъяснило, что авторитетными организациями являются «РСДРП и его боевая организация».[81] Письмо ПК и резолюция сходки, напечатанные в виде листовки, были широко распространены не только в университете, но и в других вузах Петербурга.

---

[78] Отчет объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга III партийному съезду, с. 580—581.
[79] См.: Искра, 1903, № 35, 1 марта, с. 6.
[80] См.: Очерки истории Ленинградской организации КПСС, ч. 1, с. 110.
[81] См.: Искра, 1903, № 35, 1 марта, с. 6.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Объединенная социал-демократическая организация решила готовиться к политической демонстрации в стенах Петербургского университета. Она была назначена на 18 марта 1903 г. в столовой. Приглашались все, кто уже дорос до уровня социал-демократии и навсегда распрощался с академизмом. Непосредственного повода к митингу студенческая жизнь не давала, это был ответ на репрессии правительства в отношении рабочих-стачечников и демонстрантов. «Социал-демократическая группа» заранее назначила председателя митинга — Эмануил-Жуховецкого, секретаря — Дорошенко и 5 ораторов. Явилось на сходку более 500 студентов. Были делегаты и от других вузов. Н. В. Аполлонов, Е. А. Энгель, А. Я. Каплан рассказали о расправах царских властей с демонстрантами в Томске, Тифлисе, Двинске, Баку, Ростове-на-Дону, о расстрелах рабочих, о Златоустовской бойне. А. А. Петров подробно говорил о рабочем движении, С. В. Ососков — о крестьянском. Проект резолюции подготовил Дорошенко. За нее голосовали 496 человек, против 6. В ней собравшиеся выразили «полную солидарность и искреннее сочувствие товарищам демонстрантам, заявившим свой протест против существующего строя в многочисленных демонстрациях этого года». Характер политического митинга, не связанного с событиями университетской жизни, но нацеленного на борьбу с царизмом, угнетающим рабочий класс, подчеркивался и заключительной частью резолюции: «Уполномачиваем авторитетные организации, собравшие настоящую сходку, созвать в недалеком будущем по соглашению с организациями других высших учебных заведений общенародный митинг, на котором выработаем формы и план предстоящей борьбы».[82] Резолюция митинга показала, что лучшая часть студенчества стала на позиции «Искры», усвоила ее тактику, а учащаяся молодежь готова оказать помощь пролетариату в борьбе с царизмом.

За активное участие в митинге 18 марта 1903 г. из Петербургского университета без права поступления в другие учебные заведения было исключено 35 студентов.[83] Опасаясь новых демонстраций, власти закрыли университет «на неопределенный срок».

Аресты и высылки из столицы закалили «Социал-демократическую группу студентов С.-Петербургского университета». В нее вступили новые товарищи. Группа отказалась от начинаний переходной поры, которые могли отвлекать силы от выполнения партийных заданий Петербургского комитета РСДРП. В общепартийную кассу были переданы деньги на издательскую деятельность. Наряду с пропагандой и организаторской работой среди студентов группа стала все больше сил выделять для

---

[82] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, 1903 г., д. 597, л. 146.

[83] ЛГИА, ф. 139, 1903 г., д. 9593, л. 97—97 об.; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, 1903 г., д. 597, л. 96; Энгель Г., Горохов В. Из истории студенческого движения..., прил. № 5.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

выполнения функций на разных участках партийной работы, в чем остро нуждался ПК РСДРП. Распространением нелегальной литературы по поручению искровского комитета и ее транспортировкой занимался студент Е. П. Борткевич. Пропагандистом Невского района работал Л. П. Крыжановский. Печатали на мимеографе литературу Петербургского комитета 2 универсанта: В. Пажан-де-Монс и Э. Шенк. В столовой и аудиториях университета ПК часто распространял листки, например, майскую прокламацию о голодовке политических узников в доме предварительного заключения, июльскую — о расстрелах рабочих демонстраций и избиениях заключенных в «Крестах» и др.[84]

Особенно большую помощь оказывала университетская группа ПК в налаживании трех комитетских типографий. По делу о типографиях ПК охранка в марте — апреле 1903 г. арестовала 5 студентов Петербургского университета. Кроме того, активно работали студенческие печатни. Ректор университета доносил, что обнаружены 3 тайные студенческие типографии.[85] Они издавали материалы «Социал-демократической группы» университета: ее программное заявление, листовки о характере и задачах студенческого движения, к годовщине отмены крепостного права, хронику революционного движения в стране, а также резолюцию «Делегатского собрания постоянных студенческих организаций Петербурга» от 25 марта 1903 г., призывавшую учащуюся молодежь в борьбе с царизмом опираться на пролетариат. Все эти издания были широко распространены среди студентов Петербурга. Та же мысль пронизывала собой и большинство изданий универсантов вообще весной 1903 г.

Осенью состоялся Всероссийский студенческий съезд в Одессе.[86] Из воспоминаний Е. А. Энгеля видно, что инициатором съезда был Петербургский университет. Энгель имел мандат от «Социал-демократической группы» университета и девяти других социал-демократических групп вузов Петербурга. «Руководящая роль петербургского революционного студенчества на общероссийское студенческое движение сказалась на съезде в том, что председателем съезда был избран представитель петербургских студенческих организаций (т. е. Энгель. — *Е. О.*), а также в том, что точка зрения петербургского студенчества легла в основание резолюций, принятых съездом».[87] Большинство делегатов голосовали за следующее постановление: «Съезд выражает свое приветствие РСДРП, в лице ее ЦК, по поводу объединения партии, в котором выразился рост русского революционного

[84] Государственный архив Новгородской области, ф. 117, оп. 1, 1902 г., д. 454, л. 213; ЦГАОР СССР, ф. ДП, 7 делопр., 1903 г., д. 1291, л. 15 об. — 16; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, 1903 г., д. 537, л. 248-а; д. 538, л. 101—102.

[85] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, 1902 г., д. 462, л. 71 об.

[86] См.: Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905 гг. Т. 1. М., 1974, с. 411.

[87] См.: Энгель Е. 1905 год..., с. 98.

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

движения». Съезд после докладов с мест констатировал резкую дифференциацию студенчества, особенно в Петербурге, на академическое и революционное. Преобладающее влияние перешло к партийным организациям. Было высказано пожелание теснейшего сближения студенческих организаций с местными комитетами партии.[88]

Большое влияние на передовое студенчество оказал II съезд РСДРП. Его историческая роль огромна. Он прошел под идейным руководством В. И. Ленина, по инициативе которого на съезде обсуждалось и отношение партии к учащейся молодежи. Еще до съезда Ленин сделал первоначальный набросок резолюции и после небольшой правки внес его как проект резолюции II съезда РСДРП. Под ним вслед за ленинской стояли подписи видных членов партии: Г. В. Плеханова, М. Н. Лядова, С. И. Гусева, П. А. Красикова и др. Резолюция, принятая съездом, гласила: «Второй съезд РСДРП приветствует оживление революционной самодеятельности среди учащейся молодежи, предлагает всем организациям партии оказать всяческое содействие этой молодежи в ее стремлениях организоваться и рекомендует всем группам и кружкам учащихся, во-первых, поставить на первый план в своей деятельности выработку среди своих членов цельного и последовательного социалистического миросозерцания, серьезное ознакомление, с одной стороны, с марксизмом, а с другой стороны, с русским народничеством и западноевропейским оппортунизмом, как главными течениями среди современных борющихся передовых направлений; во-вторых, стараться при переходе к практической деятельности заранее заводить связи с социал-демократическими организациями, чтобы воспользоваться их указаниями и избегать, по возможности, крупных ошибок в самом начале работы».[89]

Нараставший революционный подъем в стране вел к постоянному брожению среди студенчества Петербурга осенью 1903 г. Агенты «Искры» Е. Д. Стасова и М. Н. Леман сообщали 5 октября в редакцию: «Стачки на юге произвели здесь очень сильное впечатление на интеллигенцию и молодежь и сильно подняли престиж социал-демократов. О них говорят с изумлением и восторгом».[90] В Петербургском университете сходки и беспорядки происходили с 15 ноября по 9 декабря 1903 г. За участие в них только 24 ноября профессорским дисциплинарным судом университета была уволена целая группа студентов. Среди них — руководитель сходок юрист А. А. Вермишев.[91] Возбуждению сту-

---

[88] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, 1903 г., д. 638, л. 226—228 об.

[89] Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1969, с. 410—411, 434.

[90] Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП..., т. 1, с. 203.

[91] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, 1902 г., д. 462, л. 98—99 об.; ЛГИА, ф. 14, оп. 3, 1902 г., д. 40243, л. 14; ф. 139, оп. 1, 1903 г., д. 9594, л. 76—77, 97—98.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

дентов способствовали листовки, издававшиеся «Социал-демократической группой», а также Петербургским комитетом РСДРП, постоянно распространявшим их осенью в университете. Связь со студенческими организациями от имени «Социал-демократической группы» университета осуществляли А. Я. Каплан, М. К. Дорохов, В. А. Горохов, В. Н. Макаров, К. А. Масленников.[92]

Осенью 1903 г. ПК РСДРП перестроил, исходя из решений II съезда, свою работу со студенческими социал-демократическими группами и другими организациями учащейся молодежи. Уже в начале октября посланец В. И. Ленина М. Н. Леман вошел в состав ПК и взял на себя «сношения с молодежью». Стасова и Леман сообщали: «Молодежь будет объединена под руководством комитета. Этим занимается особое лицо». В конце 1903 г. эту функцию в ПК стал осуществлять приехавший в Петербург по поручению Н. К. Крупской К. С. Платонов.[93] По сведениям охранки, «ПК РСДРП завязал связи с Делегатским собранием представителей студенческих организаций и, послав туда своего представителя, пытался повлиять на состав делегатов в том смысле, чтобы в ДС попало возможно большее число социал-демократов искровцев. Это ему удалось. Через этих делегатов ПК привил организованному студенчеству убеждение в превалирующем значении революционного движения пролетариата, в необходимости соединения всех революционных сил и активной работы их под руководством революционных партий».[94]

Уже в сентябре — октябре 1903 г. в Петербурге были изменены организационные формы партийного строительства. «Во всех учебных заведениях вместо внепартийных организационных комитетов, самостоятельных и входящих в те или иные договорные отношения с партией, было решено сорганизовать партийные социал-демократические группы. Благодаря прочности связей и влиянию социал-демократии это удалось сделать во всех учебных заведениях».[95] Были утверждены уставы студенческих социал-демократических групп, применявшие на практике ленинский устав РСДРП, принятый на II съезде партии; эти группы подчинялись дисциплине, работали под руководством ПК, их участники становились членами партии. Объединение студенческих социал-демократических групп работало на правах райкома ПК. Он поставил перед собой задачу в соответствии с ленинской резолюцией II съезда РСДРП наладить среди студентов пропаганду идей марксизма и широкую политическую агитацию.[96]

---

[92] ЛГИА, ф. 14, оп. 25, 1907 г., д. 33, л. 237; Дорошенко Н. В. Возникновение большевистской организации..., с. 90—91.

[93] Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП..., т. 1, с. 202, 298.

[94] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1904, д. 5, ч. 1, т. 32, л. 12.

[95] Доклад Петербургского комитета РСДРП к III партийному съезду. — В кн.: Третий съезд РСДРП. Сб. док. и материалов. М., 1955, с. 559.

[96] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1904, д. 5, ч. 1, т. 32, л. 12.

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве http://history.museums.spbu.ru/

Активно работала и «Социал-демократическая группа студентов С.-Петербургского университета». Ее возглавлял Н. В. Дорошенко. Осенью 1903 г. в ее состав входили: Е. А. Энгель, Н. Н. Кузьмин, А. А. Петров, В. А. Горохов, М. К. Дорохов, К. А. Масленников и др. По поручению группы Энгель, Кузьмин и Бессонов создали ряд подготовительных кружков и вели в них занятия по программе, установленной ПК РСДРП. Петров работал в Василеостровском районе; Дорошенко сначала заведовал техникой, а позднее стал ответственным пропагандистом Петербургской стороны. В этом же районе пропагандистом был и Кузьмин, в Выборгском райкоме — Вермишев. Макаров, Масленников и Вайс работали в технической группе Петербургского университета и ПК. В качестве пропагандиста и работника партийной техники в это же время начал революционную деятельность студент-юрист Н. В. Крыленко. «Социал-демократическая группа» регулярно получала партийную литературу и с участием представителя ПК обсуждала ее. Группа выпустила несколько прокламаций к студентам на общеполитические темы. Особенно удачной была листовка о Финляндии, написанная Е. А. Энгелем.[97]

В ноябре 1903 г. Н. В. Дорошенко получил из-за границы протоколы II съезда РСДРП и материалы о расколе в партии, беспринципной борьбе меньшевиков против В. И. Ленина, о решениях съезда и большинства партии. Группа Петербургского университета была возмущена маневрами раскольников, осуждала линию новой «Искры» после ухода из редакции В. И. Ленина и превращения ее в орган меньшевизма. Группа встала на позицию, которую занимал Ленин. Впоследствии, когда водораздел между большевиками и меньшевиками выявился полностью, все участники «Социал-демократической группы С.-Петербургского университета» определенно примкнули к большевистскому крылу и увлекли за собой целый ряд более молодых товарищей, пришедших частично через кружки, организованные в 1903 г. группой в университете. Вплоть до 1905 г. Петербургский университет был цитаделью большевизма среди высших учебных заведений Петербурга.[98]

Таким образом, студенческое движение в Петербургском университете в 1900—1903 гг. прошло огромный путь, совершило качественный скачок под влиянием бурно нараставшего революционного подъема, идей В. И. Ленина и ленинской «Искры». От академических лозунгов, защиты прав студентов движение, преодолев оппортунизм «экономистов» и связанных с ними промежуточных организаций учащихся, поднялось к сознательному участию в социал-демократической борьбе. Студенческие орга-

---

[97] См.: Дорошенко Н. В. Возникновение большевистской организации..., с. 90—91.

[98] Там же, с. 92.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

низации Петербургского университета сделались неотъемлемой составной частью партии. Утратив роль застрельщика общественного возбуждения, лучшая часть студентов университета стала выполнять гораздо более важные, хотя и не столь заметные функции — руководителей отдельных специализированных социал-демократических групп. Они были созданы в соответствии с ленинским организационным планом. Передовые студенты стали активными участниками общепартийной работы, возглавлявшейся в столице революционным крылом российской социал-демократии, а потом — ленинско-искровским Петербургским комитетом. В «Социал-демократической группе студентов С.-Петербургского университета» начали коваться кадры профессиональных революционеров, бойцов ленинской партии.

Т. П. БОНДАРЕВСКАЯ

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТА В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Первая буржуазно-демократическая революция в России 1905—1907 гг., раскрывшая роль пролетариата как гегемона всего освободительного движения, показала роль и революционные перспективы студенчества как составной части освободительного движения, самой отзывчивой части интеллигенции.[1]

В полосу первого штурма самодержавия одно из видных мест в общественно-политической жизни России занимал Петербургский университет. В. И. Ленин назвал его в 1905 г. трибуной революционного Петербурга.[2] Эта революционная роль передового студенчества университета была подготовлена известным политическим опытом, приобретенным им в схватках с самодержавием в предшествующие годы,[3] и определялась многогранной упорной работой большевистской организации университета по вовлечению в активную революционную борьбу студентов в ходе самой революции.

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 343; Олесич Н. Я. Разработка В. И. Лениным вопроса о роли и месте студенческого движения в демократической борьбе русского пролетариата в конце XIX — начале XX в. Канд. дис. Л., 1970; Пешников В. В. В. И. Ленин и студенческое движение в России. М., 1973, и др.

[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 3.

[3] Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 1. Л., 1962; Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. М., 1971, с. 41—138; Хиленко Н. Я. Большевистская организация студентов Петербурга накануне и в годы первой русской революции (1904—1906 гг.). Канд. дис. Л., 1975; Ушаков А. В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895—1904 гг. М., 1976, и др.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Социальный состав и положение студенчества университета обусловили то обстоятельство, что революционность части студенчества была «во многих случаях шаткой и временной»,[5] и объясняли большие трудности в работе большевистской организации в среде студентов.

Большевистская организация университета накануне и в период революции являлась одной из групп Объединенной социал-демократической организации студентов Петербурга, действовавшей на правах партийного района при Петербургском комитете РСДРП. Созданию ее предшествовала огромная работа ПК по организационному и идейному укреплению социал-демократических групп на основе решения II съезда партии «Об отношении к учащейся молодежи» и статьи В. И. Ленина «Задачи революционной молодежи».

Связь комитета со студенческими группами осуществлял секретарь ПК. Уже в конце 1903 г. появился первый организационный статут социал-демократического студенчества—собрание членов университетской группы приняло свой устав. В нем говорилось: «1. Все члены социал-демократической группы являются членами РСДРП. 2. Студенческая организация РСДРП оказывает непосредственное влияние на демократическое студенчество, стремясь к широкому распространению среди него идей революционной социал-демократии». В уставе указывалось, что члены группы обязаны «исполнять все поручения местного комитета», а связь с ПК осуществляет ответственный организатор группы.[6]

К весне 1904 г. работа ПК по реорганизации студенческих социал-демократических групп на основе решений II съезда РСДРП была в основном закончена.[7] В мае оформилась Объединенная социал-демократическая организация студентов С.-Петербурга, в которую вошли 14 социал-демократических групп вузов столицы.[8] Наиболее активную роль в создании Объединенной организации сыграли студенты университета — большевики Н. Н. Кузьмин и Н. В. Дорошенко.

[4] На 1 января 1905 г. в университете числилось 4508 студентов, из них 2746 чел. (60,92%) были выходцами из дворян и чиновников, 224 чел. (4,96%) — из духовного звания, 272 чел. (6,03%) — из почетных граждан, 373 чел. (8,28%) — из купцов первой и второй гильдии, 549 чел. (12,18%) — из мещан, 195 чел. (4,33%) — из крестьян, 88 чел. (1,95%) — из ремесленников, 22 чел. (0,49%) — из казачьего сословия, 39 чел. (0,86%) — из иностранных подданных. — Отчет о состоянии и деятельности императорского С.-Петербургского университета за 1904 год. СПб., 1905, с. 43; Ерман Л. К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966, с. 29.

[5] См.: Ерман Л. К. Интеллигенция..., с. 30.

[6] См.: Гусятников П. С. Революционное студенческое движение..., с. 111.

[7] В Отчете ПК III съезду сказано: «В январе 1904 г. комитетом было выделено одно лицо со специальной целью привести дело организации социал-демократов студентов в порядок». — Третий съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959, с. 559.

[8] Там же.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

В сентябре 1904 г. на трех общих собраниях организаторов групп с участием члена ПК был выработан устав Объединенной социал-демократической организации студентов Петербурга. Затем его утвердил Петербургский комитет. Задачи организации в уставе были сформулированы так: «Подготовка сознательных работников партии, доставление ей материальных средств и поддержка студенческого движения».[9] Устав определял и функции групп: «Группы в учебных заведениях есть партийные организации, состоящие из партийных работников данного учебного заведения, для руководства работой в данном учебном заведении. Вступление в группу происходит обязательно с санкции организатора, хотя рекомендовать членов может каждый член группы». Группы устанавливали связи со студентами, создавали кружки, распространяли литературу, руководили студенческим движением и т. д. Весьма характерны примечания к параграфу, определявшему права и обязанности группы (§ 3): «Из определения группы как партийной организации вытекает, что: 1) прием в нее равняется приему в партию и потому принимаемые в члены должны удовлетворять § 1 Устава партии; 2) члены группы суть партийные работники и потому обязаны в случае необходимости и по требованию партии работать и в других частях партии».[10]

Из второго примечания видно, что мартовская формулировка первого параграфа общепартийного Устава не удовлетворяла собрание организаторов социал-демократических студенческих групп: оно особо подчеркнуло в своем Уставе обязанность членов групп работать в организациях партии; в Уставе отмечено также, что «для права членства требуется сознательное принятие социал-демократической программы», членские взносы определялись в размере 10% от доходов. Согласно Уставу, для внутреннего строя организации был принят «строго централистический принцип». Во главе ее стоял ответственный организатор, назначенный Комитетом; в начале 1905 г. им была Р. С. Землячка.[11]

К концу 1904 г. более 100 студентов состояло в социал-демократических группах 14 высших учебных заведений Петербурга и более 500 студентов входило в социал-демократические кружки.[12] Срыв меньшевиками демонстрации 28 ноября 1904 г.[13]

---

[9] Там же.

[10] Там же, с. 572.

[11] Протоколы заседаний ПК от 2 и 16 февраля 1905 г. — Пролетарская революция, 1924, № 12, с. 33, 42.

[12] Третий съезд РСДРП, с. 561.

[13] О демонстрации 28 ноября 1904 г. подробно см.: Гусятников П. С. Деятельность петербургских большевиков среди демократического студенчества (1903—1904). — В кн.: Учен. зап. Петрозаводского ун-та, т. XIII, вып. 4. Петрозаводск, 1966, с. 56—62; Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975, с. 37—44.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

явился толчком к расколу студенческой организации. В декабре на общем собрании организаторов групп два члена ПК раскрыли причины срыва демонстрации, обрисовав «местную и всероссийскую картину» дезорганизаторской деятельности «меньшинства». На заседании ПК 2 февраля 1905 г., обсуждавшем вопрос о положении в студенческой организации, секретарь ПК С. И. Гусев указывал: «Меньшинство и в учебных заведениях, очевидно, отделится от большинства».[14] Так оно и случилось. Через несколько дней четыре студенческих группы и часть состава еще трех групп вышли из объединенной организации и образовали свою особую студенческую организацию «при группе ПК». С этого времени Объединенная организация состояла «из принципиального большинства». Она была приравнена к партийному району при ПК РСДРП, а ее ответственный организатор—к районному организатору.

Университетская большевистская группа была одной из крупных в этой организации. К концу 1904 г. в ней было 20 человек.[15] К. С. Жарновецкий, один из основателей большевистской группы в университете, писал: «Роль партийной группы Петербургского университета в Объединенной социал-демократической организации студентов СПб была очень велика. Они находились в тесной связи с Петербургским комитетом РСДРП».[16]

В анкете делегата III съезда РСДРП А. М. Эссен в ответ на вопрос: «Каковы отношения Петербургского комитета с организацией студентов?» — записал: «Студенческая социал-демократическая организация вполне подчинена комитету».[17]

Январские события 1905 г. способствовали быстрому революционизированию значительной части студенчества Петербургского университета. В баррикадных боях, в схватках с полицией в день «Кровавого воскресенья» участвовали многие студенты-большевики университета: Л. Д. Давыдов, О. В. Портянка, А. А. Вермишев, К. С. Жарновецкий, Н. В. Дорошенко и др. Большевистская группа стала организатором протеста студентов университета против кровавых злодеяний царизма. Большевики призывали объявить всеобщую политическую студенческую забастовку. Призыв нашел единодушную поддержку передового студенчества.

Большое политическое звучание имела массовая сходка в актовом зале университета 7 февраля 1905 г., положившая начало многочисленным выступлениям студенчества Петербурга в годы первой русской революции. Большую организационную и агитационную работу по подготовке сходки провел Коалицион-

---

[14] Пролетарская революция, 1924, № 12, с. 32.

[15] Жарновецкий К. С. О революционном движении в 1905 г. в Петербургском университете в 1905 г. (Воспоминания). — ЛПА, ф. 984, оп. 1, д. 136, л. 23.

[16] Там же, л. 24.

[17] ЦПА ИМЛ, ф. 35, оп. 1, д. 9, л. 87.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ный совет, созданный еще в 1904 г. из представителей различных революционных организаций для руководства выступлениями студентов. 3 февраля совет специально обсудил вопрос о подготовке сходки.

Наиболее деятельной группой в совете были представители большевистской организации — Н. В. Дорошенко, К. С. Жарновецкий, А. Н. Замятин.[18] По их инициативе 4 февраля на квартире студента, социал-демократа В. Н. Макарова прошло собрание всей социал-демократической группы университета, определившее программу сходки и выработавшее проекты резолюций.[19]

На следующий день университетская социал-демократическая организация обратилась к студентам с листовкой, в которой призывала их к солидарности с пролетариатом — главной силой революции. «В революционном движении пролетариата, — говорилось в листовке, — верный залог лучшего будущего нашей родины! Только пролетариату суждено дать свободу и счастье всему народу...».[20]

7 февраля в 12 часов в актовом зале и коридоре главного здания собрались до 5 тыс. студентов университета и других высших учебных заведений, либеральная профессура, а также рабочие, интеллигенты, представители русских и иностранных газет.[21]

Сходка выразила свою солидарность с героическим русским пролетариатом, в принятой резолюции подчеркнула его роль как гегемона освободительного движения и приняла решение о прекращении занятий, чтобы применить «свои силы... для организации армии борьбы».[22]

Ярким выражением протеста против самодержавия было уничтожение группой студентов, при бурном одобрении собравшихся, портрета царя, висевшего в актовом зале.[23] Этот факт был воспринят правящими кругами как вызов, брошенный царизму студенчеством.[24]

С 7 февраля 1905 г. началась забастовка в Петербургском университете. В Московском университете занятия были прекращены еще 1 февраля. К концу февраля стачка захватила все высшие учебные заведения страны. Общероссийская студенческая забастовка была важной струей общего освободительного

---

[18] См.: Гусятников П. С. Революционное студенческое движение..., с. 146.

[19] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1905, д. 3, ч. 26, л. 5.

[20] ЛГИА, ф. 139, оп. 1, д. 10198, л. 14.

[21] Д./А. Дьяконов/. 1905 и 1906 гг. в Петербургском университете: Сходки и митинги. СПб., 1907, с. 7.

[22] Там же, с. 10.

[23] Сладкевич Н. Г. Петербургский университет в 1905 году. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1955, № 3, с. 25—26; Гусятников П. С. Революционное студенческое движение..., с. 147—148.

[24] Там же.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

движения, способствовавшей мобилизации всех революционных сил в стране.

Большевики университета активно включились в работу Петербургской организации РСДРП. Еще в конце 1904 г. собрание социал-демократической группы студентов университета приняло решение, что «все члены группы обязаны по первому требованию оказывать содействие местному комитету[25] и не отказываться от исполнения поручений и функций, возлагаемых последним».[26]

Студенческая организация включилась и в боевую работу Петербургской большевистской организации. Известно, что боевая организация в Петербурге начала создаваться вскоре после январских событий. В протоколе ПК от 28 февраля 1905 г. отмечено, что комитет выделил 600 рублей на боевую работу.[27] В это же время (в конце января) К. С. Жарновецким была создана группа «Вооруженное восстание», состоявшая из рабочих и студентов и работавшая под руководством ПК РСДРП. Кроме Жарновецкого в группу входили студенты университета А. Д. Санько, М. К. Климковский, С. В. Перекрестов и др. В задачи группы входил сбор денег, приобретение оружия и снабжение им рабочих. В общежитии университета группа оборудовала ручную типографию, выпустила ряд воззваний с призывом к вооруженной борьбе с царизмом, установила связи с матросами гвардейского экипажа.[28] Очевидно, группой намечался план вооруженного восстания. Однако 5 апреля полиция арестовала 13 членов группы, в том числе 6 представителей рабочих,[29] а 15 апреля еще 18 человек.[30]

После III съезда РСДРП деятельность Петербургской боевой организации активизировалась. В ней самое активное участие принимали студенты университета А. М. Игнатьев, Н. В. Крыленко, В. Р. Менжинский.[31]

16 октября, обращаясь в Боевой комитет при ПК РСДРП, В. И. Ленин писал: «Идите к молодежи. Основывайте *тотчас* боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и *у рабочих особенно,* и т. д. и т. д.».[32]

Универсанты-большевики Н. В. Дорошенко, Ф. И. Голощекин, К. С. Жарновецкий, П. А. Красиков, Н. В. Крыленко, Д. И. Лещенко, Д. З. Мануильский, Д. С. Постоловский, М. В. Серебряков, Э. Сырмус в различное время в период ре-

---

25 Имеется в виду Петербургский комитет РСДРП.

26 ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, д. 3, ч. 10, т. 1, л. 70—71.

27 Пролетарская революция, 1924, № 12, с. 44.

28 История Ленинградского университета: Очерки. Л., 1969, с. 165.

29 Революция 1905—1907 гг. в России: Революционное движение весной и летом 1905 г. Док. и материалы. М., 1955, с. 261.

30 Там же, с. 264—265, 876.

31 История Ленинградского университета, с. 172—175; Калинин А., Мандель С. Ленин и Петербургский университет. Л., 1969, с. 167—175.

32 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 336.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

волюции были членами Петербургского комитета РСДРП, являлись ответственными организаторами партийных районов при ПК, переписывались с В. И. Лениным, встречались с ним.[33]

В целом деятельность студенческой организации была постоянной заботой ПК РСДРП. За период непосредственного кануна революции и в ходе революции на 11 заседаниях комитета специально обсуждались вопросы, касающиеся деятельности Объединенной студенческой организации, и среди них такие, как организация демонстрации в ноябре 1904 г., организация митингов осенью 1905 г., утверждение ответственного организатора и его отчеты, привлечение молодежи к партийной работе и др.[34]

Объединенная студенческая организация переиздала ряд листовок ЦК и ПК РСДРП для более широкого распространения среди студенчества, используя листковую пропаганду как важное средство политического воспитания студентов. Известны 11 «листков» этой организации к студенчеству.[35] В начале октября 1905 г. Объединенная социал-демократическая организация студентов Петербурга издала и распространила среди студентов листовку со статьей В. И. Ленина «Спорьте о тактике, но давайте ясные лозунги!», в которой дана критика оппортунистической линии меньшевиков и обоснована тактика активного бойкота, намеченная большевистской партией по отношению к булыгинской Думе.[36] Отдельные листовки издавала и университетская группа.[37]

К началу нового 1905/1906 учебного года в высших учебных заведениях ЦК большевистской партии обратился с призывом к передовому студенчеству активизировать свою борьбу с самодержавием. В «летучем листке», обращенном к студенчеству, ЦК РСДРП писал: «Приближается решительная схватка с самодержавием, поэтому необходимо сконцентрировать все революционные силы для нанесения одновременного удара. Студенчество должно считаться с этим и должно координировать свои действия с действиями городского пролетариата, являющегося самой главной силой русской революции».[38]

Большую помощь студенчеству в выработке революционной тактики оказывала большевистская газета «Пролетарий», редактируемая В. И. Лениным; только за сентябрь — октябрь 1905 г.

---

[33] См.: Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП... с. 294—308.

[34] Там же, с. 316—321.

[35] Третий съезд РСДРП, с. 564.

[36] См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 11, с. 246—248; 1905 год в Петербурге. Вып. 1. Социал-демократические листовки. М.; Л., 1925, с. 299—301.

[37] Третий съезд РСДРП, с. 565.

[38] Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг. Ч. 1. М., 1956, с. 151.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

в газете было опубликовано около 50 статей и заметок, отражавших общественно-политическую жизнь в высшей школе.[39]

В сентябре 1905 г. началась полоса сходок и митингов студентов, свидетельствовавших о популярности среди них тактических лозунгов большевиков. «Повсюду по высшим учебным заведениям, — сообщал агент ЦК в газету „Пролетарий", — нам удалось провести свою тактику открытия университетов и устройства в них всенародных митингов с привлечением на них широких масс рабочих».[40] В. И. Ленин в статье «Уроки московских событий» писал: «Студенты получили право сходок... На студенческие сходки повалили рабочие. Стали получаться революционные народные митинги, на которых преобладал передовой класс в борьбе за свободу — пролетариат».[41]

В дни подготовки и в ходе октябрьской политической стачки университет играл особую роль, значение происходившего в нем выходило далеко за пределы Василеостровского района. Осенью 1905 г. это был один из штабов Петербургского комитета РСДРП. В одних аудиториях и кабинетах здесь заседал комитет и назначались явки партийных работников, в других — обучались большевики, а в актовом зале и в университетском дворе беспрерывно шли митинги; в места митингов и собраний народных масс были превращены многие аудитории. Со всех концов города толпы тянулись к университету и расходились только глубокой ночью. Открыто производился сбор денег на вооружение. По довольно осторожным подсчетам в отдельные дни на митингах в университете присутствовало до 40—50 тыс. человек. Необычайное оживление царило также у Горного, Технологического институтов и у Военно-медицинской академии, расположенных вблизи рабочих районов. Студенты сплачивались в боевую силу. «Студентами, — писал В. И. Ленин, — руководит здоровый революционный инстинкт, поддерживаемый их общением с пролетариатом».[42]

Придавая большое значение народным митингам и учитывая важность овладения этим мощным средством политического воспитания масс, ПК создал особую коллегию митинговых ораторов и поручил ответственному агитатору П. А. Красикову «выработать программу... и распределить силы коллегии... так, чтобы на всех митингах были ораторы комитета».[43] ПК обязал партийные организации вузов заранее сообщать ответственному организатору студенческой большевистской организации о всех митингах, назначенных в данном учебном заведении.

---

[39] См.: Гусятников П. С. Революционное студенческое движение, с. 153.

[40] Пролетарий, 1905, № 22, 11 (24) сентября.

[41] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 377.

[42] Там же, т. 12, с. 24. См. также: Крупская Н. К. Партия и студенчество. — Красная молодежь, 1924, № 1, с. 13—25.

[43] Красная летопись, 1930, № 4. с. 11. Протокол ПК от 26 сентября. 1905 г.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Руководителем коллегии митинговых ораторов был назначен член ПК Борис Перес («Макар»). Он вспоминал позднее, что коллегия состояла «из нескольких десятков молодых людей... Мы часто и регулярно собирались, разбирали директивы комитета, распределяли, кому куда отправляться выступать, на какие темы где говорить. Для каждого места (университет, Технологический институт и т. д.) назначался ответственный агитатор на каждый день, который должен был следить за равномерным снабжением агитаторами всех аудиторий». Ответственный агитатор не только организовывал работу коллегии и сам выступал, но и проверял, «что говорят наши агитаторы, насколько умело и верно они проводят тактику большевиков, насколько удачно спорят с меньшевиками и эсерами». Некоторые выступления подвергались на собраниях коллегии обсуждению и критике.[44]

Активным членом коллегии митинговых ораторов был студент историко-филологического факультета Н. В. Крыленко. Его выступления блистали разящим остроумием; слушавшие его на митингах вспоминают о нем, как о «превосходном полемисте». Высоким теоретическим уровнем отличались выступления студентов университета Н. В. Аполлонова и А. А. Литкенса.[45] Наиболее ответственные — «ударные», как тогда говорили, — выступления поручались наиболее опытным агитаторам П. А. Красикову и Б. М. Кнунянцу. Красиков был «особенно удачен и остер» в полемике с кадетами, меньшевиками и эсерами; не случайно он имел кличку «Шпилька».[46]

Ораторами на митингах были и опытный партийный работник, в то время агент ЦК РСДРП, универсант А. М. Эссен и студенты университета, прошедшие школу первого года революции, большевики П. С. Араратов, С. Н. Драницын. «На каждом собрании, — вспоминала М. М. Эссен, осенью 1905 г. ответственный организатор Объединенной студенческой организации, член ПК РСДРП, — выступали десятки ораторов с прекрасной чеканной фразой, отточенной мыслью, ясной программой. Мы диву давались, откуда у нас взялись такие ораторы».[47]

Митинги проходили под большевистскими лозунгами и явились одним из важных легальных путей укрепления в массах авторитета большевистской партии. Газета «Пролетарий» сообщала, что «преобладающее влияние на митингах имеют не

---

[44] См.: Перес Б. На партийной работе в Петербурге осенью 1905 г. — В кн.: Первая русская революция в Петербурге. 1905 г. Сб. 1. Л., 1925, с. 60—61.

[45] А. А. Литкенс был избит черносотенцами на одном из митингов в Новгородской губернии, куда его и Г. Чучина ПК направил для помощи местной организации; вскоре он умер (см. там же, с. 61).

[46] См.: Гиндин А., Гиндин Г. Петр Красиков. Красноярск, 1972, с. 159—168.

[47] Эссен М. М. В 1905 году (из жизни ПК РСДРП). — Красная летопись, 1926, № 1, с. 101.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

только социал-демократы вообще (с-р и анархисты лишь изредка выскакивают), но, в частности, большевики: ораторов-большевиков рабочие не только провожают, но и встречают громом аплодисментов».[48]

Объединенная студенческая организация при ПК РСДРП в первой половине октября 1905 г. обратилась с листовкой «Ко всему революционному студенчеству», в которой призывала «все истинно революционное студенчество» присоединиться к всеобщей стачке, «к совместной борьбе» с пролетариатом. В листовке определены боевые лозунги борцов за свободу: «Вооруженное восстание. Временное революционное правительство. Революционная армия».[49]

Развернувшийся осенью 1905 г. бурный подъем революции создал новые условия для деятельности партии. В. И. Ленин в статье «О реорганизации партии» выдвинул план организационной перестройки с учетом чрезвычайно своеобразной обстановки «дней свободы». Ленинский план состоял в том, чтобы при сохранении конспиративного аппарата всемерно использовать все легальные возможности, завоеванные пролетариатом в ходе революции, создавать опорные пункты партии, клубы, тиры, чайные и т. д., открытые и полуоткрытые партийные органы и сеть примыкающих к ним организаций, на практике осуществить принцип демократического централизма, соблюдать коллективность руководства.

Петербургский комитет РСДРП принял два постановления о перестройке организации на основе выборности всех учреждений. Во всех звеньях организации прошли собрания по этому вопросу, обсуждался проект нового Устава Петербургской организации РСДРП, выработанный ПК. В § 13 этого Устава указывалось: «Студенческие и другие социал-демократические организации имеют собственные выборные центры. Представительство этих центров в общем районном собрании устанавливается Петербургским комитетом».[50]

Собрание университетской социал-демократической группы «для обсуждения вопроса о реорганизации группы в связи с реорганизацией партии» состоялось 18 ноября. Организатор группы сделал доклад о плане реорганизации. После обсуждения был принят следующий план: 1) во главе группы стоит комитет, избранный общим собранием; 2) собрание избирает представителя группы в комитет Объединенной студенческой социал-демократической организации при ПК РСДРП, через которого держит связь с ПК. Соотношение между комитетом и общим собранием университетской группы определялось следующей

---

[48] Пролетарий, 1905, № 25, 3 ноября.
[49] Листовки петербургских большевиков. Т. 1. Л., 1939, с. 264.
[50] Новая жизнь, 1905, № 23, 27 ноября.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

резолюцией: «Руководящим органом социал-демократической группы Спб. университета является комитет, избранный общим собранием. Комитет подотчетен общему собранию, периодически им созываемому. В случае массового выступления комитет созывает, если возможно, общее собрание, которому принадлежит право давать директивы. По желанию известного количества членов группы комитет обязан собрать общее собрание и на таковом комитет может быть во всякое время переизбран».

В постановлении собрания были определены основные задачи группы: руководство революционным движением в университете, выработка партийных работников из наиболее подготовленных студентов, организация студенческого социал-демократического клуба, «поддержка других партийных учреждений в их партийных функциях». На этом же собрании был избран первый комитет университетской социал-демократической группы из 5 человек: Н. В. Аполлонов, А. Н. Замятин, В. А. Энгель, А. Я. Каплан, П. Н. Севрук.[51]

Собрание приняло обращение к студентам, которое на следующий день было опубликовано в большевистской газете «Новая жизнь». «Товарищи! —говорилось в обращении. — Революционный пролетариат мощным натиском на самодержавие завоевал себе свободу союзов. Теперь партия может выйти из подполья. Ее кадры должны приумножаться и сложиться в еще более грозную общественную силу.

Университетская социал-демократическая группа Спб. комитета РСДРП приглашает всех товарищей социал-демократов, студенток и студентов университета открыто вступить в ее ряды. Запись новых членов производится ежедневно в столовой университета от 1 до 5 часов избранным на общем собрании бюро группы».[52]

В период высшего подъема революции обострился процесс политической, партийной дифференциации студенчества. „Академисты", „академисты-политики", конституционалисты-демократы, освобожденцы, социал-революционеры и социал-демократы — вот в общих чертах существующие группы», — указывалось в листовке Объединенной студенческой организации при ПК РСДРП.[53]

Все эти партийные группировки четко обозначились и среди студентов университета. Наиболее крупной и влиятельной среди них была социал-демократическая группа. В октябре 1905 г. она насчитывала 104 члена[54] и около 500 сочувствующих, примы-

---

51 Там же, № 17 и 19; 19 и 23 ноября.
52 Там же, № 17, 19 ноября.
53 Листовки петербургских большевиков, т. 1, с. 262.
54 Пролетарий, 1905, № 25, 3 (16) ноября.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

кавших к ней студентов.[55] Как и в начале революции, это была наиболее крупная группа во всей Объединенной студенческой организации при ПК РСДРП, в которой к концу 1905 г. было 320 человек.[56]

Осенью 1906 г. Объединенная социал-демократическая организация студентов Петербурга, выполнив свои особые задачи, стоявшие перед ней как организацией студенческой молодежи, перестала существовать как отдельный партийный район при Петербургском комитете РСДРП. Партийные группы высших учебных заведений вливались в общие районные партийные организации, действовавшие (на основании Устава Петербургской организации РСДРП) по территориально-производственному принципу. 26 сентября 1906 г. ПК РСДРП обсудил вопрос о распределении учебных заведений по районам.[57] Университетская социал-демократическая группа вошла в Василеостровский район и стала вести свою работу под руководством Василеостровского районного комитета, через который держала связь с ПК РСДРП.

Важным показателем влиятельности социал-демократической группы университета была ее роль в выборном руководящем органе студентов университета—Совете старост, сменившем Коалиционный совет. Выборы старост проходили по факультетам с 7 по 12 октября 1905 г.; на каждые 250 студентов избирался 1 староста. На выборных собраниях выступали представители всех партий со своими программами. В первый Совет старост было избрано 22 человека, из них 16 социал-демократов (А. Н. Замятин, В. А. Энгель, Н. В. Дорошенко, В. Н. Макаров и другие большевики—от юридического факультета, Н. В. Аполлонов — от естественного, И. И. Корель — от филологического, Н. Н. Кузьмин — от математического и т. д.), 1 эсер, 1 кадет и 4 беспартийных студента.[58] Председателем первого Совета старост был избран большевик А. Н. Замятин,[59] секретарем — Н. Н. Кузьмин.[60]

Второй состав Совета старост, избранный в сентябре 1906г., был более многослойным в партийном отношении, что отражало усиление общей классово-политической дифференциации, происходившей в стране. Но и во втором Совете старост университета преобладающее большинство имели социал-демократы — 20 из 35; эсеры в этом совете имели 5 человек, кадеты — 4,

---

55 Энгель Е. 1905 год и студенческое движение в Петербурге. — Красная летопись, 1925, № 2, с. 101.

56 Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП: Протоколы. М., 1961, с. 42.

57 Красная летопись, 1931, № 2, с. 86.

58 Д. /А. Дьяконов/. 1905 и 1906 гг..., с. 45, 65, 66, 81.

59 Новая жизнь, 1905, № 26, 1 декабря.

60 Там же, № 23, 27 ноября; Сбойчаков М. Навстречу буре (Н. Н. Кузьмин). Архангельск, 1971, с. 14—15.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Польская партия социалистов — 3, трудовики — 2 и беспартийные — 2.[61] Председателем Совета был избран большевик Н. В. Дорошенко; секретарем — И. И. Корель; в совет были вновь избраны Н. В. Аполлонов, Н. Н. Кузьмин, В. А. Энгель и другие большевики.

Совет старост университета занимал последовательно революционную линию. В первые дни своей деятельности в октябре 1905 г. Совет активно участвовал в организации и проведении в университете сходок-митингов. А когда университет решением правительства был закрыт и наводнен полицией и войсками, совет настойчиво, следуя указаниям Петербургского комитета РСДРП, добивался его открытия. 23 октября Совет провел массовую сходку, выразившую протест против полицейского произвола. Совет принимал меры к вооружению боевой дружины студентов университета для обороны от черносотенцев и полиции. 28 октября Совет старост опубликовал в газете «Новая жизнь» «Открытое письмо ко всем гражданам столицы», в котором заклеймил действия царского правительства, сообщил о создании «академического легиона» из студентов и призвал всех граждан «оказать необходимую материальную помощь в деле его вооружения».[62]

Совет старост оказал большую помощь большевистской организации Петербурга в использовании помещений закрытого университета[63] в интересах революции. Под предлогом заседаний научных кружков, землячеств и других студенческих органов в аудиториях в вечерние часы проводились партийные собрания, дискуссии, заседания районных комитетов, назначались явки. Один из членов исполнительной комиссии ПК РСДРП — «квартирмейстер» — был непосредственно связан с секретарем Совета старост. В среднем ежедневно, как вспоминал И. И. Корель, в университете устраивалось 10-12 собраний революционных организаций.[64]

Бывали и конфузы. Однажды декан восточного факультета барон Розен по какой-то причине решил зайти в одну из аудиторий факультета. У дверей аудитории он был остановлен рабочим, обратившимся к нему со словами: «Товарищ, без пароля пропустить не могу». Достаточно было одного обращения «товарищ», чтобы представить весь ужас, с каким профессор докладывал на Ученом совете о происшествии.[65]

---

[61] Д. /А. Дьяконов/. 1905 и 1906 гг..., с. 101.

[62] Гусятников П. С. Революционное студенческое движение..., с. 178.

[63] Университеты, как и все высшие учебные заведения страны, были закрыты до 1 сентября 1906 г.

[64] Корель И. И. Петербургский университет на службе революции в 1905—1907 гг.: Воспоминания студенческого старосты. — Ленинградский университет, 1939, 28 февраля, 5 и 17 марта.

[65] Там же.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Для явок и заседаний использовалась и комната Совета старост, и особенно столовая университета. С осени 1905 г. и на протяжении всего периода революции столовая была центром революционной деятельности. Работой ее руководила столовая комиссия, состоявшая из большевиков Н. В. Аполлонова, В. Н. Макарова, В. А. Энгеля; секретарем комиссии был Н. Н. Кузьмин.[66] В столовой продавалась и раздавалась нелегальная литература, проходили встречи партийных работников; в комнате дежурных столовой нередко бывали заседания исполнительной комиссии ПК РСДРП. Попечитель учебного округа и правление университета вели наступление на столовую, пытаясь ее закрыть. Это удалось осуществить лишь в мае 1907 г. Совет старост, протестуя против этого насилия, писал: «Нам хорошо известны и вполне понятны те мотивы, которые заставляют совет профессоров принять все меры к тому, чтобы с нею (т. е. столовой. — *Т. Л.*), резко выражаясь, развязаться навсегда».[67]

Репрессивные меры предпринимались не только против столовой. За 1905 г. из различных отделов департамента полиции поступили запросы о «политической благонадежности» на 525 студентов университета, за 1906 г.—406.[68] Только на имя ректора от столичного губернского жандармского управления в первой половине 1906 г. пришли сообщения об аресте 14 студентов университета.[69] А. А. Вермишев, Н. В. Дорошенко, Н. В. Аполлонов, К. С. Жарновецкий и другие большевики оказались в заключении; Арсений Коптюх расстрелян за участие в Свеаборгском восстании 1906 г., Д. Мануильский сослан в Архангельскую губернию; Н. В. Аполлонов на Чердынь.

Однако демократическое студенчество Петербургского университета, прошедшее под руководством своей небольшой, но влиятельной большевистской организации школу двух лет революции, продолжало вести упорную борьбу за демократические завоевания высшей школы. «Забастовка студентов провозглашена в Петербургском университете. К ней присоединился целый ряд других высших учебных заведений»,[70]—так В. И. Ленин начал статью «Студенческое движение и современное политическое положение», опубликованную в газете «Пролетарий» 3(16) октября 1908 г.

---

66 ЛГИА, ф. 14, оп. 3, д. 11965, л. 2.

67 Там же, оп. 1, д. 10120, л. 29. — В 1908 г. столовая была передана в ведение так называемого «Комитета вспомоществования студентам». После революции, в марте 1920 г., студенческая столовая университета перешла «в ведение Петроградской коммуны и обращена в коммунальную столовую № 63». — Там же, л. 37.

68 Там же, оп. 25, д. 95, л. 45 об.; д. 96, л. 38.

69 См.: Гусятников П. С. Революционное студенческое движение..., с. 195.

70 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 214 и др.

СТУДЕНТКИ УНИВЕРСИТЕТА И СЛУШАТЕЛЬНИЦЫ БЕСТУЖЕВСКИХ КУРСОВ В 1905—1907 гг.

Путь русских женщин к высшему образованию был долог и труден. Впервые небольшой группе девушек удалось переступить порог Петербургского университета в годы первой революционной ситуации в России и пробыть там на правах вольнослушательниц около двух лет (1859—1861 гг.). Но вскоре они были изгнаны правительством из аудиторий. Только наиболее настойчивые и целеустремленные смогли завершить образование за границей. В Россию первой с дипломом доктора медицинских наук в 1868 г. из Цюрихского университета возвратилась Н. П. Суслова (Эрисман). Ее примеру последовали многие русские девушки. Но они пошли дальше, желая соединить приобретение знаний с просветительской деятельностью среди народа. Доцент Петербургского университета А. А. Кауфман после изучения ответов на вопросы анкеты, проведенной среди слушательниц Высших женских (Бестужевских) курсов, отмечал стремление передовых женщин быть полезными народному делу. «Мечтающая о медицине, — писал он, — хочет быть „обязательно земским врачом", „врачом в деревне". Юристка мечтает о деятельности „земского юриста, если бы такая была наподобие земского врача". Стремящаяся к общественной деятельности подчеркивает „чтение публичных лекций для народа". Мечтающая о сцене „желала бы играть в народном театре"».[1]

Во второй половине XIX в. во главе женского движения в России стояли выдающиеся общественные деятельницы — Н. В. Стасова, М. В. Трубникова, А. П. Философова. Они развернули в обществе активную пропаганду идеи высшего образования для женщин, оказались способными объединить вокруг нее широкие круги демократической интеллигенции, прежде всего профессоров Петербургского университета и Медико-хирургической академии. После ряда лет упорной борьбы они добились у правительства разрешения на открытие в 1878 г. Высших женских курсов в Петербурге. Профессорско-преподавательский состав на курсах был тот же, что и в университете. Однако выпускницы курсов, в отличие от оканчивающих университет, не имели прав, связанных с приобретением высшего образования. В своих воспоминаниях В. В. Стасов обращал внимание на то, что Бестужевские курсы, хотя и возникли фактически «при Санкт-Петербургском университете», но об этом «высочайше» было запрещено упоминать в их официальном названии.[2]

---

1 Кауфман А. А. Русская образованная женщина. — Русская мысль, 1912, № 6, с. 93.

2 Стасов В. В. Надежда Васильевна Стасова: Воспоминания и очерки. СПб., 1899, с. 305.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Сами слушательницы стремились установить контакты со студентами потому, что таким путем они могли получить приглашение на студенческие сходки или торжества, пользоваться книгами из обширной университетской библиотеки. Об этом неоднократно писала в своем «Дневнике» Е. Дьяконова.[3] Часто встречались студенты и курсистки на собраниях и митингах вне стен учебных заведений. Например, на Васильевском острове, «на углу 11-й линии и Малого проспекта был знаменитый „Пекин" — громадный дом, весь заселенный курсистками и студентами. Он так назывался потому, что внизу был большой чайный магазин... Тут-то устраивались собрания, политические лекции, диспуты, занятия марксистских кружков».[4]

Непрерывная борьба за высшее женское образование, длившаяся почти полвека, достигла некоторого успеха лишь благодаря начавшейся революции. Выступления трудящихся масс в 1905 г. вновь приоткрыли двери университетов для женщин: они были допущены в стены высших учебных заведений, правда вначале только на правах вольнослушательниц. И снова взоры передовой женской молодежи обратились к Петербургскому университету.

От имени Русского женского взаимно-благотворительного общества 15 сентября 1905 г. с письмом к первому избранному на основании «Временных правил» ректору Петербургского университета обратилась А. Н. Шабанова. Поздравив известного ученого, основателя Физического института и популярного преподавателя Бестужевских курсов И. И. Боргмана с избранием, А. Н. Шабанова призвала университет «открыть двери для русских женщин и увеличить силы, полезные для государства».[5] Совет Петербургского университета признал возможным принимать женщин, имеющих достаточную подготовку, вольнослушательницами на все факультеты, а затем после выяснения с кафедрами вопроса о необходимом образовательном уровне — зачислять студентками.[6] Но было бы ошибочным считать требования и заявления женских организаций главным и единственным побудительным мотивом данного решения Совета.

Еще за два дня до письма А. Н. Шабановой, 13 сентября, на университетской сходке, на которой присутствовало 6000 человек, несколько сот составляли женщины. Выговаривая за это ректору, попечитель учебного округа обратил его внимание на то, что в аудиториях находилось много женщин «в шляпках и

[3] Дьяконова Е. Дневник. На Высших женских курсах. 1895—1899. СПб., 1905, с. 62, 71—72, 160.

[4] Щетинская-Цветова Л. К. Облик бестужевки начала века. — В кн.: Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. 2-е изд. Л., 1973, с. 297.

[5] Ректору Петербургского университета от Русского женского взаимно-благотворительного общества. — ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 10 000, л. 20.

[6] Ответ в Русское женское взаимно-благотворительное общество. 25 октября 1905 г. — Там же, л. 21 об.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

платочках». Действительно, в белоколонном актовом зале университета наряду с бестужевками были и представительницы трудящегося населения столицы, жены рабочих. Это возмутило попечителя так же, как и то, что на сходке ораторы требовали допущения женщин в университет, а один из выступавших крикнул: «Долой самодержавие!» и возглас был подхвачен бурными аплодисментами.[7]

Многотысячная сходка, состоявшаяся в университете 13 сентября, так же как и последовавшая за ней сходка 19 сентября, проходила под руководством Объединенной социал-демократической организации студентов Петербурга. В резолюции, принятой 19 сентября, снова выдвигалось требование «немедленного открытия в университет доступа женщинам на равных с прочими студентами правах».[8] В осенние месяцы 1905 г. почти на всех сходках студенты наряду с животрепещущими политическими проблемами ставили и вопрос о допуске женщин к высшему образованию. Поэтому правление университета 5 декабря вынуждено было вновь рассмотреть предложение о принятии женщин в число студенток. Оно постановило «тех из них, кои имеют образование не ниже мужской гимназии или окончили Высшие женские курсы, принять в число действительных студенток».[9]

Это решение стало претворяться в жизнь. Так, на основании сведений, приводимых журналом «Союз женщин», уже в 1906/1907 учебном году среди студентов шести университетов Европейской России было около 1000 вольнослушательниц, а к следующему учебному году число их возросло еще на 700 человек. На долю Петербургского университета приходилось соответственно годам — 144 и 208 человек.[10] На Бестужевских же курсах в это время числилось около 2200 девушек, представлявших в своем большинстве демократическую интеллигенцию. Возраст 80% из них был от 18 до 24 лет.[11]

Самым популярным среди вольнослушательниц университета был юридический факультет, ненамного отставал от него физико-математический, а за ними шел историко-филологический. Следует отметить, что число студенток в университете определялось не количеством желающих, а наличием вакантных мест. Так, в 1906 г. около 600 девушек подали заявления о приеме в Петербургский университет, а принято было менее четверти.[12]

---

[7] Попечитель округа — ректору, 30 сентября 1905 г. — Там же, оп. 3, д. 16 323, л. 39.

[8] Резолюция студенческой сходки. — Там же, оп. 25, д. 36, л. 18.

[9] Там же, оп. 1, д. 10 000, л. 24.

[10] Чехов Н. В. Женщины в университете. — Союз женщин, 1907, № 5, с. 9—10.

[11] См.: Отчет о состоянии С.-Петербургских Высших женских курсов за 1904/1905 академический год. СПб., 1906, с. 17, 21.

[12] Д. [А. Дьяконов]. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете. СПб., 1907, с. 86. — В дальнейшем: Дьяконов.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

В связи с событиями 9 января 1905 г. студенты университета и слушательницы Бестужевских курсов, как и других учебных заведений, большинством голосов участников сходок решили прекратить занятия. Временно приостановилось и чтение лекций.[13] Но и в университете и на курсах осенью 1905 г. происходили многолюдные митинги, на которых присутствовали женщины. Для них это была школа политического воспитания.

В диспутах, на собраниях, студенческих сходках активное участие принимали рабочие столичных предприятий, а также видные деятели большевистской партии. В помещении Бестужевских курсов выступали А. В. Луначарский, Н. В. Крыленко. А. М. Коллонтай была тесно связана с курсами, часто посещала их еще в 1904 г., хотя в числе слушательниц и не состояла. В период революции 1905—1907 гг. она проявила себя как талантливый организатор женского пролетарского движения.[14]

Присутствие женщин-вольнослушательниц на лекциях в Петербургском университете стало обычным явлением с осени 1906 г. Бестужевки активно посещали в университете лекции Ф. А. Брауна, А. Н. Веселовского, И. М. Гревса, Л. И. Петражицкого. Огромной популярностью пользовались лекции, которые читал Д. Н. Овсянико-Куликовский в актовом зале. В университете курсистки пользовались лабораториями, кабинетами, коллекциями. Совместно с вольнослушательницами и студентами университета они работали в различных научных обществах.

Журнал «Студенчество» в октябре 1906 г. поместил передовую статью «Женщины в университете», в которой редакция приветствовала вольнослушательниц, а студентов университета призывала оказать им максимальную поддержку. В этом же номере руководство библиографического кружка предлагало записывать в его члены не только студентов, но и студенток.[15] В кружке, которым руководил М. И. Туган-Барановский, изучением «Капитала» К. Маркса занималось до 50—60 студентов и студенток, причем нередко выступавшие на занятиях кружка сторонники революционных положений «Капитала» не соглашались с оценкой этого произведения профессором — «легальным марксистом».[16] «Очень важным фактором нашего образования, — вспоминает бывшая бестужевка, профессор Ленинградского университета М. Л. Тронская, — было посещение заседаний неофилологического общества при университете, куда нас

---

[13] Богучарский В. Хроника русской жизни. — Образование, 1906, № 2, с. 56.

[14] Иткина А. М. Революционер, трибун, дипломат. М., 1964, с. 28. — В опубликованной хронике сходок и митингов в университете значится женщина-оратор от РСДРП. В отличие от других выступавших ее имя не указано, а содержание речи приводится очень конспективно. — См.: Дьяконов, с. 77.

[15] Студенчество, 1906, № 2, стб. 12.

[16] Там же, № 3, стлб. 42—43.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

пригласил Ф. А. Браун, ставший после смерти А. Н. Веселовского его председателем».[17]

Заметим, что связи между университетом и Бестужевскими курсами прослеживаются со времени образования курсов в 1878 г. и до слияния с Петроградским университетом уже в годы Советской власти. Но особенно тесными стали связи между ними со времени первой русской революции. Сближению курсисток и студентов способствовали и общественные интересы. Например, в 1905 г. представители этих учебных заведений выступили с совместным проектом создания Народного университета, который могли бы посещать и рабочие столицы.[18] Единодушно действовали бестужевки и против реакционных преподавателей. Например, как только профессор В. И. Сергеевич вступил в конфликт со студентами и вольнослушательницами университета по поводу организации сходки в октябре 1906 г., курсистки после прочтения им одной лишь лекции принудили его оставить преподавание на курсах.[19] Согласованно выступили слушательницы и в выражении своего протеста однодневной забастовкой 22 ноября 1907 г. в связи с началом судебного процесса над депутатами социал-демократической фракции 2-й Государственной думы.[20] В целом следует отметить, что женщины в университете были активными участницами различных мероприятий, проводившихся после окончания занятий. В связи с этим ректор вынужден был объяснить градоначальнику, что в помещениях университета по вечерам собрания студентов и вольнослушательниц имеют место ежедневно. При этом он сослался на занятия кружков, собрания землячеств, заседания с научной целью.[21]

Женское движение в России не имело значительных проявлений феминизма. «Женское дело» не отделялось от общего дела революционного движения, органически вливалось в него. Одна из бестужевок так охарактеризовала своих подруг: «Наши слушательницы, как огня, боятся феминизма, считая интерес к нему мелким, не стоящим перед интересом общечеловеческим».[22] Сторонники феминизма, конечно, были, но они не составляли большинства на сходках в университете осенью 1906 г. Так, например, были выступления, суть которых сводилась к тому, что переустройство общественных отношений должны совершить не пролетариат и трудовое крестьянство, а женщины. Но подобные

---

17 Тронская М. Л. Романо-германское отделение. — В кн.: Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы, с. 111.

18 Проект Народного университета. — ЛГИА, ф. 14, оп. 25, д. 36, л. 66.

19 Студенчество, 1906, № 2, стб. 19, 21.

20 Русская школа, 1907, № 12, с. 94.

21 Ректор — градоначальнику, 25 февраля 1907 г. — ЛГИА, ф. 14, оп. 3, л. 16 323, л. 98.

22 Клейнборт Л. Современная молодежь. Русская курсистка. — Современный мир, 1914, № 10, с. 34.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

заявления вызывали смех у присутствующих в актовом зале университета, а ораторы оказывались в одиночестве.[23]

Русским женщинам, соединившим свою судьбу с передовым общественным движением, было присуще развитое чувство товарищества, жажда политической деятельности, народолюбие.[24]

Передовые русские студентки под влиянием событий 1905—1907 гг. проявили повышенный интерес к передовой революционной теории. Об этом свидетельствуют ответы на вопросы анкеты, которая распространялась среди слушательниц Бестужевских курсов. В анкете спрашивалось: «Что оказало влияние на мировоззрение?» Отвечавшие на этот вопрос бестужевки отметили выдающуюся роль великих русских писателей — Толстого, Тургенева, Достоевского, а пятая часть указала, что решающее воздействие на формирование их идейных убеждений оказали произведения К. Маркса и его последователей.[25] О своей приверженности идеям К. Маркса и его сторонников заявили прежде всего те бестужевки, которые в годы революции получили не только теоретическую, но и практическую закалку путем непосредственного участия в событиях.[26] Среди авторов, оказавших влияние на развитие мировоззрения, многие студентки отметили революционеров-демократов — Герцена, Белинского Добролюбова, Писарева. О Евангелии вспомнили лишь 2,6% бестужевок.

Пройдя вместе с университетскими студентами через горнило 1905 года, получив соответствующую политическую закалку, слушательницы бестужевских курсов, причастные к революционному движению, и в годы спада революционного движения и в период наступившей реакции продолжали борьбу за передовые общественные идеалы.

Несмотря на благоприятно складывавшиеся в годы революции обстоятельства для женщин, стремившихся в университет, наблюдатели уже в 1907 г. высказывали предположение, что «если волна революции донесла их (женщин. — *Г. Т.*) до дверей этого учреждения, то волна реакции с еще большей легкостью может или закрыть им доступ в университет или даже попросту удалить их из него».[27] Для подобных высказываний были основания. Положение студенток ухудшалось по мере отступления революции. В период подъема революционного движения в стране правительство выражало неудовольствие в связи с допуском в университеты женщин, но не имело сил изгнать их оттуда. С поражением революции царское правительство стало относиться к студенткам все более недоброжелательно, особен-

---

[23] См.: Дьяконов, с. 97.

[24] См.: Клейнборт Л. Современная молодежь..., с. 38.

[25] См.: Слушательницы Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов: По данным переписи, выполненной в ноябре 1909 года. СПб., 1912, с. 114.

[26] См. там же, с. 117.

[27] Чехов Н. В. Женщины в университете, с. 9.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

но со второй половины 1907 г., положение учащихся женщин снова крайне обострилось.

В начале 1907 г. Совет Петербургского университета обратился в Министерство народного просвещения с ходатайством о разрешении переводных экзаменов для вольнослушательниц, но получил уклончивый ответ о том, что «вопрос о допущении женщин в университеты на правах студентов будет рассмотрен при подготовке нового университетского устава».[28] Однако в августе того же года за подписью министра народного просвещения П. М. Кауфмана последовало письмо, разъясняющее ситуацию следующим образом: «...вольнослушательницы установили неправильную точку зрения на свое положение в университете, предполагая, что с допущением к слушанию лекций они приобретают и все права, предоставленные студентам, между тем как действующим университетским уставом прием лиц женского пола в студенты не предусмотрен...»[29] Затем министерство пошло дальше в своем стремлении избавить университеты России от женщин. В мае 1908 г. был разослан циркуляр № 12 179, который запрещал прием в университеты женщин, а принятых ранее рекомендовал исключить. К этому времени многие вольнослушательницы прослушали курс наук за шесть семестров.[30]

Передовые общественные круги России настойчиво требовали положительно решить вопрос о высшем женском образовании. Активно выступали студенты и преподаватели университета в защиту учащихся женщин на страницах печати. Студенческие научные общества обратились с заявлением к Совету университета, в котором писали, что «удаление женщин из университета значительно суживает работу кружков, в которых вольнослушательницы принимают активное участие».[31] И это не было преувеличением: женщины, поступившие в университет, активно занимались научной работой и стали высококвалифицированными специалистами. Примером может служить научная деятельность известного филолога М. И. Ливеровской, начавшей работать вольнослушательницей еще в 1907 г. под руководством Ф. А. Брауна.[32]

Большую активность проявили женские общественные организации и их печатные органы. В журнале Женской прогрессивной партии «Союз женщин» подробно освещались перипетии борьбы за высшее женское образование. Со статьей «Нас разъяснили» выступила Е. Шур. Автор статьи ссылалась на опыт

---

[28] Товарищ министра народного просвещения — попечителю Петербургского учебного округа, 2 апреля 1907 года. — ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 10 000, л. 138.

[29] Там же, л. 157.

[30] Яковлев В. П. Политика русского самодержавия в университетском вопросе (1905—1911). Канд. дис. Л., 1971, с. 114.

[31] Женский вестник, 1908, № 10, с. 238.

[32] Белодубровский Е. Б. М. И. Ливеровская. — В кн.: Дантовские чтения. М., 1976, с. 121—123.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Западной Европы, где женщины давно имели право на высшее образование, и выражала беспокойство за судьбу более двух тысяч русских студенток, подлежащих изгнанию из университетов.[33] В поддержку учащихся женщин на страницах этого же журнала опубликовали статьи профессора М. Ковалевский и исполнявший обязанности ректора Петербургского университета В. Шимкевич. Оба они отмечали успешные результаты пребывания девушек в университете в течение двух лет.[34]

Правительству не удалось изгнать вольнослушательниц из университета. В 1910 г. Петербургский университет окончили первые три вольнослушательницы — Лучицкая, Бодуэн де Куртене, Юленбург.[35] Когда в 1911 г. была проведена ревизия Петербургского и Московского университетов, то выяснилось, что в них учится 2130 вольнослушательниц. При этом советы университетов допускали девушек к переводным и выпускным экзаменам, таким образом как бы предоставив женщинам права действительных студентов. Поэтому в мае 1911 г. Совет министров вынужден был вновь указать Шварцу, сменившему Кауфмана, на необходимость наведения в этом деле «законного порядка».[36]

Революция 1905—1907 гг. вовлекла студенток в события, которые происходили вне стен учебных заведений, сломала широко бытовавшие представления об ограниченном круге женской деятельности, открыла возможности для проявления героических черт женского характера.

Занятия, начавшиеся в высших учебных заведениях осенью 1906 г., вскоре были прерваны на Бестужевских курсах происшествием, глубоко взволновавшим не только учащихся женщин, но и широкие круги общественности страны. В Кронштадте 2 октября 1906 г. был схвачен рядовой К. С. Власов (до мобилизации — рабочий Ижорского завода), у которого была обнаружена бомба «огромной разрушительной силы». В тот же день в Кронштадте были задержаны В. Тубилевич и студентка Бестужевских курсов А. Венедиктова, доставившие эту бомбу из Петербурга. В результате арестов, проведенных в Петербурге и Кронштадте, на скамью подсудимых попала еще одна курсистка А. Мамаева и рядовой А. Ипатов. Будучи членами Объединенной боевой группы при военной организации Кронштадского комитета РСДРП, они готовили покушение на коменданта крепости Адлерберга и председателя военного суда Томашевича. Они решили бросить бомбу в здание суда, где проходил процесс

33 Союз женщин, 1908, № 5—6, с. 13.

34 Там же, № 9, с. 13—14.

35 Женский вестник, 1910, № 7—8, с. 157.

36 Нельзя признать точной формулировку В. П. Яковлева о том, что Шварц «покончил с женским вопросом». В действительности распоряжения Министерства народного просвещения не всегда выполнялись подчиненными ему учебными заведениями. — См.: Яковлев В. П. Политика русского самодержавия..., с. 116—117.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

над моряками—участниками Кронштадтского восстания, и попытаться освободить подсудимых.

Об аресте слушательниц на курсах стало известно 11 октября. В тот же день курсистки заявили свой протест, организовав политическую сходку.[37] После того, как 19 октября от приговоренных к расстрелу подруг были получены письма, на курсах вновь собралась многолюдная сходка, постановившая ежегодно отмечать день их казни — 20 октября — как день поминовения павших борцов с самодержавием. В заключение присутствовавшие на этом митинге спели «Вы жертвою пали». Письма А. Венедиктовой и А. Мамаевой, содержавшие призыв продолжить борьбу с произволом, были затем опубликованы в различных периодических изданиях. В печати сообщалось также, что военно-полевой суд знал о беременности А. Венедиктовой и тем не менее приговорил ее к расстрелу.[38] Кроме того, приводились сведения, что попытки родителей Мамаевой и Венедиктовой, а также директора курсов профессора В. А. Фаусека добиться свидания с заключенными и хлопотать о смягчении их участи окончились безрезультатно.[39] Департамент полиции отклонил их ходатайства и поспешил сообщить о том, что приговор приведен в исполнение.

Весть о казни курсисток быстро распространилась по России. О том, какое впечатление произвела она в Ярославле, где училась Мамаева, видно из выступления 12 марта 1907 г. депутата Государственной думы М. П. Бобина. «Я вам расскажу, — говорил он, — какой ужас царил у нас в городе Ярославле, когда распространилась весть о том, что казнена несчастная Мамаева, только что год тому назад кончившая гимназию в Ярославле. Дети не желали идти в школу, они бились в истерике, их посылали в школу, в школах произошел беспорядок. Благопопечительное начальство указывало, что наши дети не воспитанные, что они не слушают начальства».[40]

Некоторые сведения, опубликованные в периодической печати и мемуарной литературе о казненных А. Венедиктовой и А. Мамаевой, остаются не до конца выясненными и противоречивыми. Долгое время неизвестной была и дата казни девушек. По положению о военно-полевых судах приговор должен приводиться в исполнение не позднее суток с момента его вынесения.[41] Тем не менее С. Ушерович считал датой казни 14 октября,

---

[37] Русская школа, 1906, № 11, с. 56.

[38] Право, 1906, № 43, стб. 3352.

[39] Муж А. Венедиктовой, студент Петербургского университета, узнав в тюрьме, где он находился за участие в революционном движении, о казни жены, сошел с ума. — Шаскольский П. А. Венедиктова и А. Мамаева. — Студенчество, 1906, № 3, стб. 4—5.

[40] Государственная дума второго созыва: Стенограф. отчеты. Т. 1. СПб., 1907, стб. 396.

[41] Полянский Н. Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905—1907 годов. М., 1958, с. 210—211.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Н. Фалеев — 17 октября.[42] Сами курсистки в течение многих лет 20 октября отмечали годовщину казни и отправляли телеграммы соболезнования матери А. Венедиктовой в Борисоглебск. И только при подготовке к изданию сборника по истории Бестужевских курсов на основании материалов Департамента полиции удалось установить, что дата казни была скрыта как от родителей, так и от руководства курсов.[43]

После того, как смерть А. Венедиктовой и А. Мамаевой была описана в газетах, студентки жили еще до 14 ноября, т. е. ежедневные мучения, связанные с ожиданием последнего часа, продолжались для них более трех недель. Следовательно, такие подробности о гибели бестужевок, как отказ А. Мамаевой от повязки на глаза и то, что в результате первого залпа ее только ранили, а потом уже пристрелили, были своего рода приемом, к которому прибегли журналисты для возбуждения общественного мнения. Причина отсрочки казни пока неизвестна.

Конечно, далеко не все женщины, мечтавшие получить диплом о высшем образовании, были способны порвать с той средой, к которой они принадлежали, соединить свою судьбу с передовым общественным движением. Но среди них, особенно среди воспитанниц Бестужевских курсов, было немало таких самоотверженных героинь, которые сознательно решили идти в народ, служить ему.

По воспоминаниям слушательницы курсов В. К. Дылёвой[44] можно проследить деятельность в годы революции той многочисленной группы курсисток, которые ранее, в предреволюционные годы, не занимались серьезной общественной и политической работой. Большинство из них откликнулись на события 9 января 1905 г. сбором средств для оказания помощи семьям погибших, организацией столовых для населения рабочих окраин Петербурга. Многие бестужевки работали в читальнях, учительствовали за Нарвской заставой, в Народном доме Паниной. Несколько поколений бестужевок преподавали в Смоленских вечерних классах, среди них были Н. К. Крупская, Л. М. Книпович, П. Ф. Куделли, А. М. Калмыкова, З. П. Невзорова, А. А. Якубова. Их дело просвещения народа в годы революции за Невской заставой продолжили представительницы молодого поколения курсисток. В. К. Дылёва в своих воспоминаниях сообщает о том, что в различных школах по Шлис-

---

[42] Ушерович С. Смертные казни в царской России. Харьков, 1933, с. 270, 348; Фалеев Н. Шесть месяцев военно-полевой юстиции. — Былое, 1907, № 2, с. 74.

[43] Стриевская С. И. Участие бестужевок в революционном движении. — В кн.: Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы, с. 53.

[44] Эти воспоминания были предоставлены автору настоящей статьи дочерью В. К. Дылёвой Натальей Михайловной Уствольской. Подобный вариант воспоминаний В. К. Дылевой-Уствольской находится в Музее ЛГУ, ф. ВЖК.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

сельбургскому тракту вместе с нею учительствовали: Н. Дылёва (се сестра), М. Покровская, Н. Никифоровская и др. В Смоленской вечерней школе, где преподавали бестужевки, бывала в 1905 г. и А. М. Коллонтай. Но наиболее тесные деловые связи были у студенток с Н. В. Крыленко. Из материалов, приводимых в воспоминаниях, следует, что женская учащаяся молодежь в результате знакомства с условиями труда и быта рабочих, контактов с представителями революционной социал-демократии становилась более зрелой политически, «стремилась войти в партию».

Бестужевки выполняли вначале различные небольшие поручения: организовывали явки, находили квартиры, где имелись большие комнаты и можно было проводить собрания, на которых выступали революционеры. Чаще всего выступал «товарищ Абрам» (Н. В. Крыленко). Исполняли бестужевки роли «невест» для поддержания связи с политическими заключенными, а также принимали участие и в некоторых рабочих маевках. Под влиянием революции 1905—1907 гг. все большее число женщин понимали, что служить народу необходимо не только в больницах и школах, в народных театрах и обществах образования — лучшие из них пошли путем профессиональных революционеров.

Активное участие в революции 1905—1907 гг. приняли многие бестужевки разных поколений и среди них: Н. К. Крупская, К. Самойлова, сестры С. и З. Невзоровы, Е. Херсонская, Е. Смиттен, Л. Фотиева, С. Морозова, О. Канина, М. Маргелашвили, Е. Лосева-Ванеева, Ф. Кнуниянц-Ризель и многие другие. Н. К. Крупская осенью 1906 г. занималась революционной работой в стенах Петербургского университета, используя комнату студенческих старост как место для явок. Когда же помещение оказалось недостаточно удобным, она избрала местом встреч студенческую столовую. Кстати сказать, университетская столовая использовалась в конспиративных целях и ранее, в 1905 г. Сведения об этом доходили и до начальства. Попечитель Петербургского учебного округа сообщал ректору: «2 октября в 7 часов вечера в университетской столовой была устроена при конспиративной обстановке сходка студентов с участием курсисток и рабочих до 400 человек».[45]

История революционного движения знает имена многих замечательных женщин, пожертвовавших собой для достижения идеалов социальной справедливости. Именно об этой части молодежи В. И. Ленин писал в конце 1905 г.: «Радикальное студенчество, принявшее и в Петербурге и в Москве лозунги революционной социал-демократии, является авангардом всех де-

[45] Попечитель — ректору, 12 октября 1905 г. — ЛГИА, ф. 14, оп. 3, д. 16 323, л. 65 (об.).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

мократических сил...»[46] Ни аресты и смерть подруг, ни мучения, которым они подвергались в тюрьмах, не могли остановить и запугать русских женщин, вставших на путь революционного служения народу. В борьбе за равноправие немало славных, самоотверженных женщин посвятили свою жизнь революционному преобразованию родины.

[46] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 351.

И. П. ЛЕЙБЕРОВ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАВКАЗСКОГО ЗЕМЛЯЧЕСТВА В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ

История кавказского землячества при Санкт-Петербургском университете, революционная деятельность грузинских и армянских членов этого землячества в начале 60-х годов XIX столетия не были темой самостоятельного исследования. На слабой разработке указанных вопросов сказались недостаточное количество архивных, опубликованных документальных и мемуарных источников, а также языковые трудности. Вместе с тем советские историки немало сделали для исследования политических и культурных связей между народами России и Закавказья в XIX — начале XX в.[1] Плодотворно работали над изучением научных и культурных связей Петербурга и Грузии В. С. Шадури и М. Ф. Горгидзе.[2] Интересная и богатая фактическим материалом книга М. Ф. Горгидзе охватывает почти 200 лет истории петербургско-грузинских культурных связей (XVIII—XIX вв.) и заканчивается революционно-разночинским периодом 60—70-х годов прошлого столетия. Вопросами петербургско-кавказских революционных связей и, в частности, историей Кавказского землячества в Петербурге занимался и автор данного сообщения.[3]

На основе новых и малоизвестных фактических сведений автор попытался в данном сообщении рассмотреть зарождение и деятельность кавказского землячества и его ведущего ядра — грузинского землячества в рамках Петербургского университета в период первой революционной ситуации 1861—1862 гг.

Грузинское землячество при университете возникло осенью 1861 г. в разгар революционной ситуации, в то самое время, когда в сентябре—октябре в университете произошли крупные студенческие волнения. Они закончились столкновением с полицией и войсками, заточением свыше трехсот студентов в казематы Петропавловской и Кронштадтской крепостей.[4] Среди арестованных не менее 30 студентов были грузинами по национальности, в том числе В. Л. Гогоберидзе, Н. Я. Николадзе и Г. Е. Церетели, позднее ставшие видными революционерами-шестидесятниками и общественными деятелями Грузии.[5]

Впервые идею объединения в кружок всех грузин-студентов, занимавшихся в университете, выдвинул 22-летний универсант Илья Григорьевич Чавчавадзе, впоследствии крупнейший революционный и культурный деятель Грузии, ее национальная поэтическая гордость. Еще в 1857 г. он поступил на камеральное отделение юридического факультета Петербургского университета, которое готовило чиновников для удельного ведомства.[6] И. Г. Чавчавадзе выделялся среди своих земляков огромной трудоспособностью, ярким поэтическим талантом, высокой культурой и начитанностью, твердыми революционно-демократическими взглядами. Его друг, студент университета Кохта Абхази вспоминал: «... в Петербургском университете Илью особенно интересовали политические и экономические предметы... Иногда он работал по 18—20 часов в сутки, и я несколько раз видел, как он засыпал, сидя за книгой... Мы, студенты (грузины. — *И. Л.*), часто собирались и беседовали как на общественные темы, так и о будущей судьбе нашей многострадальной родины, часто читали грузинские книги».[7]

Кружок грузин-студентов Петербургского университета, возглавляемый Ильей Чавчавадзе, был организован на рубеже 1859—1860 гг., когда революционная ситуация углублялась в стране и столице. В кружок вошло не менее тридцати студентов, в том числе Илья Чавчавадзе, Кохта Абхази, Ваша Гогоберидзе, Георгий Церетели, Акакий Церетели, Яков Исарлигишвили, а с осени 1861 г. — Нико Николадзе. Это были энергичные и талантливые молодые люди, жившие дружной и интересной жизнью. Грузинские студенты старались и селиться на частных квартирах вблизи друг от друга, летние каникулы ча-

[1] См., напр.: Галоян Г. А. Россия и народы Закавказья. М., 1976; Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975; Даронян С. М. Налбандян и русские революционные демократы. М., 1967, и др.

[2] Шадури В. С. Ленинградский университет и деятели грузинской культуры. Тбилиси, 1968; Горгидзе М. Грузины в Петербурге: Страницы летописи культурных связей. Тбилиси, 1976.

[3] См.: Лейберов И. П. 1) Цебельдинская находка. — Наука и жизнь, 1973, № 11; 2) Ясочка — почтовый ящик революции. — Литературная Грузия, 1976, № 2, 3, 4; 3) Курсы революции. — Вопросы истории, 1976, № 8; 4) Цебельдинская находка: Из истории революционных связей между Петербургом и Кавказом. М., 1976.

[4] См.: История Ленинградского университета: Очерки. Л., 1969, с. 70.

[5] Джавахишвили Г. Д. Первые революционные «университеты» Нико Николадзе. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1978, с. 167.

[6] Джибладзе Г. Илья Чавчавадзе. — Литературная Грузия, 1977, № 7, с. 67—68.

[7] Там же, с. 68.

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ще всего проводили вместе, да и учились либо на юридическом, либо на восточном факультетах. «В Петербурге мы жили большей частью на Васильевском острове, — свидетельствует К. Абхази. — Лето грузинское студенчество проводило в Павловске и мы с Ильей (Чавчавадзе. — *И. Л.*) в это время тоже обычно находились там».[8]

Университетский кружок во главе с И. Чавчавадзе сразу же оказался не только под влиянием революционно-демократических идей Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, А. И. Герцена, но и многие его члены стали близкими знакомыми и даже друзьями вождей российской демократии.[9]

Под личным влиянием Н. Г. Чернышевского с 1859 по весну 1861 г. (до момента исключения из университета за участие в студенческих волнениях) находился Илья Чавчавадзе. Он поддерживал с ним дружеские связи, зачитывался его статьями и статьями Н. А. Добролюбова в «Современнике». Многое в идейном отношении сближало молодого грузинского революционера-демократа с Чернышевским, даже представление о человеческом счастье. В одном из писем своей невесте О. Т. Гурамишвили Чавчавадзе писал: «Ты знаешь, когда дорого счастье? Когда его завоевываешь борьбой, оберегаешь ценой страданий... Нет победы без преодоления препятствий... Нам ведь тоже приходится преодолевать препятствия — преодолеем еще и еще, друг мой!... И как бы ни закончилась эта борьба, она все равно облагораживает человека, даже в случае поражения возвеличивает его».[10] Студент университета В. Л. Гогоберидзе бывал у Н. Г. Чернышевского в редакции «Современника» и дома, советовался с ним по вопросам студенческого движения, получал указания.[11]

Следует отметить, что с вождем российской демократии так или иначе было связано большинство членов грузинского кружка Петербургского университета.[12] Это была именно та группа студентов-грузин, которые приняли активное участие в студенческих волнениях в университете в сентябре—октябре 1861 г. и после месячного заключения в Петропавловской и Кронштадтской крепостях были выпущены на волю с указанием о выезде из Петербурга в районы Грузии под гласный надзор полиции.[13]

---

[8] Там же; История Грузии. Т. 2. Тбилиси. 1973, с. 80—90. — Имена многих членов данного кружка вошли в историю Грузии.

[9] Церетели Акакий. Избр. соч. Тбилиси, 1940, с. 456—457.

[10] Чавчавадзе И. Полн. собр. соч. Т. 10. Тбилиси, 1961, с. 229.

[11] См.: Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Т. 1. Саратов, 1958, с. 404—405.

[12] Николадзе Н. Воспоминания о шестидесятых годах. — Каторга и ссылка, 1927, № 5 (34), с. 29—30.

[13] Там же, 1927, № 4 (33), с. 29.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Вот с этими грузинскими студентами-универсантами, проверенными в революционно-демократической практике, и поддерживал деловой и личный контакт Н. Г. Чернышевский. Велико было влияние вождя российской демократии и его журнала «Современник» на новое поколение разночинской молодежи, университетское студенчество и, в частности, на грузин-студентов. «... С каким нетерпением и жаждой мы, молодежь, ожидали того счастливого дня, когда выйдет книга любимого журнала, — вспоминал Н. Я. Николадзе, — с каким восхищением и поспешностью, с какой жаждой и неутомимостью принимались мы за чтение... Сколько длинных, бесконечных северных зимних ночей провели мы в его чтении, в разборе его мыслей, в рассуждениях и жарких спорах...».[14] В данном отрывке воспоминаний Нико Николадзе речь идет о зимних месяцах в Петербурге 1861/1862 г. Члены университетского грузинского кружка Н. Николадзе, В. Гогоберидзе, А. Церетели, Г. Церетели и другие усиленно изучали статьи Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова в старых и новых номерах «Современника», выхода которых, по свидетельству Николадзе, они ждали «как манны небесной».[15]

Глубокое внимание к Грузии, национально-освободительному движению ее народа, его передовому отряду — грузинскому демократическому студенчеству было далеко не случайным со стороны Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Руководители революционно-демократического лагеря, два его центра — Петербургский во главе с «Современником» и Лондонский во главе с «Колоколом» (при всех их противоречиях) рассматривали «Кавказ с Доном и Черноморьем» как один из возможных и ведущих оплотов народного вооруженного восстания против царизма и крепостничества. В известных конспиративных бумагах Н. П. Огарева (из пражской коллекции) и, в частности, в документе «Цель русского движения», подготовленном в 1860 г., говорилось: «Восстание, идущее строем, можно только образовать в войсках. Для этого надо составить офицерские общества для разъяснения солдатам цели и необходимости восстания. Образование таких обществ должно быть преимущественно и усиленно вырабатываемо в войсках, стоящих на окраинах государства: на Кавказе с Доном и Черноморьем, на Урале с Приволжьем, в Польше с западными губерниями».[16] В другом документе — «Заграничные общества», уточняющем первый и написанном Огаревым весной 1862 г., подчеркивалось: «... надо скорее организовать Кавказ и Урал так, чтобы они помогли, если западное движение

[14] Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. 1 с. 390.
[15] Николадзе Н. Воспоминания о шестидесятых годах. — Каторга и ссылка, 1927, № 4 (33), с. 29.
[16] Литературное наследство, т. 61: Герцен и Огарев. Т. 1. М., 1953, с. 460, 501. — Публикация и комментарий акад. М. В. Нечкиной.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

(в Польше) удастся, дать ему значение народного восстния...»[17] Разумеется, вожди революционной демократии в территориально-географическое понятие «Кавказ» вкладывали самое широкое понимание проблемы: Грузия, Армения, Азербайджан, Дагестан и Северный Кавказ с национально-освободительной борьбой их народов.

Осенью 1861 г. окончательно сложилась подпольная революционная организация «Земля и воля», идейными руководителями которой были Чернышевский, Добролюбов, Герцен и Огарев. Организация считала своей задачей подготовку массовой крестьянской революции за «Землю и волю» путем публикации и распространения подпольных прокламаций, осуществления идейно-политического воздействия на широкие крестьянские, солдатские массы, на разночинскую интеллигенцию и студенчество. В этих целях намечались создание и практическое использование воскресных школ, книжных магазинов и читален, издание популярной литературы. Особое значение придавалось распространению легальных журналов «Современник» и «Русское слово» (редактор — сподвижник Герцена и Чернышевского Г. Е. Благосветлов), нелегальных листов «Колокола».[18]

Через призму данного круга проблем — от подготовки всероссийской массовой крестьянской революции и до деятельности в общероссийском масштабе «Земли и воли» начала 60-х годов — и следует рассматривать создание грузинского землячества на базе кружка грузин-студентов Петербургского университета, а вслед за ним возникновение и армянского землячества также на основе объединения армян-студентов, учившихся в университете. Действительно, руководители революционной демократии не ограничивали деятельность «Земли и воли» Петербургом и Москвой, другими университетскими центрами (Харьков, Казань, Одесса, Киев), а стремились распространить и на национальные окраины тогдашней России, в частности на Кавказ, Польшу и Урал с Поволжьем. В свете сказанного становится более понятным, почему именно с осени 1861 г. Н. Г. Чернышевский уделял такое большое внимание грузинским студентам. Очевидно, ему, Чернышевскому, и принадлежала идея создания общего грузинского землячества с целью объединения в нем всех грузинских студентов высших учебных заведений Петербурга, ибо в них он видел будущих пропагандистов и проводников революционно-демократических идей в Грузии.[19] Характерно, что Н. Я. Николадзе и еще несколько

---

[17] Там же, с. 510.

[18] См.: Линков Я. И. Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и тайное общество «Земля и воля» 1860-х годов. М., 1964, с. 151—198, 199—273; Кузнецов Ф. Публицисты 1860-х годов. Круг «Русского слова». М., 1969, с. 76—77.

[19] См.: Джавахишвили Г. Д. Первые революционные «университеты» Нико Николадзе, с. 167.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

грузин-студентов университета имели частые встречи и беседы с Николаем Гавриловичем в начале лета 1862 г. в Павловске (под Петербургом), где семья Чернышевских проводила летний отдых. «... Он (Чернышевский. — *И. Л.*) отлично понимал силу народной инерции и знал, что... в конечном итоге, несомненно, победит правда и разум, но это будет не скоро, и не одно поколение — он не скрывал этого от нас — молодежи положили свои кости в борьбе за воцарение добра. Но в чем он не сомневался — это в том, что уныние, овладевшее высшими сферами после крымского разгрома, логически неизбежно приведет к революции, торжество которой будет непродолжительно и сменится жестокою расправой реакции с передовыми элементами»,[20] — вспоминал Н. Я. Николадзе.

Всю весну и начало лета 1862 г. Н. Я. Николадзе, его друзья по университету — грузинские студенты активно сотрудничали с Н. Г. Чернышевским, с членами редакции «Современника». В мае среди студентов-универсантов получила распространение нелегальная прокламация «Молодая Россия», вышедшая из московского студенческого кружка П. Г. Заичневского. Несколько экземпляров этой прокламации оказались в руках Николадзе, который к тому времени через своего близкого знакомого, старшего корректора журнала «Современник» Евгения Стопановича, познакомился с несколькими передовыми студентами Московского университета.[21] Николадзе распространил воззвание среди грузинских студентов.[22]

Кроме этих изданий, в грузинском землячестве Петербургского университета распространялись и другие подпольные издания, в частности начало «Сущности христианства» немецкого материалиста Людвига Фейербаха. Члены землячества выступали в демократической периодике Петербурга. Так, Н. Я. Николадзе опубликовал в сатирическом журнале «Искра» (№№ 11, 12, 28, 29) свой рассказ в двух частях о жестокой жизни нуждающихся студентов («На Петербургской стороне», «Оборот медали»).[23]

Следует подчеркнуть, что грузинские студенты не замыкались в рамках своего национального землячества, а жили свободолюбивыми и интернациональными интересами. Основатель землячества и его первый председатель Илья Чавчавадзе был

---

[20] Николадзе Н. Воспоминания о шестидесятых годах. — Каторга и ссылка, 1927, № 5 (34), с. 41—42.

[21] См.: Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах. СПб., 1906, с. 41—46; Джавахишвили Г. Д. Первые революционные «университеты» Нико Николадзе, с. 169—170; История Ленинградского университета, с. 73—74.

[22] Николадзе Н. Воспоминания о шестидесятых годах. — Каторга и ссылка, 1927, № 5 (34), с. 38.

[23] Джавахишвили Г. Д. Первые революционные «университеты» Нико Николадзе, с. 169. —Это было не первое выступление молодого Н. Николадзе в периодике.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

одним из авторитетных руководителей общеуниверситетского революционного движения, Ваша Гогоберидзе входил в состав студенческого комитета университета, Нико Николадзе и Акакий Церетели были связаны с редакцией «Современника» и с Литературным фондом, оказывая через фонд посильную материальную помощь демократически настроенным студентам (русским, полякам, украинцам, армянам, грузинам).[24] Отличительной чертой грузинского землячества было и то, что оно поддерживало тесные связи с революционно настроенными русскими и польскими студентами и, в частности, с И. Пиотровским,[25] И. Рождественским, Л. Самариным, членом студенческого комитета Н. Утиным и другими.[26] Для более активного политического и культурного общения с передовой русской интеллигенцией и студенчеством грузинское землячество нередко устраивало в Петербургском университете или на частных квартирах вечера — концерты, лекции и доклады. Многие из этих мероприятий были платные и деньги шли на оказание материальной помощи бедствующим студентам.[27]

Таким образом, в основе образования и деятельности грузинского землячества при Петербургском университете в 1861—1862 г., по нашему мнению, лежали прежде всего политические факторы: подготовка будущих политических борцов и проповедников революционно-демократических идей в Грузии. Вторичными факторами являлась необходимость культурного и межнационального общения. Однако М. Горгидзе главную причину создания землячества грузин-университантов видит в необходимости «культурного общения петербургских грузин между собою и русской интеллигенцией».[28] На наш взгляд, делать акцент только на «культурном общении», значит, в определенной мере обеднять и упрощать данную проблему.

Примерно в одно время с грузинским в Петербургском университете возникло и армянское землячество. У истоков его образования стоял выдающийся армянский революционер-демократ Микаэл Лазаревич Налбандян.[29] С октября 1853 г. Налбандян работал в должности учителя армянского и русского языков в Лазаревском институте восточных языков в Моск-

---

[24] См.: История Ленинградского университета, с. 73—74; Из записей бесед автора с профессором Русудан Николаевной Николадзе, дочерью Н. Я. Николадзе в декабре 1972 г. в Тбилиси.

[25] Вольнослушатель университета И. Пиотровский оказал большое революционизирующее влияние на 18-летнего Н. Николадзе, подробно разбирая с ним в Петропавловской и Кронштадтской крепостях статьи Чернышевского и Добролюбова.

[26] Николадзе Н. Воспоминания о шестидесятых годах. — Каторга и ссылка, 1927, № 4 (33), с. 49; № 5 (34), с. 35 и др.

[27] Горгидзе М. Грузины в Петербурге, с. 263.

[28] Там же.

[29] Родился в ноябре 1829 г. в Новом Нахичевани, пригороде Ростова-на-Дону, в семье бедного ремесленника

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ве — крупнейшем очаге армянской культуры в России. Затем четыре года (1854—1858) он учился вольнослушателем на медицинском факультете Московского университета вместе с И. М. Сеченовым и С. П. Боткиным, впоследствии известными учеными-медиками. В октябре 1859 г. М. Л. Налбандян поступил в Петербургский университет на восточный факультет, сдал экзамены экстерном и через восемь месяцев защитил кандидатскую диссертацию по теме «Об изучении армянского языка в Европе и научном значении армянской литературы».[30]

М. Л. Налбандян являлся высокоодаренным, энциклопедически образованным человеком; он был сведущ в новейших проблемах медицины и физики, биологии и химии, зоологии и агрономии, астрономии и геологии. Сам активно работал в области филологии: армянской поэзии, критики, истории. Его перу принадлежат поэмы и стихи, очерки и памфлеты, неоконченный роман, многочисленные литературно-критические статьи, труды по философии и политэкономии. С начала 1858 г. Налбандян активно сотрудничал в армянском революционно-демократическом журнале «Юсисапайл» («Северное сияние»), выходившем в Москве под редакцией выдающегося просветителя Степана Назаряна. В нем он опубликовал: «Дневник» — серию злободневных публицистических статей, фельетонов, рецензий и публицистический неоконченный роман «Вопрошение мертвых» — острую сатиру на армянских лжепатриотов — буржуа и мракобесов, погрязших в хищничестве, разгуле и безделии за счет народа. Своими остропублицистическими, разоблачительными выступлениями Налбандян вызвал гнев министров внутренних дел и просвещения. Сославшись на необходимость срочного лечения, он выехал за границу, где побывал в Англии, Франции, Германии, Бельгии, Австрии. За рубежом Налбандян пробыл с марта по октябрь 1859 г.[31]

Микаэл Налбандян был признанным руководителем армянских революционных демократов, передовой молодежи. С 1856 г. он находился под непосредственным влиянием идей А. И. Герцена, его «Полярной звезды», «Колокола», а через год — два под влиянием идей Н. Г. Чернышевского, его «Современника». В апреле — мае 1859 г. Налбандян устанавливает личный контакт с Герценом и Огаревым в Лондоне, сотрудничает в «Колоколе». Особенно окрепла эта связь во время поездки Налбандяна в Индию через Лондон (где он получал визу на въезд в британскую колонию) за крупной суммой денег, завещанной в наследство городу Новому Нахичеваню армянским богатеем М. Бабаджаняном, проживавшем в Калькутте.

Вся поездка длилась с декабря 1860 по февраль 1862 г. И дважды: в январе — марте 1861 и в январе — феврале 1862 г. Налбандян был в Лондоне. Микаэл Лазаревич помогал Н. П. Ога-

[30] Даронян С. К. Микаэл Налбандян. М., 1963, с. 8—16.
[31] Там же, с. 1—3, 25, 59—60.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

реву в составлении революционного воззвания «Что нужно народу?», вел переговоры с А. И. Герценом и М. А. Бакуниным об установлении связей Лондонского центра «Земли и воли» с Закавказьем и югом России. Тогда же Налбандян написал свой социально-политический трактат «Земледелие как верный путь», опубликованный в Париже в феврале 1862 г. Трактат был посвящен экономическому положению крестьянства после отмены крепостного права, защите его аграрных интересов, задачам революционной борьбы против самодержавия.[32]

В справке III отделения «О кандидате С.-Петербургского университета Михаиле Налбандове», помеченной 1 ноября 1865 г., говорилось: «М. Налбандов, в бытность в Лондоне, познакомился там с Бакуниным, Герценом, Огаревым и Тхоржевским (польский революционер, сподвижник А. И. Герцена.— *И. Л.*) и получил от Бакунина для сношения с ним инструкцию и словарь с вымышленными именами и названиями местностей. По возвращении Налбандова в Россию, Бакунин прислал ему письмо и 10 экземпляров книги на армянском языке, названною поварскою; но книга эта, оказавшаяся по переводе изданною в Париже в 1862 г. под заглавием „Земледелие", заключала в себе суждения вовсе не о поварском искусстве, а о существующих правительствах и, между прочим, о России в возмутительном духе. В бумагах Налбандова найдены два письма к нему Бакунина от 6-го и 10-го мая 1862 г., в которых, между прочим, упоминалось о находившемся в Лондоне коллежском асессоре Н. И. Воронове, которому Бакунин просил дать средство — устроить привоз на Кавказ лондонских изданий».[33]

Итак, перед нами документальное подтверждение того, что Лондонский центр через Налбандяна и другого герценовского связного Николая Ильича Воронова стремился создать надежный подпольный аппарат связи между Лондоном — Парижем — Константинополем — Петербургом — Закавказьем для пересылки туда транспортов с революционными изданиями.[34]

Для выполнения этой ответственной и трудной задачи нужны были верные и смелые люди, а также время и деньги. Все это и могли дать члены армянского землячества при Петербургском университете. Весьма характерно и то, что армянское землячество по времени возникает сразу же (весна — лето 1862 г.) за созданием грузинского землячества (осень 1861 г.).

В конце мая — первых числах июня 1862 г. Микаэл Налбандян находился в Петербурге, проживал на квартире своего земляка и друга Л. И. Хафафова, на Васильевском острове, в Биржевом переулке, в доме Меняева, в квартире 46. Дом Меняева

---

[32] Там же, с. 80—85, 91—105; ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 1, 1 эксп., 1862, д. 230, ч. 76, л. 84.

[33] ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 1, 1 эксп., 1862, д. 230; ч. 76, л. 84—84 об.

[34] Дейберов И. П. Цебельдинская находка, с. 41.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

находился почти рядом с университетом.[35] Можно предположить, что квартира Л. И. Хафафова и была местом встреч и заседаний армянского землячества. Герценовский связной Н. И. Воронов, очевидно, здесь вел переговоры с Налбандяном об установлении связей между Лондоном, Петербургом и Закавказьем, о деятельности армянского землячества.

В июне 1862 г. М. Л. Налбандян встречался и беседовал с Н. Г. Чернышевским, с которым поддерживал активные контакты и до этого. Вполне вероятно, что тогда Налбандян поставил в известность Чернышевского о ближайших планах Герцена и Бакунина по установлению связей с Закавказьем. Можно не сомневаться в том, что Чернышевский был согласен с использованием для этих целей сил и возможностей армянского, как, в свою очередь, и грузинского, землячеств Петербургского университета. Факт весьма интересный, свидетельствующий о синхронности контактов с вождем революционной демократии как представителей грузинского (Нико Николадзе), так и армянского (Микаэл Налбандян) землячеств.

К маю — июню 1862 г. относятся попытки М. Л. Налбандяна установить организационную и идейную связь с грузинским землячеством при посредничестве Н. Николадзе.[36] Однако эти связи завершить не удалось, так как в конце июня Налбандян выехал из Петербурга в Новый Нахичевань, а 15 июля там был арестован и доставлен в Петропавловскую крепость. Здесь уже с 7 июля в Алексеевском равелине находились Н. Г. Чернышевский и Н. А. Серно-Соловьевич — руководители Петербургского центра «Земли и воли».

Возникновение и последующая деятельность Кавказского землячества при Петербургском университете имела важное значение в революционном и культурном общении передовой русской и закавказской студенческой молодежи, в усилении демократических традиций в революционном движении народов Кавказа, в их совместной борьбе против царской монархии за свободу и счастье народов.

---

[35] ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 1, 1 эксп., 1862, д. 230, ч. 76, л. 2.

[36] Из записей бесед автора с профессором Р. Н. Николадзе в декабре 1972 г. в Тбилиси.

Ю. Д. МАРГОЛИС

Т. Г. ШЕВЧЕНКО В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Советское шевченковедение показало неотделимость поэзии Т. Г. Шевченко от передового общественного и научного движения. В современной шевченкониане появились исследования, связавшие творчество и революционную деятельность поэта с

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

научной и общественно-политической историей крупнейших университетов России — Московского и Киевского.[1]

Отнюдь не новы для шевченковедения и многие аспекты темы «Т. Г. Шевченко в Петербургском университете». Некоторые из них рассматривались в наших заметках, опубликованных «Украинским историческим журналом».[2] В них констатировалась прямая принадлежность интересующей нас темы не только шевченковедению, но и — в равной мере — научной «биографии» Петербургского (Ленинградского) университета. Дополнительные аргументы в пользу этого вывода содержит предлагаемая вниманию читателя статья.

Первая встреча Шевченко со столичным университетом связана с именем К. П. Брюллова. Близко сошедшийся в конце 1850-х годов с поэтом В. В. Стасов вспоминал: «Я с самим Шевченко говорил не раз о Брюллове и он... отстаивал его всего больше, как своего благодетеля и во многом — просветителя».[3] Роль Брюллова как благодетеля Шевченко выяснена, кажется, до мельчайшей детали — до дня, места и всех обстоятельств лотереи, принесшей свободу 24-летнему поэту,[4] а вот о Брюллове-просветителе мы знаем гораздо меньше. Существенными, поэтому, представляются мемуарные свидетельства сверстника Шевченко М. А. Рамазанова, писавшего о Брюллове: «...Нельзя забыть, как этот художник, уже завладевший европейскою славою, занимал скромное место на скамье между студентами Петербургского университета».[5]

Воспоминания о том, как «великий учитель»[6] ввел его в университетские аудитории, поэт благоговейно пронес через всю жизнь. В автобиографической повести «Художник» Шевченко писал, что он приходил в университет «раз в неделю слушать лекции профессора Куторги» (4, 163).

Курс зоотомии (включавший анатомию, зоологию и палеонтологию) С. С. Куторги — профессора, который, по словам К. А. Тимирязева, первым в России дал «трезвую объективную оценку» эволюционной теории Ч. Дарвина «почти вслед за ее

---

[1] Виноградов В. А. Т. Г. Шевченко в Московском университете. — В кн.: Т. Г. Шевченко і слов'янськи народи: Тези доповідей міжвузівської наукової шевченківської сессії 16—21 травня 1961 року. Київ, 1961, с. 37—39; Рудько М. П. Тарас Шевченко і Київський університет. Київ, 1959; Попов П. М. Шевченко і Київський університет: До 150-річчя з дня нарождення поэта. Київ, 1964.

[2] Марголис Ю. Д. Т. Г. Шевченко і Петербурзький університет. — Український історичный журнал, 1971, № 4, с. 45—56.

[3] И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка. Т. 2. М.; Л., 1969, с. 445.

[4] Жур Петр. Шевченковский Петербург. Л., 1964, с. 108—120.

[5] Рамазанов М. Материалы для истории художеств в России. Кн. 1. М., 1863, с. 180—181.

[6] Шевченко Тарас. Повне зібрання творів. В 10-ти томах. Київ. 1939—1964. Т. 4, с. 28. — Ниже ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках: первая цифра обозначает том, вторая — страницы.

появлением»,[7] действительный студент Академии художеств Тарас Шевченко слушал в течение года (4, 163).

Однако в существующих «хрониках» и «летописях» жизни и деятельности Шевченко, в монографиях о шевченковском Петербурге и в «Шевченковском словнике» об этом не упоминается. Остается только пожалеть, что до сих пор не подвергнуты изучению специальные занятия Шевченко в области зоологии, его внимание к университетскому курсу С. С. Куторги. Отметим, правда, что в главе «Аральская экспедиция» фундаментальной книги М. С. Шагинян, посвященной поэту, прокомментированы — с присущими исследовательнице глубиной и остроумием — многочисленные шевченковские зарисовки аральской фауны (10, рис. 43—59).[8] Но имя С. С. Куторги, университетского профессора, чьи лекции содействовали становлению пытливого отношения Шевченко к природе, отсутствует и здесь.

Факт посещения Шевченко лекций Куторги помогает, как представляется, объяснить происхождение многих университетских знакомств поэта, например, со студентами Уваровыми — Александром Ивановичем и Сергеем Ивановичем[9] (последнего Шевченко причислил в 1858 г. к числу своих «старых друзей» — 5, 119). Особое место в кругу университетских знакомых Шевченко принадлежит А. И. Фицтуму, в семейство которого поэта ввел его ближайший товарищ по Академии художеств Василий Штернберг.[10] А. И. Фицтум был инспектором университета в 1840 г. и оставался им в течение четверти века,[11] он пользовался доверием передового студенчества.[12] Примечательно, что в числе усердных посетителей музыкальных вечеров А. И. Фицтума в середине 1840-х годов оказалась группа студентов, прочно связавших впоследствии свою жизнь с революционным движением. Это С. И. Сераковский,[13] Вацлав Пшибыльский,[14] А. В. Шелгунов,[15] Ю. В. Хорошевский (последнему А. И. Фицтум дал блестящую официальную характеристику).[16]

---

[7] Тимирязев К. А. Соч. Т. 5. М., 1938, с. 107—108.

[8] Шагинян М. Тарас Шевченко. М.; Л., 1946, с. 280, 284.

[9] Жур Петр. Шевченковский Петербург, с. 166.

[10] Там же, с. 162.

[11] Лукич Василь. Звістки і замітки. До життепису Шевченка. — В кн.: Ватра. Літературний збірник. Стрий, 1887, с. 206—207. Ср.: Хинкулов Леонид. Тарас Шевченко: Биография. М., 1961, с. 385, 387.

[12] Шелгунов Н. В. Воспоминания. М.; Л., 1923, с. 10; Устрялов Ф. Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете в 1852—1856 годах. — Исторический вестник, 1884, № 6, с. 602.

[13] Хинкулов Леонид. Т. Г. Шевченко и его современники. — Советская Украина, 1955, № 8, с. 76.

[14] Гогель Н. В. Иосафат Огрызко и петербургский революционный ржонд в деле последнего мятежа. Изд. 2-е, доп. Вильна, 1867, с. 39.

[15] Шелгунов Н. В. Воспоминания, с. 123.

[16] Шурьов С. К. Польше слово над трупом Т. Г. Шевченка. — В кн.: Наук. збірник Ленінградского товариства досліднікі в української історії. Писменства та мови. Київ, 1929, с. 31.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

В 1840 г. на музыкальных вечерах Фицтума постоянно бывал Тарас Шевченко. В автобиографической повести «Художник» он тепло вспоминает один из таких вечеров, когда с Василием Штернбергом «насладился квинтетом Бетховена и сонатою Моцарта, где солировал знаменитый Бем» (4, 152). Не только биограф Шевченко, но и историк университета не может оставить без внимания многозначительное замечание поэта о том, что посещение Фицтумов было необходимо «для его внутреннего образования» (4, 182).

Изучая состав гостей Фицтума, В. А. Дьяков отметил «связи Шевченко с участниками петербургских студенческих кружков конца 30-х—начала первой половины 40-х годов», в том числе, с В. Пшибыльским и некоторыми другими будущими друзьями Сераковского, прибывшего в Петербург вскоре после отъезда Шевченко на Украину.[17]

Студенты-поляки, с которыми Шевченко, вероятно, встречался у Фицтума, принадлежали к революционной организации «Союз литовской молодежи», и вместе со В. Спасовичем, С. Сераковским, В. Свидой и О. Вержхневским, также студентами университета, «учредили, — как гласит польский источник, введенный в оборот В. А. Дьяковым, — в Санкт-Петербурге патриотические сходбища по четвергам и были главнейшими наставниками и истолкователями свободы, патриотизма, демократии и коммунизма, дабы приготовить своих товарищей по выходе из университета быть в состоянии распространять в целой Польше демократические идеи».[18]

Небезынтересны для нас и те страницы «Художника», которые рассказывают, как по рекомендации Фицтума Шевченко пригласил жить к себе в комнату, которую снимал в доме Донерберга на 11-й линии Васильевского острова,[19] студента-историка Петербургского университета «поляка Леонарда Демского».

Одни исследователи полагают, что Демскому соответствует жизненный прототип, подлежащий раскрытию.[20] Другие считают фамилию Демский реальной.[21] Мы присоединяемся к последнему мнению.

Шевченко отвел характеристике Демского несколько ярких страниц. Первое знакомство с французским языком (4, 168), совместное изучение польских историков, в том числе творчества виднейшего представителя прогрессивного романтизма в

---

[17] Дьяков В. А. Революционные связи Т. Г. Шевченко. М., 1965, с. 6—7.

[18] Там же, с. 7.

[19] Моринец Н. И. Шевченко в Петербурге. Л., 1960, с. 126.

[20] Пріймá Ф. Я. Шевченко и русские славянофилы. — Русская литература, 1958, № 3, с. 158—159; Кирилюк Э. П. Т. Г. Шевченко: Життя і творчість. Київ, 1959, с. 35.

[21] Бельчиков Н. Ф. Тарас Шевченко. М., 1961, с. 58; Ткаченко М. М. Літопис життя і творчості Т. Г. Шевченка. Київ, 1961, с. 34; Хінкулов Леонид. Тарас Шевченко і його сучасники. Київ, 1962, с. 99. інш.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

польской историографии Иоахима Лелевеля (4, 173, 190), горячие мечты об осуществлении «пламенных желаний» (4, 173), — вот чем ознаменовалась дружба молодого поэта с революционно настроенным студентом Петербургского университета Леонардом Демским. Добрую память об этой дружбе Шевченко хранил всю жизнь.[22]

Прослеживая связи Шевченко с польскими студентами университета на рубеже 1839—1840-х годов, нельзя пройти мимо указания Ф. Я. Приймы на мемуарные свидетельства о том, что 5 выпусков альманаха «Незабудка», приобретшего в 1839—1844 гг. известность в среде демократической общественности Петербурга, издавались «польской молодежью, обучавшейся в университете».[23] Возглавлял альманах белорус польского происхождения Ян Барщевский. Как явствует из основанной на утраченных рукописных материалах статьи Ромуальда Зенкевича «Тарас Шевченко и белорусы», поэт, познакомившись в 1839 г. с Яном Барщевским, «... подбадривал белорусов, чтоб они не оставляли трудов своих для народа, ибо это их обязанность, а труды их, несмотря на тяжелые условия, не пропадут даром...»[24]

Мы почти ничего не знаем о связях Шевченко с передовым студенчеством и профессурой Петербургского университета в середине 1840-х годов, — в период ссылки поэта. Но с уверенностью можно сказать, что и это время не было «мертвым» для нашей темы. Достаточно назвать одного из новых друзей, обретенных Шевченко «в неволі лютій», — А. В. Ханыкова, чтобы показать это. Из воспоминаний Никиты Савичева известно, что когда мемуарист весной 1852 г. должен был ехать из Уральска в Днепропетровск, где находился в то время «нижний чин» Тарас Шевченко, Ханыков был в числе тех друзей поэта, которые «надавали» Савичеву «писем и разных поручений к Т. Г.»[25]

«Человек самого живого характера, которого любимым делом было поддерживать связь между всеми нами», по характеристике Д. Д. Ахшарумова, «дельный человек, ужасный пропагандист», по словам Н. Г. Чернышевского, А. В. Ханыков девятнадцати лет, в 1844 г. поступил на восточный факультет Петербургского университета, но три года спустя был оттуда уволен «за неблагонадежное поведение». Однако он продолжал посещать университет вольнослушателем вплоть до свое-

---

[22] Марголис Ю. Д. Исторические взгляды Т. Г. Шевченка. Л., 1964, с. 81—84.

[23] Приймa Ф. Я. Шевченко и русские славянофилы, с. 18. Ср.: Чайковский Б. Незабутня сторінка дружби. Київ, 1977.

[24] Наша ніва. Перша беларуска газета, 1911, № 8, 24 лютого, с. 118.

[25] Савичев Никита. Кратковременное знакомство с Тарасом Григорьевичем Шевченко. — Казачий вестник, 1884, № 53; ср.: Айзеншток И. Я. Т. Г. Шевченко и петрашевец А. В. Ханыков. — Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. 67. Л., 1948, с. 109.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

то ареста.[26] Идейный облик студента Ханыкова раскрывает дневниковая запись Н. Г. Чернышевского от 11 декабря 1848 г. В этот день Чернышевский написал о своем посещении Ханыкова, «с которым более всего говорили о возможности и близости у нас революции, и он здесь показался мне умнее меня, показавшим мне множество элементов возмущения, например, раскольники, общинное устройство удельных крестьян, недовольство большой части служащих его класса и пр., так что в самом деле многого я не замечал или не хотел заметить, потому что смотрел с другой точки...»[27] Именно Ханыкову Чернышевский обязан своим первым знакомством с Фейербахом.[28] Поэтому вполне оправдано предположение, что «и Шевченко Ханыков пытался обратить в свою веру, познакомить его с основными чертами учения Фурье и философии Фейербаха».[29]

Вернувшись из ссылки в Петербург 27 марта 1858 г., Шевченко через день, 29 марта, снова сидел за студенческой скамьей в университете на лекции по геологии гостя университета, немецкого профессора Г. Роде. Трудно сказать, кому обязан был поэт информацией об этой лекции, очень возможно, что С. Сераковскому.

Сразу же по возвращении из ссылки Шевченко оказался в кругу прогрессивной университетской профессуры. Он встречался с историком литературы академиком Н. Сухомлиновым (5, 154), часто беседовал на вечерах у Толстых[30] с антиковедом Н. М. Благовещенским. Памятью об этих беседах остались в библиотеке поэта поднесенные ему профессором лекции о Ювенале. Возобновляет Шевченко знакомство и с А. В. Никитенко. Записки Владислава Коссовского содержат сведения о том, что в кружке «штатских» в д. № 17 по Миллионной улице Шевченко встречался с В. Д. Спасовичем.[31] Об этом же свидетельствует Н. И. Костомаров. В своих мемуарах он пишет о связях Шевченко с редакцией революционного «Слова», в состав которой входил и «Спасович, тогда только что поступивший в адъюнкты Петербургского университета...»[32]

Каждое из этих знакомств с университетскими профессорами представляет немалый интерес. Однако совершенно особенное значение имеют отношения Шевченко с Н. И. Костомаро-

---

[26] Айзеншток И. Я. Т. Г. Шевченко и петрашевец А. В. Ханыков, с. 104.

[27] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 16-ти томах. М., 1939—1953. Т. 1, с. 196.

[28] Там же, с. 246.

[29] Айзеншток И. Я. Т. Г. Шевченко и петрашевец А. В. Ханыков, с. 106.

[30] Герцен А. И. Собр. соч. В 30-ти томах. М., 1956—1966. Т. 13, с. 290.

[31] Жур Петр. Петербургское подполье. — Огонек, 1964, № 11, с. 12.

[32] Костомаров Н. Петербургский университет начала 1860-х годов. — В кн.: Юбилейный сборник Литературного фонда. СПб., 1909, с. 125—126.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

вым, ибо поэт прямо причастен к тому прогрессивному, что было в профессорской деятельности этого видного историка на рубеже 1850—1860 гг.

Не часто, к сожалению, вспоминают, что курс лекций Костомарова в этот период был не только самым содержательным, но и подлинно новаторским университетским курсом отечественной истории, встретившим сочувствие Н. Г. Чернышевского.[33] К чтению этого курса Костомаров был подготовлен всем своим предшествующим становлением, куда крупнейшими вехами вошли еще с середины 1840-х годов искренняя дружба с Шевченко и участие в Кирилло-Мефодиевском обществе.

Встреча с революционным поэтом содействовала подлинному перевороту в миросозерцании Н. И. Костомарова. Мы уже писали о том, что легенда об изначально присущем Костомарову «украинолюбии» несостоятельна. «Горькая, ничтожная судьба Украины происходит от ничтожества души народа», — писал, например, Костомаров Кулишу в ноябре 1846 г.[34]

И вот человек подобных убеждений становится одним из основных авторов программного документа кирилло-мефодиевцев — «Закона божия», возвеличивающего демократизм и свободолюбие как национальные черты украинцев. Какие же факторы содействовали столь глубокой перемене костомаровских воззрений? К сожалению, в монографическом исследовании о формировании исторических взглядов Костомарова шевченковская поэзия даже не упомянута.[35] Между тем сам Костомаров говорил о ней не раз, и всегда его высказывания носили категорический характер. В «Автобиографии» он писал: «Узнавши о нем, я познакомился с ним и с первого же раза сблизился... Я с ним видался часто, восхищался его произведениями, из которых многие, еще не изданные, он дал в рукописях. Нередко мы просиживали с ним длинные вечера до глубокой ночи».[36]

Заметим, что собеседник Н. И. Костомарова в летние ночи 1846 г. был сложившимся революционным демократом, отстаивавшим свою революционно-крестьянскую концепцию украинской истории в открытой схватке с такими идеологами самодержавия, как Карамзин и Скальковский.[37] Вот впечатления Костомарова от бесед с Шевченко, от первого его знакомства с такими шедеврами поэта, как «Сон», «Кавказ» и «Завещание»: «Меня обдало страхом... Я увидел, что муза Шевченко

---

[33] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 10, с. 928—929.

[34] Марголис Ю. Д. Проблема славянского единства в политической программе Шевченко Т. Г. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1959, № 14.

[35] Полухін Л. К. Формування історичних поглядів М. І. Костомарова. Київ, 1959.

[36] Костомаров Н. И. Литературное наследие. СПб., 1890, с. 63.

[37] Марголис Ю. Д. Исторические взгляды Т. Г. Шевченко, с. 184—186.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве

http://history.museums.spbu.ru/

раздирала завесу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и упоительно было заглянуть туда!!! Сильное зрение, крепкие нервы нужно иметь, чтобы не ослепнуть или не упасть без чувств от внезапного света истины...»[38] Конструируя свою историческую концепцию, Костомаров, безусловно, испытал определенное воздействие антимонархической устремленности поэтического творчества Шевченко.[39]

В 1858—1861-х годах антицентрализаторские идеи Н. И. Костомарова шли в разрез с реакционной историографией, вызывали горячее сочувствие передовой студенческой молодежи. Весьма знаменательно, что такой видный шестидесятник, как Н. М. Ядринцев, в своих воспоминаниях ставил имена Костомарова и Шевченко рядом: «Я припомнил лекции Костомарова, кружок Шевченко, его поэзию, лекции об областности Щапова».[40] Ядринцев, разумеется, ошибался, представляя шевченковскую поэзию и костомаровскую историографию как явления равнозначные: смелость иных лекций Костомарова была лишь слабым отблеском богатырского подвига служения крестьянской революции, который Шевченко продолжал каждым своим стихом в период революционной ситуации.

Несходство и даже несовместимость ряда важнейших, коренных идей политического и исторического мировоззрения народного поэта и университетского профессора очевидны. Не требуется специально доказывать, например, что Шевченко, в десятках произведений прокламировавший свой вывод об Украине: «гірше ляха свої діти її розпинають» (1, 395), противостоял всем своим творчеством костомаровской «идее», будто русский народ воплощает начало централизации, а украинский — вечевое начало. Так же точно очевидно, что пропасть разделяет Костомарова и Шевченко в их отношении к реформе и революции.

В кругу университетских профессоров, с которыми в 1859—1860-х годах встречался Шевченко, был и К. Д. Кавелин. «У меня, — писал в „Автобиографии" Н. И. Костомаров, — были назначены вторники, на которых непременными посетителями были в то время: Чернышевский, Кавелин, Желиговский, Сераковский, Белозерский, Шевченко и другие. Вечера эти были очень оживленные... Каких только вопросов не касались, спорили,

---

[38] Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников. М., 1962, с. 151.

[39] Как известно, среди наиболее существенных положений доклада М. П. Драгоманова «Украинская литература, изгоняемая русским правительством», К. Маркс отметил те абзацы, в которых говорилось о том, что Шевченко оказал влияние на Костомарова. — Сарбей В. Г., Шаблиовский Е. С. Н. И. Костомаров в историографическом наследии Карла Маркса. — Вопросы истории, 1967, № 8, с. 53.

[40] Цит. по: Лемке М. К. Н. М. Ядринцев. СПб., 1904, с. 42. Ср.: Марголис Ю. Д. Т. Г. Шевченко и А. П. Щапов. — Исторические науки. 1959, № 3, с. 78 и след.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

горячились...»[41] О встречах с Кавелиным свидетельствуют шевченковские дневниковые записи 1858 г. (5, 172, 173, 183).

В своей оценке Кавелина поэт на первый взгляд неожиданен: «привлекательно симпатическая натура» (5, 172). В литературе высказывалось предположение, что шевченковская расположенность к Кавелину объясняется его запиской об отмене крепостного права, широко распространенной в рукописях и опубликованной, как известно, Н. Г. Чернышевским в статье второй «О новых условиях сельского быта», выразившей сочувствие основным убеждениям автора записки.[42] Но, как представляется, более всего объясняют шевченковские оценки Кавелина письма последнего к Т. Н. Грановскому.

Процитируем третье письмо Кавелина Грановскому от 4 марта 1855 г. — о смерти Николая I. В этом письме, по словам Ш. М. Левина, «с особой яркостью отразилась ненависть... широкого общественного круга к личности и режиму Николая I».[43]

Потрясенный неожиданной смертью царя, Кавелин писал Грановскому, вкладывая в каждое свое слово «желчную, ядовитую радость»: «Калмыцкий полубог, прошедший ураганом, и бичем, и катком, и терпугом по русскому государству в течение 30 лет, вырезавший лица у мысли, погубивший тысячи характеров и умов... истративший беспутно на побрякушки самовластия и тщеславия больше денег, чем все предыдущие царствования, начиная с Петра I, — это исчадие мундирного просвещения и гнуснейшей стороны русской натуры — околел, наконец, и это сущая Правда!..».[44]

Вот мысли, которые, став известными Шевченко, не могли бы не показаться ему «привлекательно симпатическими» — поэт ненавидел Николая не только как личного врага, сломавшего его жизнь, но и тяжелой тысячелетней ненавистью крестьянина к «феодалу-собачнику» (4, 151). В Николае I Шевченко видел «ката» крестьянских масс и «Украйны» (1, 329).

Излишне, разумеется, предостерегать против отождествления политических взглядов Кавелина и Шевченко в конце 1850-х годов.

В цитированном письме Кавелин писал: «Если новый царь не станет биться в своей клетке как яростный тигр, ища жертв и казней подобно отцу; если он только даст подлечить раны, нанесенные этим бессмысленным татарином и злодеем; если мнение, жалоба, высказанные между четырьмя глазами, не будут считаться справедливым основанием к жестоким казням; если хоть мало-мальский общественный голос будет до него доходить, на 10, на 15 лет этого очень, очень довольно без ре-

[41] Русская мысль, 1885, № 8, с. 33.
[42] См., напр.: Ткаченко М. М. Літопис життя..., с. 224.
[43] Литературное наследство. Т. 67. М., 1959, с. 591.
[44] Там же, с. 593.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

форм и преобразований... Лет 10, 15 немного — чтоб вздохнуть, выспаться нравственно и приготовиться к новой деятельности».[45]

Сравним только эту оскопленную программу с бессмертными шевченковскими стихами:

...Горе з вами!
Кого благати вы прийшли?
Кому ви сльози принесли?
Кому ви принесли з сльозами
Свою надію? Горе з вами,
Раби незрячії! Кого?
Кого благаєте, благії.
Раби незрячії, сліпії!
Чи ж кат помилує кого? (2, 272)

и станет ясно, что и до 1862 г. Шевченко с Кавелиным разделяла пропасть, равная величине превосходства революционного крестьянского демократизма над беспомощностью политических построений одного из родоначальников российского либерализма.

К великой чести петербургской университетской молодежи она отдала на рубеже 1850—1860-х годов весь пыл своего сердца, всю силу молодости и разума не либеральным профессорам, а вождям российской революционной демократии и среди них—Шевченко, воплощавшему живое, непосредственное представительство от многомиллионной крепостной крестьянской массы.

Демократическое студенчество Петербургского университета с нетерпением ожидало возвращения ссыльного поэта.

На пути из ссылки на несколько месяцев задержали Шевченко в Нижнем Новгороде, не допуская в столицу. Зимой 1857 г. нижегородский знакомый поэта К. А. Шрейдерс, приехав в Петербург, по просьбе Шевченко побывал у М. М. Лазаревского. Современник рассказывает: «К. А. (Шрейдерс.— *Ю. М.*) разыскал Лазаревского где-то в 7-й линии Васильевского острова на пятом этаже, квартира его была полна студентов, праздновавших какое-то торжество. Когда присутствующие узнали, что в лице К. А. явился человек, приютивший у себя в Нижнем Новгороде Тараса Шевченко, то овациям не было конца, молодежь носила К. А. на руках...»[46]

Восторженное отношение к поэту университетской молодежи чутко улавливалось прогрессивной интеллигенцией столицы. Скульптор М. И. Микешин, например, писал:« Еще до появления Тараса Григорьевича из ссылки я уже достойно чтил его по некоторым отрывкам его произведений, в списках ходивших по рукам молодежи».[47] Об этом вспоминал и Е. Г. Че-

[45] Там же.

[46] Демьянов Георгий. Т. Г. Шевченко в Нижнем Новгороде (1857—1858). — Исторический вестник, 1893, кн. 5, с. 343.

[47] Шевченко Т. «Кобзар» з додатком споминок Костомарова и Микешина. Прага, 1876, с. XIII—XIV.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

репахин,[48] и Акакий Церетели, по словам которого Шевченко в глазах студенчества представлялся «каким-то гигантом, окруженным ореолом славы».[49]

В стихотворении «Во Іудеї во дні они» (1859) поэт заклеймил правительственный поход против демократического студенчества, изобразив его «иродовым» (2, 301) деянием. Студенчество университета искало случая выразить уважение и любовь бесстрашному автору «Заповита». 11 ноября 1860 г. такой случай представился: Шевченко принял участие в литературных чтениях, организованных в Пассаже в пользу воскресных школ.

Вместе с Шевченко в этот вечер читали Бенедиктов, Достоевский, Полонский, Майков. Все это были известные писатели и — как обычно в те времена — отличные чтецы... Но Шевченко встретили такой бурной овацией, вспоминает Л. Ф. Пантелеев, что «растроганный до глубины души и чувствуя, как изменяют ему силы, он ушел с эстрады; и только когда несколько успокоился, вернулся и приступил к чтению...»[50] Такая демонстративная реакция молодежи требовала объяснений, и Е. Штакеншнейдер записала в дневник: «Я думаю, что у Шевченко была тогда своя партия в университете, с Костомаровым во главе среди студентов».[51] Комментируя приведенную запись, Ф. Я. Приймa с полным основанием отметил, что «Шевченко вовсе не нуждался в помощи Костомарова, чтобы укрепить свой авторитет в Петербургском университете».[52] Со своей стороны добавим, что авторитет Костомарова был отчасти следствием широко известных личных отношений его с Шевченко в прошлом.

Но мимо слов Е. Штакеншнейдер об университетской «партии» Шевченко, воспринимающихся как иновыражение упоминавшегося Н. М. Ядринцевым студенческого «кружка Шевченко», советское шевченковедение пройти не может. Попытаемся, опираясь на результаты, достигнутые уже Ф. Я. Приймой, Е. С. Шаблиовским, П. В. Журом и другими исследователями, раскрыть содержание наблюдения Е. Штакеншнейдер конкретным перечислением лиц, безусловно принадлежащих к шевченковской «партии» в университете.

---

[48] Цит. по: Вороний Микола. Згадка про Т. Г. Шевченка. — Зоря, 1894, № 5, с. 110.

[49] Церетели Акакий. Мои воспоминания о Шевченко. — Закавказье, 1911, № 65, 26 февраля, с. 2.

[50] Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. М.; Л., 1934, с. 152.

[51] Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854—1886). Л., 1934, с. 433.

[52] Приймa Ф. Я. Шевченко и русская литература XIX века, с. 254. Ср.: его же. Шевченко і студентський рух періоду революціоної ситуації в Россії 1859—1861 років. — В кн.: Збірник праць дев'ятої наукової шевченковскої конференції. Київ, 1961, с. 151—161.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Это А. А. Красовский, П. В. Завадский, С. С. Рымаренко, М. Д. Муравский — видные революционеры «1861 года».[53]

Это Ф. Хартахай — сотрудник «Современника», пламенный пропагандист творчества Кобзаря, впоследствии землеволец.[54]

Это К. Белозерский — защитник доброго имени Шевченко от иезуитских наскоков Кулиша в связи с организацией в университете музыкального концерта с целью приобретения денег для родственников покойного поэта.[55] В 1862 г. К. Белозерский был привлечен по делу революционера М. Д. Муравского.[56]

Это П. П. Чубинский — организатор антикрепостнических выступлений украинских крестьян в 1861 г., стойкий революционер-демократ, взявший на себя связь между революционными студенческими организациями Петербурга и киевскими «хлопоманами».[57]

Это близкие первой «Земле и воле» студенты великороссы К. А. Ген,[58] Л. И. Пальмин, С. М. Терпигорев, В. М. Острогорский, Л. Ф. Пантелеев, Е. Д. Южаков—каждый из которых, и особенно первый, много сделали для революционной демократии.[59]

Это, конечно, Н. М. Ядринцев (а с ним и еще несколько имен сибиряков, начиная с С. С. Шашкова).[60]

Это друг Шевченко студент Акакий Церетели,[61] страстный почитатель украинского поэта Нико Николадзе[62] и восхищавшийся шевченковским «Кавказом» Илья Чавчавадзе.[63]

Это большая группа польских революционеров во главе с другом Шевченко «вдохновенным Сигизмундом» Сераковским

---

[53] Шаблиовский Е. С. Шевченко и русские революционные демократы. 1858—1861. М., 1962, с. 152.

[54] Іофанов Д. І. Матеріалы про життя і творчість Т. Г. Шевченка. Київ, 1957, с. 92—94.

[55] Северная пчела, 1861, № 95. Ср.: Белозерский К. О том, как пишет г. Кулиш свои заметки о концертах. — Северная пчела, 1861, № 171, с. 696.

[56] Лемке М. Очерки освободительного движения шестидесятых годов. СПб., 1908, с. 292.

[57] Таубин Р. А. Из истории пропаганды «революционной партии» среди крестьян и солдат в годы революционной ситуации. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1960, с. 389.

[58] Прийма Ф. Тарас Шевченко и революционная молодежь. — Москва, 1964, № 3, с. 192.

[59] Об этих деятелях революционного подполья рубежа 1850—1860 гг. см.: Шевченківський словник. В 2-х томах. Київ, 1977.

[60] Шашков С. С. А. П. Щапов: Биографический очерк. — Новое время, 1876, № 212, с. 1; № 245, с. 1.

[61] В воспоминаниях А. Церетели о первой встрече с Шевченко читаем: «Признаюсь, я первый раз понял с его слов, как надо любить родину и свой народ...» (Церетели Акакий. Мои воспоминания о Шевченко. — Закавказье, 1911, № 55, 28 февраля, с. 2.)

[62] Николадзе Нико. Воспоминания о шестидесятых годах. Очерк первый. — Каторга и ссылка, 1927, № 4, с. 32.

[63] Імедадзе. В. І. Тарас Шевченко. Акакий Церетели. — Вітчізна, 1962, № 3, с. 183.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

(4, 104). В их числе П. Крупневич (5, 167, 169), Б. Ю. Хорошевский,[64] товарищи будущего участника восстания 1863 г. офицера Гаспара Малецкого, проникнутые идеями «федерализма украинцев, поляков и русских».[65] Среди последних и студент Э. Подосский, участник студенческих волнений в Петербурге 1861 г., будущий землеволец. «Через Подосского, который вместе с М. Вейде, Д. Степановым и И. Жуковым работал в подпольной типографии „Земли и воли," нить ведет от Шевченко к Н. И. Утину и к другим руководящим землевольческим деятелям».[66]

И, наконец, это универсанты «штатского» кружка З. Падолевского, связанного, в частности, с будущими землевольцами Н. И. Утиным, Л. Ф. Пантелеевым, А. А. Слепцовым.[67]

Значение поэта как одного из лидеров революционных настроений университетской молодежи осознавалось властями. Не случайно имя Шевченко пестрит на страницах сочинения члена особой следственной комиссии по политическим делам Н. В. Гогеля, в котором специальное внимание уделено «сети заговора», сосредоточившегося «преимущественно в университетах».[68]

Смерть Шевченко показала всем, кем был народный поэт для революционной университетской молодежи,[69] и навечно соединила имя его с историей Петербургского университета.

28 февраля 1861 г. в день, когда Петербург хоронил Шевченко, студенты заполнили его мастерскую и церковь Академии художеств. Отдать последний долг народному поэту пришли многие профессора университета. В церкви две из четырех надгробных речей были сказаны универсантами — профессором Н. И. Костомаровым и студентом В. Ю. Хорошевским.[70] Студенты университета и Академии на руках вынесли непокрытый гроб с прахом поэта на Университетскую набережную.[71] С. Н. Терпигорев вспоминал «За гробом шло много студентов, почти весь университет, вся Академия, все профессоры и масса публики».[72] «Похороны Шевченко, — подтверждает Л. Пантелеев, — вышли грандиозные и даже превратились в манифе-

---

[64] Шкрьоб С. І. Польске слово над трупою Т. Г. Шевченка, с. 31.

[65] Шаблиовский Е. С. Шевченко и русские революционные демократы, с. 61.

[66] ГПБ, ф. 629, оп. 1, д. 358, л. 1—29.

[67] Дьяков В. А. Революционные связи Т. Г. Шевченко, с. 23—24.

[68] Гогель Н. В. Иосафат Огрызко, с. 66—67.

[69] Хвороба и смерть і похорони Т. Г. Шевченка. — В кн.: Шевченківський словник. Київ, 1977. Т. 2, с. 319—320.

[70] Смерть и похороны Т. Г. Шевченко. Киев, 1961, с. 40—41.

[71] Іофанов І. Д. Матріали про життя... Київ, 1957, с. 92. Ср.: Лазаревский А. М. Последний день жизни Т. Г. Шевченко. — В кн.: Тарас Шевченко: Док. і матер. Київ, 1963.

[72] Терпигорев С. Н. (Атава). Воспоминания. — Исторический вестник, 1896, № 4, с. 57—68.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

стацию...»[73] Запряженные четырьмя лошадьми дроги, нанятые В. Белозерским, были отпущены. Весь семиверстный путь от Академии художеств до Смоленского кладбища студенты университета и академии пронесли гроб на плечах, взявшись за руки ,они ограждали похоронную процессию.[74]

Демократические студенты — эти гвардейцы российской революционной демократии — прощались 28 февраля 1861 г. не только с великим поэтом. Они отдавали последнюю дань одному из самых великих борцов с самодержавием и крепостничеством в истории всероссийской освободительной борьбы. Похороны Шевченко превратились в первую в России массовую политическую противоправительственную демонстрацию[75] и положили начало тем студенческим волнениям в Петербургском университете 1861 г., которым столь большое значение придавали и К. Маркс, и Ф. Энгельс,[76] и В. И. Ленин.[77]

О кончине Шевченко в 1861 г. писали все, но, конечно, поразному. Для «Русской речи», например, смерть поэта была поводом сказать, что «и из хохлов бывают умные люди»,[78] а монархист и крепостник, издатель реакционной «Домашней беседы» Аскоченский просто не скрывал своей радости[79] в связи со смертью Кобзаря. Вот почему то, что было сказано над могилой поэта 28 февраля студентами университета и его профессором Н. И. Костомаровым, имело принципиальное значение. Костомаров сказал: «Шевченко не был только поэтом для Украины: он — поэт сельского народа, воспитавший в себе поэтическое вдохновение его существом...»[80]

Один из крупнейших организаторов университетского революционного подполья студент В. Ю. Хорошевский, выразив страстную надежду на укрепление польско-русско-украинской дружбы, воскликнул: «Честь тебе, достойный Тарас, честь тебе!... Это был бы твой прекрасный венец и достойный памятник!»[81] С. И. Шкроб, несомненно, прав, полагая, что слово В. Ю. Хорошевского над гробом Шевченко было сознательно подготовленным выступлением польских революционных кружков.[82]

Взволнованную речь произнес украинец Ф. А. Хартахай,[83] и еще должны были прозвучать речи вольнослушателя университета русского Е. Д. Южакова и студента университета украинца П. П. Чубинского. Но, вспоминал Л. Пантелеев, «тут произошло какое-то столкновение с полицией, которая не допустила дальнейших речей и энергически принялась очищать кладбище».[84]

[73] Пантелеев Л. Смерть и похороны Шевченко. — Речь, 1911, № 55, с. 11.
[74] Русская старина, 1885, кн. 4, с. 627.
[75] Недзвідський А. Шевченко і революційно-демократична молодь 60-х років XIX століття. — Дніпро, 1948, № 8, с. 117.
[76] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 18, с. 389.
[77] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 29.
[78] Русская речь, 1861, 8 марта, № 19—20, с. 315.
[79] Запрос землякам Т. Шевченко. — Домашняя беседа, 1861, № 6.
[80] Цит. по: Смерть и похороны Т. Г. Шевченко, с. 40.
[81] Там же, с. 41.
[82] Шкрьоб С. І. Польське слово над трупою Т. Г. Шевченка, с. 110.
[83] Смерть и похороны Т. Г. Шевченко, с. 41.

Вот фрагмент из непроизнесенной речи Е. Д. Южакова, уроженца Пермской губернии, вольнослушателя юридического факультета: «Сын страдалец, несчастный друг бедного народа. Не видал ты ясных дней в своей жизни, потому что туманом подвита была Украина! Но ты уснул на заре светлого ясного дня, в виду земли обетованной. Песня старой твоей родины воскресла в тебе и не умрет! Твой „Кобзарь" будет гулять по ней за тебя и как правнук твоего деда расскажет про давню долю Украины!»[85]

Отмечая активность в день похорон Шевченко «пермитянина Южакова», который был тесно связан с Н. Г. Чернышевским, Ф. Я. Прийма задается вопросом: «Был ли причастен к этой манифестации (в связи с похоронами Т. Г. Шевченко.— *Ю. М.*) Н. Г. Чернышевский, мнением которого прогрессивное студенчество особенно дорожило? Полагаем, что ответ на поставленный вопрос должен последовать утвердительный. Активное участие в этой манифестации Южакова, видного сторонника „партии" Чернышевского в студенческой среде,—новый веский аргумент в пользу нашего предположения».[86]

В марте 1861 г. редакторам «Основы» удалось провести через цензуру тексты непроизнесенных речей Южакова и Чубинского и представить общественности новые доказательства того, в какую демонстрацию братства народов вылились похороны Кобзаря и какое большое участие приняли в ней университеты.

На следующий день после похорон Шевченко, 1 марта 1861 г. в католическом костеле св. Екатерины на Невском проспекте состоялась грандиозная панихида по жертвам варшавского расстрела, в которой приняли участие, по официальным данным, «все студенты... университета из уроженцев Царства Польского и западных губерний, а также некоторые из русских...»[87] Плодотворна мысль о сознательной подготовленности и взаимосвязанности политических демонстраций — на Смоленском кладбище и в костеле св. Екатерины, стоящих в ряду ярких акций революционного подполья времен первой всероссийской революционной ситуации.[88]

Несколько дней спустя в актовом зале Петербургского уни-

[84] Пантелеев Л. Смерть и похороны Шевченко, с. 3.
[85] Цит. по: Прийма Ф. Я. Песня твоей родины не умрет! — Смена, 1961, 10 марта, с. 3.
[86] Там же.
[87] ЦГАОР СССР, ф. 109, 1-я эксп., 1861, д. 57, л. 28.
[88] Дьяков В. А. Революционная ситуация [illegible] с. 20.

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

верситета на вечере в память великого народного поэта Украины звучали прекрасные слова Н. И. Костомарова: «Шевченко как поэт — это был сам народ, продолживший свое поэтическое творчество. Песня Шевченко была сама по себе народная песня, только новая — такая песня, какая должна была вылиться из народной души в продолжении народной современной истории. С этой стороны Шевченко был избранником народа в прямом значении этого слова...»[89]

Заключенные осенью 1861 г. в Петропавловскую крепость студенты университета сочинили музыку на слова шевченковского «Еретика»:

Кругом неправда і неволя,
Народ замучений мовчить (1,265)

и из петропавловских и кронштадтских казематов песня эта начала свою замечательную жизнь в революционном подполье России.[90]

Пламенный сторонник крестьянской революции, студент Петербургского университета П. П. Чубинский, ведший в 1861 г. революционную агитацию на Украине, в качестве важнейшего средства использовал поэзию Шевченко.[91] Питомец университета Кастусь Калиновский, организуя в 1863 г. виленские нелегальные кружки, горячо рекомендовал изучать Шевченко.[92] Своею считали поэзию Шевченко и деятели народничества 70-х годов.[93] Ежегодно в шевченковские дни студенты Петербургского университета—непременные и активные участники панихид, митингов, собраний, демонстраций в честь поэта.

В 1911 г. в ответ на циркулярный запрет министра просвещения отмечать каким-либо образом пятидесятилетие со дня смерти Шевченко в Петербургском университете, Женском медицинском и Технологическом институтах появились антиправительственные прокламации. На стенах знаменитого университетского коридора углем были выписаны строки бессмертного «Заповіта».[94]

В 1914 г. правительство Горемыкина запретило празднование столетия со дня рождения Шевченко. Об этом чудовищном распоряжении В. И. Ленин писал: «Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной, великолепной, на редкость

[89] Смерть и похороны Т. Г. Шевченко, с. 43.
[90] Недзвідський А. Шевченко і революційно-демократична молодь... с. 117.
[91] Ястребов Ф. Я. Т. Г. Шевченко — революционер-демократ. Киев, 1939, с. 122.
[92] Смирнов А. Кастусь Калиновский. М., 1955, с. 34—35.
[93] Шаблиовский Е. Традиции Шевченко и революционная демократия 60—80-х годов. — Наш современник, 1961, № 3, с. 178 и след.: Прийма Ф. Я. Шевченко и русская литература, с. 262—327.
[94] Фесенко В. А. Великий Кобзарь. — Ленинградский университет, 1964, 10 марта, № 16 (1399), с. 3.

счастливой и удачной мерой ... против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя. Я думаю, все наши лучшие социал-демократические агитаторы против правительства никогда не достигли бы в такое короткое время таких головокружительных успехов, каких достигла в противоправительственном смысле эта мера. После этой меры миллионы и миллионы „обывателей" стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть „тюрьма народов"».[95]

В день юбилея во многих аудиториях университета были разбросаны прокламации, призывавшие к протесту против запрещения чествования памяти Шевченко. Прокламации выражали братскую солидарность с харьковскими универсантами, бастовавшими в эти дни. Для разгона студенческих собраний в прилегающие к университету здания (в частности, во двор Академии наук) были направлены усиленные наряды полиции. Усиленный наряд полиции находился и в главном здании университета. Тем не менее, в 2 часа дня студенты прошли по коридору главного здания с пением «Вечной памяти». Несмотря на противодействие полиции, состоялась гражданская панихида по Шевченко. Когда стало известно, что панихида будет отслужена и в Казанском соборе, универсанты устремились туда. К четырем часам дня масса студентов сосредоточилась на Невском проспекте, у Николаевской и Пушкинской улиц. Произошло столкновение студентов с полицией, и под угрозой применения оружия студентов рассеяли.[96]

Перед смертью поэт написал: «История моей жизни составляет часть истории моей родины» (5, 224).

Имя Шевченко неразрывно связано с историей Петербургского университета.

[95] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 66.
[96] ЛГИА. ф. 13, оп. 1, 1914, д. 10 873, л. 1—9; см. также: Шевченковский юбилей. — Русские ведомости, 1914, 27 февраля, № 48; В дни юбилея Шевченко. — Петербургская газета, 1914, 27 февраля, № 56.

В. СЛОТВИНЬСКИЙ

ПОЛЬСКИЕ СТУДЕНТЫ В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ в 30—40-х ГОДАХ XIX в.

Изучение истории Петербургского университета, из стен которого вышло не одно поколение революционеров, дает возможность воссоздать полнее историю освободительного движения. Однако до сих пор в научной литературе существует

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

мнение об отсутствии студенческого движения в Петербургском университете в 30—40-е годы XIX в.[1] Необходимо отметить, что роль Петербургского университета в подготовке в первой половине XIX в. участников освободительного движения в России исследована недостаточно потому, что источники по истории университета за 30—40-е годы XIX в., как справедливо отметил П. Н. Берков, мы знаем отрывочно.[2] Между тем в стенах университета выросли кадры революционеров ряда национальностей — поляки, болгары, сербы и др.

После разгрома восстания 1830 г. восстановление системы образования в Польше встретилось с серьезными препятствиями в связи с недостатком учителей, владеющих русским языком. Предложение И. Ф. Паскевича прислать учителей из центра империи не одобрило Министерство народного просвещения.[3] Идея же посылать стипендиатов Царства Польского в Петербургский и Московский университеты была принята положительно. Первые польские казеннокоштные студенты прибыли в Петербург в 1836 г. и вместе с уроженцами из западных районов Российской империи составили землячество, которое насчитывало в 1838—1839 гг. 90—100 человек.[4]

В 1836—1845 гг. Петербургский университет окончили многие представители польской передовой интеллигенции: Е. Александрович, Л. Ценковский, М. Ковальский, К. Малиновский и др. Некоторые из них, например, Викентий Давид, сразу же по выходе из университета стали членами организаций польского патриотического движения, другие позже приняли участие в январском восстании 1863 г. (И. Цверцакевич, П. Кобылянский и др.).

Следует заметить, что И. Цверцакевич и его товарищи Суржицкий и Тщещевицкий еще во время переезда из Варшавы в Петербург для поступления в учебные заведения обратили на себя внимание III отделения неуважительными отзывами об императоре и наследнике: «обнаруживали богохульство, между прочим следующими выражениями: богородица была женщина распутная и, если б не она, то не было бы распутных женщин». На сообщении Бенкендорфа царю в сентябре 1839 г. об их поведении последовала личная резолюция Николая I: «Выслать всех троих к князю Варшавскому под строгий надзор, а князя предварил я о том лично».[5]

---

[1] История Ленинградского университета. Л., 1969, с. 61.

[2] Берков П. Н. Из ранней истории научных и литературных сборников студентов Петербургского университета. — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 1. Л., 1962, с. 88.

[3] Kucharzewski J. Epoka Paskiewiczowska. Lozy oświaty. Warszawa; Kraków, 1914, s. 16—17, 405—406.

[4] Государственный исторический архив Лодзи, Архив Ю. и К. Бартошевичей, д. 912, л. 24. — В дальнейшем: Архив Бартошевичей.

[5] ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1839, т. 3, оп. 221/86, д. 72, л. 9.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Во время подготовки материалов для монографии, посвященной одному из крупнейших польских историков XIX в., питомцу историко-филологического факультета Петербургского университета Юлиану Бартошевичу (1821—1870), автор настоящей статьи обнаружил архивные источники, имеющие существенное значение для истории Ленинградского университета. Это конспекты лекций Бартошевича, его сочинения по истории, переводы с русского, итальянского, греческого, латинского и немецкого языков, дневник за 1838—1842 гг., рукопись перевода на польский язык «Бориса Годунова» А. С. Пушкина, переписка с родителями и знакомыми.[6]

Особую ценность для изучения истории Петербургского университета представляют дневник Ю. Бартошевича и его письма к родителям, которым он каждые две недели писал из Петербурга исключительно подробные письма — отчеты о жизни польского и русского студенчества, о знакомых петербуржцах (избегая цензурного контроля, он передавал их через знакомых).[7] Некоторые письма, особенно посвященные описанию Петербурга и университета, более похожи на репортажи и насчитывают иногда до 20 страниц, а всего его переписка с родителями составляет 560 страниц. Этот с научной точки зрения весьма ценный материал позволяет осветить изнутри общественную деятельность польских студентов в Петербургском университете.

Как свидетельствуют источники, в 30—40-е годы XIX в. в университете существовала оппозиционная группа студентов. Польские студенты приобретали в виленских и лейпцигских издательствах и магазинах запрещенные цензурой книги и брошюры. Неофициальными путями полученную литературу они передавали из рук в руки, так что ее нелегко было обнаружить во время многочисленных обысков. Так, не безынтересен случай с кандидатами в студенты Петербургского университета. По пути в Петербург на одной из почтовых станций провожавший их чиновник Серно-Соловьевич «проверил» багаж путников и оказалось, что там были бумаги, рисунки и книги, содержавшие освободительные идеи. Сразу же по прибытии в Петербург он подробно доложил об этом университетской полиции. В докладе III отделения от 16 февраля 1840 г. «О воспитанниках, польских уроженцах: Суржицком, Цверцакевиче, Тищевинском, Павловском и Циммермане», подготовленном на основании объяснений коллежского ассесора Серно-Соловьевича, говорилось о том, что в багаже были обнаружены: «выписки об участии поляков в русских мятежах в царствование великих князей, царей и императоров; рисунки, изображавшие попрание царских корон и храмовых крестов с девизом: „приближается

---

[6] Архив Бартошевичей, д. 912, 822, 1771.
[7] Там же, д. 912.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

время просвещения"; 4-й том сочинений Мицкевича и письмо, заключавшее надежды поляков на своих детей, без подписи и без конверта, и несколько других подобных бумаг».[8]

Следствие не принесло никаких результатов, студенты успели спрятать запрещенные книги, но все же двух из них вернули в распоряжение Паскевича. Остальные благополучно окончили Петербургский университет, причем один из них, А. Циммерман, во время учебы на историко-филологическом факультете (1839—1843) активно включился в общественную деятельность студентов университета. В 1840 г. по его инициативе была направлена делегация русских и польских студентов к инспектору Дондукову-Корсакову с протестом против плохих бытовых условий и произвола в надзоре за ними.[9]

В декабре 1838 г. студенты Ю. Бартошевич, И. Шлезыгер, В. Давид, В. Роман, С. Ляхович, Л. Ценковский решили организовать библиотеку. В октябре 1841 г. заведующим библиотекой был избран Ю. Бартошевич. Он писал тогда родителям не без гордости: «Управление нашей, устроенной в складчину библиотеки, избрало меня заведующим. Это знак их доверия ко мне. Библиотека у нас порядочная... В настоящее время насчитывает 54 тома. Есть что читать. Но больше половины книг курсирует, ибо много есть читателей и их количество все увеличивается».[10] Библиотека просуществовала нераскрытой до 1843 г. Судя по частичному списку книг студенческой библиотеки, подавляющее большинство из них значилось в списках строго запрещенной литературы. Кроме произведений А. Мицкевича в библиотеке имелись сочинения С. Пеллико, Ю. Словацкого, Л. А. Дмушевского, Ф. И. Екеля, Я. Снядецкого, Т. Чацкого, И. Лелевеля, Ю. У. Немцевича и др.

Около 1837 г. польские студенты университета начали издавать рукописный журнал под названием «Паментник» («Дневник»). Просуществовал он около года, так как его издатели «по разным причинам», как сообщает в одном из писем Ю. Бартошевич, были вынуждены прекратить его деятельность.

Но в ноябре 1838 г. журнал вновь появился. В нем студенты помещали свои стихи, статьи, переводы, давали отзывы о культурных событиях в Петербурге и студенческой среде, рецензировали прочитанные книги. К 1839 г. у издателей и организаторов «Паментника» накопилось столько материала, что они обратились к цензурным властям с просьбой разрешить выпуск ежегодника, составленного из сочинений студентов Петербургского и Московского университетов, выпускников Петербургского университета, а также их знакомых из Литвы, Польши и Белоруссии. И ежегодник был разрешен. В начале 1840 г. по-

[8] ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1840, т. 1, оп. 221/86, д. 74, л. 113—123.
[9] Архив Бартошевичей, д. 912, л. 60.
[10] Там же, л. 31.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

явился первый номер альманаха под заглавием «Незабудка».[11] В номер частично вошли труды его предшественника — рукописного журнала студентов университета «Паментник». Значительную часть материала цензура изъяла, а редакторам сделала серьезный выговор за помещение исторических работ Ю. Бартошевича, вольнолюбивого стихотворения Б. Кицинского из Варшавы (стихотворение это издатели задумали печатать в каждом номере ежегодника в виде эпиграфа).

Главным редактором альманаха был Ян Барщевский, постоянный житель Петербурга, известный польско-белорусский литератор. Экземпляр первого номера альманаха студенты подарили ректору П. А. Плетневу и профессору А. В. Никитенко. Последний, по словам одного из членов редколлегии В. Давида, «как только взошел на кафедру читать лекцию, взял в руку еще тепленький, только что появившийся том студенческих трудов и, показывая всей аудитории, сказал, что поляки должны служить примером в этой области. Ибо хотя они далеко от своей страны — все же поддерживают свою речь. Предложил он русским изготовить соответствующие материалы для публикации на таких же условиях. В числе студентов III курса был тогда молодой Майков, проявлявший способности в области поэзии. Нашлось несколько русских товарищей, интересующихся историей, но издать сборник так и не удалось».[12]

Ежегодник «Незабудка» получил широкую известность не только в Петербурге, но и в Польше, Белоруссии, Литве. Он имел свыше 300 постоянных подписчиков. Сборник получил одобрительные рецензии в Петербурге и Варшаве; высказывались о нем положительно известные польские писатели и журналисты (М. Гробовский, И. И. Крашевский и др.).[13] С 1840 по 1844 г. вышло пять номеров сборника, объемом в 300 страниц каждый.

Однако цензурные ограничения не позволяли публиковать то, что по-настоящему волновало студентов университета. В частности, исторические и национальные проблемы нельзя было даже упоминать под угрозой жестоких наказаний. Многие тексты не дождались публикации, принося их авторам только чувство разочарования. Поэтому, вероятно, наиболее активная группа польских студентов не прекратила издавать рукописный журнал. В том же 1840 г. вышли номера журнала «Меркуры», («Меркурий»), а в 1841 г. — «Паментник пулноцны» («Северный дневник»). Оба журнала хранятся в отделе руко-

---

[11] Незабудка. Ежегодник, издаваемый студентами Петербургского университета. СПб., 1840.

[12] Dawid W. Ze wspomnień uniwersyteckich. — Przegląd Literacki (dodo «Kraju»), 1890, N 39, s. 5—9.

[13] Там же, с. 8.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

писей и редкой книги Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.[14] Помещенные в «Меркурии» статьи свидетельствуют об определенной осторожности их авторов. В них идеи излагаются в зашифрованном виде; авторы довольно часто высмеивают студенческие пороки: лень, пьянство и др., но вместе с тем есть произведения, в которых высказываются антирелигиозные и материалистические идеи.[15]

Более радикальным оказался студенческий журнал «Памятник пулноцны». Его редколлегия в составе А. М. Жолкевича (главный редактор), О. Милевского, А. Корсака, Б. Кициньски, В. Романа, В. Давида, Л. Плошиньского, К. Матковского Л. Зенковича, Т. Билевского, Г. Баранецкого, Л. де Пертес, Ф. Т. Жарновского открыто боролась за возвращение независимости Польши, за польскую культуру, братство с другими славянскими народами, за союз, основанный на их равенстве.

Хотя в целом нелегальная деятельность студентов университета оставалась не известной властям, не обошлось без потерь. В 1839 г. за принадлежность к тайному обществу «Союз польского народа» был арестован и сослан в глубь России студент Петербургского университета С. Голембиовский — один из активных пропагандистов демократических идей. В архиве Ю. Барташевича сохранилось неотправленное письмо с подробным описанием прощания с товарищем. Оно указывает на существование в то время глубоко законспирированной организации внутренней взаимопомощи и высокоразвитую солидарность студентов университета. С. Голембиовский был снабжен не только деньгами (известно, сколько и от кого он получил), но и книгами и одеждой. В 1841 г. был исключен из университета Шиманьский (его имени до сих пор не удалось установить).[16]

Крупный провал постиг польских студентов Петербургского университета в 1843 г. Он был связан с ликвидацией одной из варшавских организаций освободительного движения и следственными показаниями некоторых ее членов. Именно в 1843 г. III отделение получило от князя Варшавского тревожное письмо об ослаблении надзора за польскими студентами Петербургского университета.[17] Дело в том, что арестованный по делу об участии в тайной организации «Союза польского народа» учитель гимназии в Люблине В. Давид показал, что во время его учебы в Петербургском университете (1837—1842 гг.) среди польских студентов распространялись передовые идеи. «Чтение книг в демократическом духе, беседы по этому предмету и

---

[14] ГПБ, отдел рукописей, Польск., XVII, 20.
[15] Там же; Корпии из старых ветошей. — Меркурий, 1840, № 1. — К.
[16] Архив Бартошевичей, д. 912, л. 84.
[17] ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1843, ч. 1, л. 68—71.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

т. п. — все это, — говорил Давид, — помогало в развитии политических и демократических мыслей. А что университетские власти не смогли это заметить, хотя и старались, вполне понятно, так как книги эти тайно давались доверенным лицам, а разговоры велись секретно».[18]

Письмо Паскевича Бенкендорфу от 26 ноября 1843 г. как бы подводит итоги всей деятельности польского землячества в Петербургском университете 30—40-х годов XIX в.: «Из всего поведения Ваше Сиятельство можете усмотреть, как много возмутительных сочинений, изданных польскою революционною пропагандою..., было в обращении между студентами Петербургского университета, из польских уроженцев, и какие они имели сходбища для чтения этих сочинений и заохочивания товарищей к написанию пасквилей в том же духе. Совещания такого рода, показывая степень развития демократических идей между помянутыми студентами, должны были придать им гибельное направление. По словам Давида, эти совещания тем легче погубили его, что он не ожидал в Петербурге подобной опасности, а найденные у него стихи и повесть его сочинения, написанные им во время пребывания в Петербургском университете, уничтожают всякое сомнение в том вредном впечатлении, какое произвели на него чтение полученных от товарищей возмутительных книг и их советы. Показания Давида подтверждаются фактами. Не говоря о нем самом, один из его товарищей, упоминаемый в обоих снятых с него показаниях, Голембиовский оказался уже прикосновенным к открытому в Варшаве тайному демократическому обществу под именем: „Союз польского народа", и за то, по высочайшему повелению, был исключен из числа студентов, с отправлением в Вятскую губернию».[19]

Изложенное выше не позволяет согласиться с мнением П. Н. Беркова о том, что в Петербургском университете более чем в течение трети века (с момента его основания) никаких сборников, по крайней мере, печатных, не было.[20]

Документы, извлеченные из архивов СССР и ПНР, свидетельствуют о том, что даже в самую глухую пору николаевской реакции в Петербургском университете в условиях подполья существовали нелегальные рукописные журналы, распространялись материалистические идеи, формировалось мировоззрение будущих деятелей освободительного движения России и Польши.

---

[18] Там же, л. 78—82.
[19] Там же, л. 68—71.
[20] Берков П. Н. Из ранней истории научных и литературных сборников, с. 90.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Е. М. КОСАЧЕВСКАЯ

ДЕКАБРИСТЫ И ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Петербургский педагогический и созданный в 1817 г. при Главнопедагогическом институте Благородный пансион, а также основанный в 1819 г. на базе Главнопедагогического института Петербургский университет были вовлечены в процесс идейного развития декабристской поры, а ученые во главе с первым ректором университета М. А. Балугьянским оказали весьма существенное влияние на формирование идеологии многих виднейших деятелей первого этапа революционного движения в России. Между тем до последнего времени эта тема не привлекала внимание ни историков университета, ни декабристоведов.

В пушкиноведении всесторонне изучена роль и значение Царскосельского лицея — «Лицейской республики», где сформировался гений Пушкина, откуда вышли декабристы И. Пущин, В. Вольхонский, В. Кюхельбекер и член декабристского филиала «Зеленой лампы» — А. Дельвиг. Однако малоизвестно, что «все преподаватели Царскосельского лицея,—из Педагогического института».[1] Курсы лицейских профессоров, как отмечалось в литературе, были проникнуты свободомыслием и представляли собой одно из проявлений преддекабристского национального подъема русской культуры и русской общественной мысли.

Велика роль М. А. Балугьянского и других ученых в подготовке основного состава профессоров будущего Петербургского университета. Ученики Балугьянского, П. Лодия, К. Германа: А. И. Куницын, К. Арсеньев, М. Плисов, А. Галич, П. Плетнев, Д. Е. Василевский и др. — получили широкое признание в декабристской среде.

А. И. Куницын — один из ведущих учителей и наставников лицея со дня его основания в 1811 г. — преподавал в нем энциклопедию прав, логику, психологию, этику, политическую экономию и финансы. С начала 1817 г. А. Куницын совмещал чтение лекций в лицее, Главном педагогическом институте, Благородном пансионе, а с 1819 г. в университете.[2] В своих лекциях и печатных трудах Куницын обличал тиранию и деспотизм, рабство крестьян и произвол властителей. Блестящие по форме, изобилующие многочисленными примерами из русской действительности, лекции Куницына воспитывали свободолюбивые и патриотические чувства.

---

[1] Грот Я. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899, с. 295; Селезнев И. Памятная книжка Александровского лицея на 1856—1857 гг. СПб., 1856, с. 38—39.

[2] Косачевская Е. М. Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Л., 1971, с. 78—79.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

В столице, лицее и Петербургском педагогическом институте была памятна статья Куницына, опубликованная в «Сыне Отечества» за 1812 г. После падения Москвы Куницын призывал русский народ сохранить мужество и бороться против полчищ Наполеона. «Пусть нивы наши поростут тернием, пусть села наши опустеют, пусть грады наши падут в развалинах, — писал он, — сохраним единую только свободу, и все бедствия прекратятся». Одним из первых Куницын отметил справедливый и освободительный характер борьбы русского народа. «Все благоприятствует нашему оружию, все предвещает гибель врагам нашим. Французы сражаются в отдалении от своего отечества, где их родственники и единоземцы проклинают варварство тирана и безумие соотечественников... Мы сражаемся в родной стране, наши войска прикрывают мирные хижины... Французы проливают кровь за дело их тирана, мы сражаемся за наше собственное».[3] Глубоким патриотизмом звучит его призыв не уступать врагу земли русской. Эти убеждения Куницын прививал своим слушателям. Позднее пансионер Маркевич отразил эти идеи в своей поэме «Дмитрий Донской».

Содержание лекций раскрывается также на основе статьи, опубликованной Куницыным в 1818 г. в «Сыне Отечества», в которой он, используя ослабление цензуры после широковещательной речи Александра I в Варшавском сейме, ратовал за введение в России конституционного правления.[4] В этом же году были опубликованы еще две статьи Куницына, обе в духе легальной декабристской пропаганды. В них он также отстаивал идею ограничения монархического правления, выступал убежденным сторонником освобождения русских крестьян от крепостных уз, развертывая при этом весьма широкую систему экономических и моральных доказательств против господства крепостников.[5] По мнению исследователей, идея всех трех статей Куницына была подсказана или одобрена Николаем Тургеневым.[6]

Куницын, как свидетельствовал И. Пущин, был членом «Союза благоденствия».[7] В «Журнальное общество», или «Россия начала XIX в.», созданное Николаем Тургеневым осенью 1818 г., он привлек А. Куницына и совместно с ним составил проспект издания. К организационной работе общества предполагалось приобщить также Никиту Муравьева, Ф. Глинку, И. Бурцова, П. Колошина и др. Было решено также привлечь А. С. Пушкина. В январе 1819 г. на квартире Н. Тургенева состоялось

---

[3] Сын Отечества, 1812, № 5, с. 183—184.

[4] Там же, 1818, № 18, с. 204—209.

[5] Там же, № 17, с. 162—186; № 23, с. 136—146.

[6] Шебунин А. Н. Н. И. Тургенев. М., 1925, с. 65; Дейч Г. М. и Фридлендер Г. М. «Деревня» Пушкина и антикрепостническая мысль конца 1810-х годов. — Литературное наследство. Декабристы-литераторы. Т. 2, кн. 1. М., 1956, с. 391.

[7] Пущин И. И. Записки о Пушкине. М., 1937, с. 183.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

первое заседание «Журнального общества». На одном из последующих заседаний присутствовал А. С. Пушкин. Однако реализовать издание политического журнала в условиях все ожесточавшейся цензуры Тургеневу и Куницыну так и не удалось.[8]

Большой популярностью в столице пользовались лекции К. Арсеньева, излагавшего в университете и Благородном пансионе «разумную, мыслящую статистику», географию и историю. На основе статистических данных он доказывал, что «9 производителей содержат одного потребителя». К. Арсеньев «взращивал в душах своих учеников мысль о необходимости упразднения крепостного права»[9] и деспотического правления. Е. И. Тарасов пришел к выводу, что Арсеньев высказывался о крепостном праве «куда полнее и либеральнее, чем осторожный Тургенев».[10] Печатные труды Арсеньева были хорошо известны декабристам. Его «Статистику» читали декабристы Н. Бестужев и К. П. Тарсон.[11]

Лекции профессора К. Германа, как и Арсеньева, вводили слушателей в рассмотрение круга вопросов, которые находились в центре внимания прогрессивных кругов русского общества.

Большой известностью в Петербурге пользовался профессор всеобщей истории Э. В. Раупах. Он был также поэтом и талантливым драматургом, автором антикрепостнической драмы «Исидор и Ольга», или «Крепостные», изобличавшей всю гнусность «барства дикого». Раупах давал уроки прагматической истории декабристу Никите Муравьеву, его произведения пользовались большой популярностью в декабристской среде. Видимо поэтому он был заподозрен в соучастии в тайном обществе, и имя его фигурирует в «Алфавите декабристов».[12]

Особенно значительно было влияние на пансионеров их наставника и преподавателя русского языка и литературы В. К. Кюхельбекера. Его педагогическая деятельность в пансионе (1817—1820) совпала с бурным развитием его общественно-политической деятельности: он находился в центре пропаганды декабристских идей, приобщая к ним и пансионеров. Кюхельбекер знакомил своих воспитанников с произведениями Княжнина, Муравьева и Тургенева, сатирами Кантемира и с «Путешествием из Петербурга в Москву» Радищева. «Являлось ли что-нибудь новое, — писал Н. Маркевич, — он приносил в

---

[8] Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 1. М., 1955, с. 223, 247—249.

[9] Григорьев В. В. Имп. С.-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. СПб., 1870, с. 8; Косачевская Е. М. Балугьянский..., с. 78, 88.

[10] Тарасов Е. И. Декабрист Н. И. Тургенев. Самара, 1923, с. 298.

[11] Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М., 1958, с. 40.

[12] Восстание декабристов. Материалы. Т. 1—11. М.; Л., 1925—1958; т. 12—14. М., 1969—1976. Т. 8, с. 171 (далее — ВД).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

класс и заставлял меня громко читать; однажды он вне себя прибежал с „Опытом теории о налогах" Тургенева. На нем было назначение: „В пользу крестьян, содержащихся в тюрьмах за недоимки"».[13] Кюхельбекер оказал глубокое идейное и эстетическое воздействие на своих воспитанников. Горячая любовь к отчизне, к родному языку и литературе, к сокровищнице народного творчества пронизывала всю деятельность молодого наставника и находила живой отклик среди пансионеров. Кюхельбекер имел все основания сказать о них: это «молодые люди, которые выросли на моих глазах, которых я научил и чувствовать и мыслить».[14]

Антикрепостнические воззрения профессоров Петербургского главного педагогического института, университета и его пансиона не могли не отразиться и в их публичных лекциях.

Крупным явлением общественно-политической жизни Петербурга первой четверти XIX в. были публичные лекции, читанные при университете и приватно. С кафедр М. Балугьянского, К. Германа, П. Лодия, Э. Раупаха, А. Куницына, А. Галича, К. Арсеньева, М. Плисова популяризировалась наука права естественного, излагались новейшие достижения отечественной и зарубежной науки в области классической и буржуазной политической экономии, философии, статистики, юриспруденции, провозглашавшие буржуазные идеи народного суверенитета, господства разума, вечной справедливости, свободы и буржуазного правопорядка. При этом влияние Балугьянского, «задававшего тон в преподавании политической экономии»[15] и других политических наук, еще в большей мере сказалось в публичных лекциях.

Уже вскоре после приезда М. А. Балугьянского в Россию в «С.-Петербургских ведомостях» появилось сообщение об открытом преподавании наук в Педагогическом институте для слушателей, приходящих со стороны, по довольно широкой программе: энциклопедии юридических и политических наук, политической экономии и дипломатике. Здесь же было объявлено, что все желающие могут посещать «профессорские классы» в Педагогическом институте бесплатно.[16] В 1809 г. при институте были открыты курсы лекций для государственных чиновников, читавшиеся по специальной программе, предусматривавшей широкое знакомство с политическими науками. Наконец, открытые 1 мая 1811 г. публичные лекции при Петербургском педагогическом институте привлекли значительное число

---

[13] Институт русской литературы (ИРЛИ), ф. 488, № 82, л. 23, 32, 59—64. — Маркевич утверждал, что видел «Путешествие...» у Кюхельбекера.

[14] Русский архив, 1871, № 2, с. 175; Воспоминания Н. А. Маркевича о встречах с Кюхельбекером. — Литературное наследство. Т. 59. М., 1954, с. 598.

[15] История русской экономической мысли. Т. 1, кн. 2. М., 1958, с. 106.

[16] С.-Петербургские ведомости, 1804, 12 августа.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

слушателей. В донесении попечителя Петербургского учебного округа С. Уварова уже 9 мая 1811 г. говорилось, что курсы профессоров посещает «до 100 человек и более». К началу 20-х годов количество слушателей профессорских публичных лекций (при Петербургском университете) составило весьма значительную цифру, а списки гражданских чиновников, слушавших лекции и сдававших экзамены, как сообщалось педагогической конференцией университета, «в течение 12 лет могут составить несколько томов».[17] Столь значительный интерес к политическим наукам, по нашему мнению, объясняется стремлением передовой молодежи и демократической интеллигенции найти ответы на волновавшие их вопросы о путях развития страны, а также попытаться решить задачи, выдвигаемые действительностью.

В период оформления тайных декабристских организаций особенно усиливается пропагандистская (устная и печатная) деятельность профессоров университета. Многие члены первых декабристских организаций и их филиалов, по признанию П. Пестеля, истоки своего свободомыслия видели в изучении политических наук, которые помогли им разглядеть «много несообразностей в устройстве российского правления и их несоответствие правилам политических наук». Тогда же и Пестель начал обдумывать: «какими постановлениями они могли бы быть заменены, исполнены и усовершенствованы». Старшее поколение декабристов, в том числе и будущий глава Южного общества — Пестель, впервые познакомилось с политическими науками в конце первого десятилетия XIX в. «О политических науках, — свидетельствовал он, — не имел я ни малейшего понятия до самого того времени, когда стал готовиться ко вступлению в Пажеский корпус, в коем их знания требовались для поступления в верхний класс. Я им тогда учился у профессора ... Германа, преподававшего в то время сии науки в Пажеском корпусе».[18] Ученик Балугьянского — Д. Е. Василевский обучал Николая Бестужева, окончившего в 1809 г. Морской кадетский корпус, предметам, не преподававшимся в корпусе, «как-то: политической экономии, народному праву, философии, психологии, логике и прочим».[19] И. Пущин до поступления в лицей «занимался разными предметами у профессора Лодия».[20]

Особенно большое значение приобретает политическое образование в связи с активизацией деятельности первых декабристских обществ и выработки их организационных и программных документов. Декабрист Е. Оболенский показывал, что «науки политические сделались по возвращении гвардии

---

[17] Косачевская Е. М. М. А. Балугьянский..., с. 176—177.

[18] ВД, т. 4, с. 86, 89—90. См. также: ВД, т. 2, с. 124; т. 9, с. 49; Глинка Ф. Поэзия декабристов. Л., 1950, с. 600—601.

[19] Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951, с. 231.

[20] Пущин И. И. Записки о Пушкине, с. 44.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

в 1814 г. предметом общих разговоров».[21] Бестужев-Рюмин свидетельствовал, что все члены декабристских организаций изучали естественное, гражданское, римское право и политическую экономию. Именно эти занятия, как утверждал декабрист, сформировали его идейно и выработали «наклонность к политике».[22] Члены Общества военных наук при штабе Гвардейского корпуса в Петербурге в 1815—1819 гг. также устремились к изучению политических наук. «Осторожный» Илья Долгоруков познакомился с Пестелем на лекциях профессора Германа. Ф. Глинка показывал, что с ним «ежедневно» слушал курс философии у Галича декабрист Е. Оболенский; члены «Союза спасения» Пестель, Муравьев посещали курсы лекций Германа, Куницына, Галича и других профессоров. В 1816 г. Герман открыл у себя на квартире чтение лекций политических наук, которые слушали, как свидетельствовал Ф. Глинка, «более 20-ти по большей части военных людей» и среди них: Никита Муравьев, Сергей Тургенев, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы и др. Члены «Священной артели» — И. Бурцов и П. Калошин, подобно многим гвардейским офицерам, в свободные от службы часы в 1817 г. посещали профессоров Куницына, Германа, Галича. Павел Калошин в том же или следующем году «брал у Куницына уроки политической экономии... для повторения служили тетради его». М. В. Нечкина высказывает предположение, что «и некоторые другие члены... „Союза спасения" были в числе слушателей Куницына».[23] К. Рылеев находился в дружеских отношениях с профессором Петербургского университета М. Плисовым, преподававшим ему политическую экономию.

Декабристы Е. Оболенский, А. Поджио, А. М. Муравьев, М. М. Нарышкин, И. Бурцов показывали, что «тотчас по открытии Петербургского университета в 1819 г. и позднее, когда возродилась страсть к учению», они слушали лекции К. Ф. Германа и А. Куницына. На Куницына, как источник своего свободомыслия, ссылались Н. Бестужев, В. Ф. Раевский, А. Н. Сутгоф. Среди слушателей публичных лекций профессоров Петербургского университета был А. П. Барятинский[24] и многие другие.

Известно, что в Петербурге, пребывая в гвардии, почти все декабристы в той или иной форме приобщались к изучению политических наук и были связаны с учеными столичного университета.[25]

---

[21] ВД, т. 1, с. 226.

[22] ВД, т. 9, с. 49.

[23] Сын Отечества, 1818, № 44, с. 97; Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 1, с. 128; Тарасов Е. И. Русские геттенгенцы первой четверти 19 века. — В кн.: Голос минувшего. Пг., 1915, с. 206.

[24] ВД, т. 1, с. 226; т. 2, с. 2. См. также: Волк С. С. Исторические взгляды декабристов, с. 39—40.

[25] Косачевская Е. М. М. Я. Балугьянский..., с. 96—107, 223—238, 239—244.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Авторский конспект лекций Балугьянского[26] и конспект его лекций, составленный К. Арсеньевым,[27] были предметом обсуждения в декабристской среде, служили основой для самостоятельных исследований. В этом, в частности, убеждают нас текстуальные заимствования из печатной работы Балугьянского и его авторского конспекта, которые прослеживаются как в рукописи Пестеля «Практические начала политической экономии», так и в «Социально-политическом трактате», в его «Русской правде».[28]

Изучая смелые политические системы и теории, свидетельствовал М. А. Фонвизин, «весьма естественно, что занимающиеся ими желали бы видеть их приложение в своем отечестве».[29] Вероятно поэтому правительство, как утверждает С. Трубецкой, установило слежку, и на публичных лекциях профессоров Петербургского университета присутствовали полицейские агенты.[30] Следует иметь в виду, что в лекциях изложение теоретических положений сопровождалось многочисленными примерами из русской действительности, так как Балугьянский (с июня 1804 г.) служил старшим чиновником, а затем (с 1822 г.) управляющим Комиссии составления законов. В 1822 г. он добивается зачисления в нее в качестве ученых чиновников изгнанных из университета К. Арсеньева и А. Куницына.[31] Здесь они могли черпать множество примеров, обличающих деспотизм, рабство и беззаконие, господствовавшие в крепостной России первой четверти XIX в.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что прогрессивная мысль и революционные мнения проникали в Петербургский университет и его пансион через журналы, а также через непосредственных и активных участников тайных декабристских организаций: И. Пущина, К. Рылеева, Николая и Александра Бестужевых, Н. Тургенева, Ф. Глинку и, конечно, через В. Кюхельбекера и А. С. Пушкина, который своими стихами действовал «как нельзя лучше для благой цели» и с которым были связаны многие декабристы и наиболее передовая часть университетских ученых, студентов и пансионеров.

В раскрытии нашей темы немаловажное значение имеют

---

[26] Авторский конспект лекций Балугьянского обнаружен нами в Государственном историческом музее Москвы (ОПИ ГИМ) в фонде Александра Ивановича Баратынского (ф. 342, д. 97).

[27] Архив АН СССР, ф. 117, оп. 1, № 2. Система Михаила Балугьянского. Лекции политической экономии.

[28] Косачевская Е. М. М. А. Балугьянский..., с. 49, 181—184.

[29] Фонвизин М. А. Обозрение проявлений политической жизни в России.— В кн.: Общественные движения в России в первой половине XIX в. Т. 1, СПб., 1905, с. 185.

[30] Записки князя Трубецкого. СПб., 1907, с. 212.

[31] Косачевская Е. М. М. А. Балугьянский..., с. 210—220.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

записки Маркевича, созданные на основе его дневниковых записей.[32]

Николай Андреевич Маркевич (1804—1860) — историк Украины, этнограф, поэт и музыкант — был связан с большим кругом самых выдающихся деятелей передовой русской и украинской культуры первой половины XIX в. Его контакты с декабристами и Пушкиным как на раннем этапе — в годы обучения в университетском пансионе (1817—1820), так и в период подготовки восстания и в последекабристский период позволяют уточнить ряд существенных деталей, восполняющих уже известные в декабристоведении факты, характеризуют общественно-политические позиции питомца университетского пансиона Маркевича и показывают его близость к декабристскому кругу и глубокое сочувствие делу декабристов.

Н. Маркевич обучался в университетском пансионе в Петербурге вместе с младшим братом поэта Львом и впоследствии очень близкими друзьями Пушкина — С. А. Соболевским и П. В. Нащокиным. «По приезде в Петербург (сентябрь 1817 г.— *Е. К.*), — вспоминает Маркевич, — я застал уже, что мысль о свободе и конституции была в разгаре. Кюхельбекер проповедовал ее на кафедре русского языка. Александр Пушкин написал оду „Вольность", „Кинжал", „Деревня". Все это я имел через Льва Пушкина». «Часто, бывало, дарил он мне копии стихов брата своего, не могущих выдержать российской цензуры. Иногда дарил подлинники. . .», — записал мемуарист.

Юноша Маркевич находился в гуще событий преддекабристского Петербурга. Ода «Вольность» гремела повсюду, кто не повторял «и на обломках самовластья напишут наши имена. . .» Пушкин писал эпиграммы на высоких сановников и даже самого царя. Маркевич, М. И. Глинка, Соболевский, Нащокин «были приняты в компанию» А. С. Пушкина — Кюхельбекера. На квартире у Кюхельбекера Маркевич часто встречался с членами ранних декабристских организаций и будущими активными деятелями Северного общества декабристов: К. Рылеевым — главой Северного общества, Александром Бестужевым, И. Пущиным, В. Давыдовым, А. Поджио, С. Волконским.[33] Пансионеры — соученики Маркевича: М. Глебов, С. Палицын, Лев Пушкин — были участниками восстания 14 декабря. Любимый учитель и пансионерский наставник Маркевича — В. Кюхельбекер был членом ранних декабристских организаций (Бурцовский кружок, «Зеленая лампа») и всех легальных филиалов, а также активным участником восстания 14 декабря.

Среди студентов и пансионеров Петербургского университета В. Кюхельбекер, Лев Пушкин, Соболевский, Маркевич и другие весьма усердно распространяли бесцензурные стихи

[32] ИРЛИ, ф. 488, № 37, 48.

[33] Косачевская Е. М. Он воспевал мечту прекрасную свободы. — Радуга. Киев, 1974, № 6, с. 155—157.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

великого поэта. Пользуясь своей феноменальной памятью, Лев Пушкин широко пропагандировал среди окружающих не только изданные, но порой даже незаписанные стихи своего старшего брата.[34] Не зря Александр Сергеевич постоянно корил Льва за его «чтенье-бесие» и распространение «прежде времени» его бесцензурных произведений.[35]

До конца жизни сохранил А. Пушкин связь со многими учеными и питомцами Петербургского университета и университетского пансиона. В лице студенческой и пансионской молодежи Петербургского университета Пушкин приветствовал «племя молодое».

Маркевич утверждал, что запретные стихотворения А. С. Пушкина, поэмы Рылеева, произведения Бестужева и другие распространялись в университете и пансионе.[36] Декабрист Завалишин показывал, что питомец университетского пансиона М. Глебов читал и распространял потаенную литературу — стихи и прозу и что он брал у него читать «Записки о России».[37]

Во время ссылки А. С. Пушкина на юг и в Михайловское его брат Лев был полномочным представителем поэта. Он пересылал через него свои стихи, в том числе и потаенные; Лев следил за их изданием, пересылал брату корректуры и др. Друзья поэта любили Льва, и он «прямо с ученической скамьи вступил в кружок своего брата». Письма Александра Сергеевича Льву часто читались целой компанией. Лев, посещал литературные собрания у Рылеева, где, как утверждает М. Бестужев, «он говорил наизусть много стихов своего брата, еще не напечатанных...» Бестужев имеет в виду собрание, состоявшееся в первой половине 1825 г. В это время Лев Пушкин, как считает М. В. Нечкина, — «постоянный посетитель Рылеева и его друзей — живая связь группы с А. С. Пушкиным».[38]

Вращаясь в кругу Рылеева, А. Бестужева, Кюхельбекера, брат поэта допускал много «вольностей». Предупрежденный об этом Вяземским, Александр Сергеевич писал брату: «Сделай милость, будь осторожен на язык и перо... ты довольно сыграл пажеских шуток с правительством».[39]

Ученые университета поддерживали личные контакты с декабристами. В Английском клубе, где нередко велись споры на политические темы, Балугьянский встречался с Александром и Николаем Тургеневыми и с другими членами Северного обще-

---

[34] ИРЛИ, ф. 488, № 82, л. 49, 4, 36.

[35] Пушкин и его современники. Вып. 8. СПб., 1908, с. 56; Пушкин А. С. Письма. Т. 1. М.; Л., 1926, с. 207.

[36] ИРЛИ, ф. 488, № 82, л. 51; Тарасов Е. И. Русские геттенгенцы..., с. 206.

[37] ВД, т. 3, с. 388.

[38] Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. М., 1947, с. 372.

[39] Письма А. Пушкина Вяземскому: — Русский архив, 1874, кн. 1, с. 136, 138, 142; Базанов В. Ученая республика. М.; Л., 1964, с. 332; Нечкина М. В. А. Грибоедов и декабристы, с. 372.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ства. Салон Оленина, где бывали многие декабристы, дома Тургеневых, Бестужевых, Ф. Глинки, Рылеева посещали профессора университета и их питомцы — М. Балугьянский, В. Кукольник, К. Герман, П. Лодий, Э. Раупах, А. Куницын, М. Плисов, К. Арсеньев, Лев Пушкин, С. Соболевский, М. Глебов и др. Они присутствовали на собраниях «Вольного общества любителей российской словесности», где с начала 20-х годов сотрудничали Николай и Александр Бестужевы, Рылеев, А. Корнилович и др. Многие ученые и питомцы Петербургского университета и его пансиона печатались в прогрессивных журналах: «Сыне Отечества», «Соревнователе просвещения», «Невском зрителе» и в органе декабристов — «Полярной звезде».[40]

Все это свидетельствует о том, что Петербургский университет и его пансион были вовлечены в процесс идейного брожения декабристской поры, а их профессора и преподаватели оказали весьма существенное влияние на формирование революционной идеологии первых дворянских революционеров. Естественно, что поворот к правительственной реакции прежде всего коснулся Петербургского университета и привел к разгрому и изгнанию всех его прогрессивных профессоров.

После «бунта» в университетском пансионе были удалены В. Кюхельбекер и замешанные в «крамоле» пансионеры во главе с Львом Пушкиным. В 1821 г. Куницын был отстранен от преподавания в лицее и университете, а книга его «Естественное право» была изъята из продажи, библиотек и у частных лиц. Расправу с Куницыным А. Пушкин заклеймил в «Послании к цензору»:

А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами? . . .
Не понимая нас, мараешь и дерешь.
Ты черным белое по прихоти зовешь;
Сатиру пасквилем, поэзию развратом,
Глас правды мятежом, Куницына Маратом. . .[41]

Министр «затмения» Голицын, попечитель Петербургского учебного округа Рунич, директор университета и пансиона — Кавелин, подстрекаемые царем, обвинили ректора Петербургского университета и ведущих профессоров в распространении в университете опасных и разрушительных «для общественного порядка и благосостояния идей», «пагубных и разрушительных теорий наук философских, юридических и политических». «Крамольные» профессора — Герман, Раупах, Галич и Арсеньев были подвергнуты суду; ректор Балугьянский, не желая стать орудием реакции, 24 октября 1821 г. подал в отставку и тогда

---

[40] Из неизданной переписки Рылеева. Рылеев — Н. А. Маркевичу. — Литературное наследство, т. 59, с. 153—154.

[41] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1947, с. 368.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

же прекратил преподавание политических наук в университете.[42]

Стремление защитить прогрессивную профессуру Петербургского университета от нападения реакции не случайно родилось в декабристской среде. Декабрист Никита Муравьев выступил против мракобесов и гонителей прогрессивной профессуры, видимо, узнав от Раупаха все подробности инсценированного над ними суда. Он с негодованием утверждал: «Профессора должны преподавать ОБЩИЕ правила и мысли, а не свои. Общие — кому: государственному и духовному Комитету или всем людям? Где такие правила и мысли? Всякое изобретение, каждое новое понятие, пока оное не получило права гражданства в нравственном мире, принадлежит тому, кто их выразил. Ньютон был бы осужден за преподавание дифференциального исчисления... Коперник, Галилей, словом, все великие мужи сидели бы в остроге и долженствовали отвечать Гладкову (главный полицмейстер в Петербурге. — *Е. К.*), который бы весьма легко опроверг все их лжеучения и лжемудрствования».[43] Декабрист Н. Тургенев, внимательно следивший за ходом злополучного «дела» университетских ученых, 10 ноября 1821 г. в дневнике писал: «Между тем, суд над профессорами ужасен», главным образом по духу, о котором он свидетельствует. «Что с этим будет?» — спрашивал он с тревогой. Возмущаясь действиями «мракобеснующегося Магницкого», Н. Тургенев писал: «Наши проповедники-губернаторы, начальники отделений, директоры, не зная наук... восстают против просвещения. Они кричат подобно Омару: сожжем все книги! Если они сходны с библией, то они не нужны, если же ей противны, то вредны».[44]

Суд над профессорами Петербургского университета нашел отражение и на страницах комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Ученье — вот чума, ученье — вот причина,
Что нынче пуще чем когда
Безумных развелось людей, и дел, и мнений...
Есть в Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и безверьи
Профессоры.

14 декабря 1825 г. М. Глинка и А. Я. Римский-Корсак — питомцы университетского пансиона — пришли на Сенатскую площадь вслед за Московским полком (первым из восставших), т. е. около 11 часов. Глинка ушел с площади между 14 и 15 часами, став свидетелем разыгравшихся на площади событий, прежде всего столкновений между правительственными войска-

[42] Косачевская Е. М. М. А. Балугьянский..., с. 132—142.
[43] Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, с. 110.
[44] Дневники и письма Н. И. Тургенева. Т. 3. Пг., 1921, с. 239, 304.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ми и сочувствующей восставшим «густой толпой народа из всех сословий».[45] Вскоре, «в одну из ближайших ночей», Глинка был вызван на допрос к герцогу Вюртембургскому — главноуправляющему «путями сообщения». Впоследствии он вспоминал, что допрос его испугал, и он, воспользовавшись первой возможностью, уехал в Ново-Спасское.[46]

Известно, что после окончания пансиона в 1822 г. М. И. Глинка продолжал общаться с будущими участниками восстания 14 декабря: М. Глебовым и С. Палицыным, «один из которых уговаривал его вступить в тайное общество...».[47] Еще обучаясь в пансионе, Глинка часто музицировал в доме декабриста Николая Тургенева, а после окончания пансиона он сближается со своим сослуживцем по Совету путей сообщения — декабристом А. А. Бестужевым, одним из издателей журнала «Полярная звезда». Быть может, присутствие М. Глинки 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади вовсе не было столь случайным? Ведь три его соученика: С. Палицын, Лев Пушкин, М. Глебов, близкий родственник и наставник — В. Кюхельбекер, а также его сослуживец А. Бестужев были активными участниками восстания 14 декабря. «Между мятежниками были очень знакомые мне люди», — позднее свидетельствовал Глинка.[48]

Живое творческое общение М. Глинки с декабристским окружением и связанной с идеями декабризма поэзией Пушкина наложили неизгладимый отпечаток на формирование его общественно-политических взглядов и творческой индивидуальности. Программа борьбы за народное и самобытное русское искусство широко пропагандировалась Кюхельбекером с пансионской кафедры и в печати. «Да создастся для славы России поэзия истинно русская; да будет Святая Русь, — писал Кюхельбекер, — не только в гражданском, но и нравственном мире первою державою».[49] Вот знамя декабризма, под которое встал М. Глинка и пронес его до конца своей жизни.

Глинка явился продолжателем дела декабристов в борьбе за народное искусство. Именно в 1826 г. под впечатлением расправы царя с «друзьями, братьями, товарищами» (так называл Пушкин осужденных декабристов) Глинка написал романс «Память сердца», задумал создание героической оперы «Иван Сусанин» и начал сочинение отдельных сцен для нее. В частности, внимание А. А. Орловой привлекла оперная сцена «Хор на смерть героя». «Не исключено, — отмечает она, — что музыка этой сцены явилась своего рода творческим откликом компози-

[45] Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 2, с. 272—289.
[46] Глинка М. И. Литературное наследие. Т. 1. Л., 1952, с. 94.
[47] Орлова А. А. Глинка в Петербурге. Л., 1970, с. 40.
[48] Глинка М. Литературное наследие, т. 1, с. 94, 411.
[49] Кюхельбекер В. К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие. — В кн.: Мнемозина. М., 1824. Ч. 2, с. 38, 42.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

тора на трагические события 1825 г.».[50] Тогда же Пушкин пишет свое послание «В Сибирь», а Маркевич в Туровке — песнь из «Дмитрия Донского» — гимн повешенным и осужденным в каторжные работы декабристам Рылееву, А. Бестужеву, Н. Тургеневу и опальному Пушкину.

В «Алфавите декабристов» фигурирует первый ректор Петербургского университета, профессор политических наук М. Л. Балугьянский и видный ученый университета и писатель-драматург Э. Раупах.

На вопрос «когда и где начально возникло то общество, о котором вы доносите, и кто были первыми главными действующими членами оного?» капитан Майборода ответил, что тайное общество вначале возникло в Петербурге более десяти лет тому назад. «Из поименованных мною в списке нынешних членов почитаются самыми старейшими: Михаил Орлов, князь Волконский, Балугьянский, Юшневский, Пестель, князь Трубецкой, Давыдов, Шипов, Никита Муравьев, Матвей Муравьев-Апостол и граф Полиньяк...». О принадлежности Балугьянского к тайному обществу были спрошены П. Пестель, С. Трубецкой, Сергей Муравьев-Апостол, Н. Муравьев, Е. Оболенский, П. Колошин, а также Н. Лорер и Н. Крюков, на которых ссылался Майборода. Все они отрицали причастность Балугьянского к обществу,[51] возможно, из гуманных соображений, так как к этому времени Балугьянский был отцом девяти детей, оставался иностранным подданным и над ним тяготел запрет австрийского императора о возвращении на родину. Тем не менее участие Балугьянского в первых тайных организациях весьма вероятно, тем более, что все названные Майбородой лица действительно принадлежали к «Союзу спасения».

Э. Раупах, за вольный образ мыслей высланный в 1822 г., обвинялся в том, что Н. Муравьев, бравший у него уроки прагматической истории, почерпнул от него правила, клонившиеся к ниспровержению правительства и престола.[52]

В восстании 14 декабря принял активное участие любимый учитель и наставник пансионеров В. К. Кюхельбекер, приговоренный первоначально к смертной казни, замененной затем двадцатью годами каторжных работ и вечной ссылкой.

Ученик и последователь Кюхельбекера, участник восстания на Сенатской площади, пансионер-декабрист Михаил Глебов (1804—1851) неоднократно заявлял: «Я люблю отечество, счастьем почту умереть за благо его». Эти слова он подкрепил действиями. Глебов еще в пансионе думал о «благе земли родной» и мечтал «быть полезным России».[53] По выходе из пансиона он продолжал поддерживать связи с соучениками и

[50] Орлова А. А. Глинка в Петербурге, с. 40—43.
[51] ВД, т. 8, с. 40; т. 4, с. 10—11, 40, 273, 434, 456.
[52] Там же, с. 170—171, 385.
[53] ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 388, л. 8, 8 об.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

вскоре сблизился с декабристом П. Г. Каховским, с которым незадолго до восстания его познакомил С. П. Палицын. Именно Каховский в октябре—ноябре 1825 г. принял их обоих в члены Северного общества.[54]

В литературе до последнего времени дискутировался вопрос, был ли Глебов членом общества.[55] Ознакомление со следственным делом М. Глебова (оно не опубликовано), его поведение накануне и 14 декабря, вынесенный ему суровый приговор позволяют утверждать, что Глебов был введен в члены тайного общества Каховским и принимал в нем активное участие. Накануне восстания Глебов присутствовал на знаменитом совещании у К. Рылеева. А. Н. Сутгоф показал, что 13 декабря он вместе с Палицыным был на квартире у Рылеева, где в это время находились «Кюхельбекер, Трубецкой... и множество штатских, среди них и Глебов, за которым зашел Каховский».[56] По поручению Рылеева Глебов участвовал совместно с декабристами братьями Бестужевыми, Рылеевым, Каховским, Кюхельбекером и Одоевским в поездке в Кронштадт, где предполагалось организовать тайное общество, которое должно было с началом восстания в Петербурге «возмутить матросов, сломить начальство и принять город и крепость под свою команду».[57] Одним из первых Глебов пришел 14 декабря 1825 г. на Сенатскую площадь и оставался там до конца. Он находился в каре рядом с активными деятелями восстания: Бестужевым, Оболенским, Пущиным, Кюхельбекером, Каховским и др., выполняя роль связного между товарищами по обществу, солдатами и народом. «Глебов, служивший в министерстве финансов, — вспоминал декабрист И. Якушкин, — переносил им известия, слышанные им в народе».[58] После разгрома восстания на Сенатской площади Глебов «14 вечером был у Рылеева», о чем показал на следствии; здесь же он заявил, что не из книг («книги свободного содержания очень редки»), а из жизни почерпнул он мысль о необходимости ограничения самодержавной власти и введения конституции, что он думает лишь о благе земли родной и о том, «чтобы быть полезным России». Глебов был осужден по пятому разряду, приговорен к 10 годам каторги, а потом — ссылке на поселение, умер в Сибири.

В подготовке восстания 14 декабря принимал участие и пансионер С. М. Палицын (1806—1880) — член Северного общества декабристов. После выхода из пансиона он жил на квартире вместе с Глебовым, был принят в члены тайного общества и участвовал в выводе на Сенатскую площадь лейб-гвардии

---

[54] Там же, л. 3, 13 об.

[55] Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 2, с. 406; ВД, т. 8, с. 64.

[56] ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 388, л. 8—8 об.; ВД, т. 1, с. 77; т. 2, с. 344.

[57] ВД, т. 1, с. 446; Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 2, с. 107.

[58] Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951, с. 150.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ренадерского полка. После годичного заключения в Петропавловской крепости его отправили на службу в Петровский гарнизон в том же чине.

Лев Пушкин принял участие в восстании 14 декабря и был вооружен Кюхельбекером палашом, отнятым у жандарма. На Сенатской площади Лев действовал весьма активно вместе с Одоевским — начальником заградительной цепи. Кюхельбекер во время следствия всячески старался выгородить Льва Пушкина. Однако, по мнению М. В. Нечкиной, Лев «был вполне добровольным» участником 14 декабря. В руках Николая I был своеобразный «вексель», который Пушкин должен был оплатить. Непривлечение брата Льва к следствию было авансом Николая I, сыгравшим важную роль в планах «присвоения поэта царизмом».[59]

Нити непрерывной связи протягивались от Петербургского университета и пансиона к декабристским организациям. Значительно было и влияние «первенцев свободы» на развитие в Петербургском университете и его пансионе прогрессивной науки и революционных мнений.

---

[59] Нечкина М. В. Лев Пушкин и восстание 14 декабря. — Историк-марксист, 1936, № 3, с. 85—100.

М. М. АМИНИНА

МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ ОЛЬМИНСКИЙ

К блестящей плеяде питомцев Ленинградского университета по праву принадлежит старейший революционер, член большевистской партии с 1903 г., выдающийся публицист, ученый-литературовед, историк Михаил Степанович Александров (Ольминский). Он родился 3(15) октября 1863 г. в г. Воронеже, в семье мелкого казначейского чиновника. Еще в гимназические годы Ольминский познакомился со статьями русских революционных демократов В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, стихотворениями Н. А. Некрасова, произведениями Н. Е. Салтыкова-Щедрина. Удавалось иногда Михаилу Степановичу читать и нелегальные брошюры и газеты землевольцев и народовольцев, призывавших к активному протесту против самодержавия и помещичьего гнета.

В 1881 г. восемнадцатилетним юношей Ольминский входит в один из тайных народовольческих кружков, членов которого объединяли горячие симпатии к беспримерному героизму и самопожертвованию революционеров 70-х годов (Андрея Желябова, Софьи Перовской, Николая Кибальчича и др.). В кружке культивировалось отречение от собственной личности во имя

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

революции. Но осознать смысл назревавших в России событий гимназисты еще не могли.

Летом 1883 г. после окончания гимназии Михаил Александров переезжает в Петербург и поступает на юридический факультет университета. Примерно в одно время с ним в университете занимался Александр Ильич Ульянов — один из вожаков студенческого движения Петербурга в середине 80-х годов.

От народовольчества к марксизму, от страстного желания следовать примеру Александра Ульянова, героический образ которого долгие годы жил в умах русской революционной молодежи,[1] до самоотверженной борьбы в рядах подлинно пролетарской партии, созданной В. И. Лениным, — таков путь, пройденный студентом Петербургского университета в 1883—1885 гг. М. С. Ольминским.

В студенческие годы у Михаила Степановича усилился интерес к социально-политическим и экономическим вопросам. Начав с чтения «Оснований политической экономии» Д. С. Милля (с примечаниями Н. Г. Чернышевского), он обратился затем к произведениям Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», к «Капиталу» К. Маркса. «На меня, — писал М. С. Ольминский, — „Капитал" произвел сильное впечатление, — перед глазами развертывалась картина капиталистических отношений, не понятых раньше».[2]

Тогда же, в 1883 г., он вступает в нелегальную организацию «Союз молодежи» партии «Народная воля» и вместе с тем становится членом «Партии русских социал-демократов», вошедшей в историю как благоевская группа, состоявшей в основном из студентов Петербургского университета и Технологического института. «Наша коммуна на Васильевском острове, — вспоминал Д. Н. Благоев о своих товарищах по университету, с которыми он жил на общей квартире, — была не только местом, где я выработал свое первое социал-демократическое мировоззрение, а также и первым местом, где я начал свою пропаганду».[3]

Вокруг благоевской группы сплотились представители революционных кружков учащейся и военной молодежи. В 1884 г. после установления связи с группой «Освобождение труда» благоевская группа организовала около 15 рабочих кружков на ряде металлургических и текстильных предприятий за Невской и Московской заставами, на Васильевском острове и Выборгской стороне. Наиболее активную пропаганду среди рабочих вели Д. Н. Благоев, Н. П. Андреев, П. П. Шатько, А. А. Герасимов, П. П. Аршаулов и др. Они распространяли общеобразо-

---

[1] Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 1. Л., 1962, с. 114.

[2] От группы Благоева к «Союзу борьбы». Ростов н/Д, 1921, с. 68.

[3] История Ленинградского университета. 1819—1969: Очерки. Л., 1969, с. 91.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

вательную и нелегальную литературу, выпускали прокламации, вели занятия в рабочих кружках, создавали для них библиотеки.[4]

С увлечением вел занятия в обоих порученных ему социал-демократами и народовольцами рабочих кружках М. С. Ольминский. Как могло случиться, что социал-демократы доверили руководство кружком человеку, не скрывавшему своих симпатий и принадлежности к одной из организаций «Народной воли?» Сам Ольминский объяснял это тем, что у него в то время не было принципиальных разногласий с группой социал-демократов. Он считал необходимым вовлекать рабочих в борьбу за свержение самодержавия и завоевание политических свобод. Но если социал-демократы отводили рабочему классу первое место в этой борьбе, то народовольцы видели в рабочих лишь один из элементов общества, недовольных царизмом. Следует также иметь в виду, что в 80-е годы четкого разделения рабочих кружков между народовольцами и благоевцами не существовало. Связь с группой Благоева, революционная пропаганда в рабочих кружках, участие в распространении первой в России нелегальной социал-демократической газеты «Рабочий» сыграли существенную роль в формировании марксистских взглядов молодого Ольминского.

Революционная деятельность и учеба на третьем курсе Петербургского университета были неожиданно прерваны арестом 13 декабря 1885 г. В уведомлении ректору университета, направленном С.-Петербургским жандармским управлением, сообщалось, что по распоряжению департамента полиции за № 3840 студент М. С. Александров привлечен к дознанию по обвинению в государственном преступлении и содержится под стражей.[5] При обыске у него были найдены 5 экземпляров брошюры «Политический террор в России», изданной «Союзом молодежи».

В тюрьме М. С. Ольминский просидел более восьми месяцев, а затем был отдан на 2 года в солдаты.[6] 2 мая 1888 г. командир 154-го пехотного Дербентского полка, где служил Ольминский, направляет в Петербурский университет письмо, в котором возбуждается ходатайство о предоставлении Михаилу Александрову льгот по образованию в отбывании воинской повинности. На этот запрос Петербургский университет пересылает затребованные документы, в том числе и увольнительное свидетельство за № 1822, в котором сообщается, что Михаил Александров «в декабре 1885 г., как привлеченный к дознанию по обвинению в государственном преступлении, уволен из университета, поэтому правами, предоставляемыми студентам,

[4] Благоевская группа. — В кн.: Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 3. М., 1970, с. 406.

[5] ЛГИА, ф. 14, оп. 3, 1885, д. 22 984, л. 29.

[6] Там же, 1888, д. 22 984, л. 39.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

окончившим полный курс университетского учения, воспользоваться не может».[7]

В Петербург М. С. Ольминский вернулся только через пять лет — осенью 1890 г. В университет его больше не допустили и он устроился на службу, целиком отдавшись революционному делу. Сначала он примкнул к кружку революционно настроенной учащейся молодежи, называвшемуся «Обществом имени Герцена», а затем, после его распада в 1891 г., с некоторыми старыми товарищами по партии «Народная воля» становится инициатором создания так называемой группы народовольцев, которая развернула энергичную устную и печатную пропаганду и агитацию среди рабочих. М. С. Ольминский взял на себя самый важный участок в деятельности группы — связь с рабочими кружками. Он также писал листовки, прокламации, статьи, обращенные к рабочим.

Вернувшись в Петербург, М. С. Ольминский был поражен угасанием народничества и значительным развитием рабочего движения. В Петербурге успешно действовала общегородская социал-демократическая организация, созданная студентом Технологического института М. И. Брусневым. В 1889 г. он объединил марксистски настроенных студентов Технологического, Лесного, Горного институтов и Петербургского университета с рабочими кружками, ранее связанными с группами Д. Благоева и П. Точисского.

Брусневская организация ставила целью пропаганду марксизма среди передовых рабочих для подготовки из них руководителей рабочего движения. Вначале Бруснев поручил М. С. Ольминскому вести пропаганду в рабочем кружке, а затем включил его в центральный рабочий кружок (рабочий центр). Здесь Ольминский познакомился с замечательными рабочими-революционерами — братьями Федором Афанасьевичем и Егором Афанасьевичем Афанасьевыми, оставившими яркий след в российском революционном движении.[8]

Весной 1891 г. в Петербурге произошло первое публичное выступление более двухсот петербургских студентов совместно с передовыми рабочими и интеллигентами против самодержавного гнета на похоронах известного писателя-демократа, соратника Н. Г. Чернышевского — Н. В. Шелгунова. Ольминский был инициатором и активным участником этого выступления.

Вскоре после похорон Шелгунова пролетариат Петербурга впервые отпраздновал 1 Мая. Речи четырех рабочих-революционеров на маевке были изданы Ольминским и его товарищами.

Осенью 1891 г. возникла народовольческая группа «Четвертого листка», в которую вошел М. С. Ольминский. С этого вре-

[7] Макухин В. М. С. Александров (Ольминский) в С.-Петербургском университете в 1883—1885 гг. — Красная летопись, 1933, № 3—4, с. 207.

[8] Лежава О., Нелидов Н. М. С. Ольминский: Жизнь и деятельность (1863—1933). Изд. 2-е. М., 1973, с. 33.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

С 1904 по 1917 г. М. С. Ольминский входил в редакции и был ведущим публицистом почти всех важнейших большевистских газет: «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь». В марте 1917 г. он был членом редколлегии «Правды» и Бюро ЦК РСДРП(б). Затем работал в редакции московской большевистской газеты «Социал-демократ», входил в состав МК партии. С конца марта по ноябрь 1917 г. им было опубликовано свыше 100 статей и заметок.[18] В конце июля 1917 г. М. С. Ольминский был делегирован Московским комитетом РСДРП вместе с Ф. Э. Дзержинским, И. И. Скворцовым-Степановым, П. Г. Смидовичем и Р. С. Землячкой на VI съезд партии,[19] принявший курс на вооруженное восстание.

После съезда Ольминский активно борется за проведение в жизнь решений партии. Наряду с работой в редакции «Социал-демократа» он принимает живое участие в новой массовой газете московских большевиков, начавшей выходить в первых числах октября 1917 г. под названием «Деревенская правда». Публицист ленинской школы, он беззаветно отдавал весь свой талант, энергию делу политического просвещения и воспитания масс, подготовке их к социалистической революции.

С первых дней Советской власти все силы М. С. Ольминского направлены на борьбу за укрепление молодого социалистического государства. Он сотрудничает в «Правде», публикуется в популярных периодических изданиях («Красноармеец», «Коммунар», «Беднота», «Известия Московского Совета» и др.).[20]

В декабре 1917 г. М. С. Ольминский был назначен членом коллегии Наркомфина.

В годы гражданской войны по заданию партии Ольминский объезжает фронты в составе бригады лекторов в агитпоездах ВЦИК и «Октябрьская революция».

После победы Октября была создана специальная комиссия по изучению истории большевистской партии — Истпарт. В 1920—1921 гг. она стала работать на правах отдела ЦК, Председателем Истпарта был назначен М. С. Ольминский. На X съезде РКП(б) он выступил с информационным докладом о значении изучения прошлого партии для текущей политики.

Особенно большое внимание Ольминский призывал уделять изучению истории партии на местах. В истпартовских архивах хранится его обширная переписка с местными партийными организациями и отдельными лицами, касающаяся вопросов изучения материалов по истории революционного движения. В 1922 г. Истпарт публикует сборник «Памяти борцов пролетарской революции, погибших в 1917—1921 гг.» и ряд других изданий. Благодаря им были спасены для потомства имена тысяч героев

[18] 1917 год в Москве. М., 1934, с. 52.
[19] Там же.
[20] Кудряшева Е. Жизнь, отданная революции. Белгород, 1964, с. 59—60.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Октября и гражданской войны. Во втором издании сборника, вышедшем в 1925 г., содержатся сведения о 18 тысячах погибших героев гражданской войны. Одной из составительниц сборника была сотрудница Истпарта, участница революционного движения Л. С. Лежава — родная сестра М. С. Ольминского.[21]

Тяжело пережил М. С. Ольминский смерть В. И. Ленина. В третьем номере журнала «Пролетарская революция» за 1924 г. была опубликована его статья «Тов. Ленин». К образу вождя революции он не раз возвращался в своих воспоминаниях и впоследствии.

Истпарт много сделал для собирания, разбора и издания ленинского наследия. Ольминский подчеркивал, что «нельзя изучать историю партии без Ленина», так же как «нельзя понять Ленина, не изучив истории партии». «В течение многих веков, — говорилось в обращении Истпарта к членам партии, — личность т. Ленина будет предметом внимания и изучения. Далекие потомки будут завидовать нам, современникам т. Ленина, имевшим возможность видеть его, слышать его живое слово. И с нашей стороны было бы преступлением перед грядущими поколениями, если бы мы теперь же не приняли мер к собиранию и хранению всего, в чем проявлялась... личность т. Ленина в партии, в государственной жизни, в отношении к среде».[22]

В последние годы жизни М. С. Ольминский был прикован к постели. Но болезнь не сломила его, он пристально следил за политической, общественной и культурной жизнью страны и по мере сил принимал в ней участие: писал статьи, рецензии.

М. С. Ольминский пользовался большим авторитетом в партии. Он избирался делегатом многих партийных съездов и конференций. Одним из ярких свидетельств уважения, которое партия оказывала Ольминскому, была телеграмма, отправленная XII съездом РКП(б) Михаилу Степановичу во время его тяжелой болезни: «Дорогой товарищ! — писали делегаты, — XII съезд РКП(б) шлет Вам, одному из пионеров и активнейших деятелей нашей партии, горячий коммунистический привет. В Вашем лице съезд приветствует всю старую гвардию РКП, в труднейших условиях царизма закладывавшую фундамент партии российского рабочего класса».[23]

Умер М. С. Ольминский 8 мая 1933 г., похоронен 10 мая на Красной площади. В Кремлевской стене на мраморной плите надпись: «Михаил Степанович Ольминский (Александров). 1863—1933». Между датами рождения и смерти вместилась мужественная, отданная революции жизнь, которая и сегодня является для нашей молодежи, для всех советских людей ярким примером преданности делу партии, делу коммунизма.

---

[21] Пропагандисты ленинской школы, с. 220.
[22] Лежава О., Нелидов Н. М. С. Ольминский, с. 209.
[23] Двенадцатый съезд РКП(б): Стенограф. отчет. М., 1968, с. 665.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Л. А. ШИТИЛОВ

ПЕТР АНАНЬЕВИЧ КРАСИКОВ

Осенью 1891 г. среди студентов физико-математического факультета Петербургского университета появился недавний выпускник Красноярской гимназии Петр Ананьевич Красиков.

Однако на физико-математическом факультете он пробыл недолго и уже 25 сентября в заявлении на имя ректора университета просил перевести его на юридический факультет.[1] Это было логическим завершением той полосы в жизни Красикова, когда он только усваивал марксизм.

К моменту поступления в университет Петру шел 21-й год. За этот небольшой срок своей жизни он уже многому научился и многое повидал. Политический багаж Петра Красикова складывался из изучения произведений Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, чтения революционной литературы, которую он добывал у политических ссыльных или у студентов, приезжавших на каникулы. Знал он и о делах первомартовцев — С. Перовской, А. Желябова и их соратников. Очень взволновала его гибель А. И. Ульянова. Его смерть заставила Красикова по-иному взглянуть на жизнь и искать другие пути для борьбы против самодержавия. К этому времени Красиков уже знал о существовании первой русской марксистской организации в Швейцарии — группы «Освобождение труда» — и о ее деятельности. В поисках литературы, выпускаемой группой «Освобождение труда», Красиков буквально осаждал приезжавших в Красноярск студентов и политических ссыльных. Наконец поиски увенчались успехом. У одного из ссыльных Красиков получил книгу Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба». Это была первая марксистская книга, которую прочел гимназист Красиков. К моменту поступления в университет он основательно изучил и другую работу Г. В. Плеханова «Наши разногласия», а также переводные издания трудов К. Маркса и Ф. Энгельса — «Манифест Коммунистической партии» и «Капитал».

В Петербурге Петр Красиков, узнав о существовании и здесь марксистских кружков, решает посвятить делу борьбы против самодержавия и капитализма всю свою жизнь. Вспоминая о времени поступления в Петербургский университет, он писал: «О том, что эта борьба не на живот, а на смерть должна вестись и что я буду участвовать в этой борьбе всеми доступными мне силами и средствами, в этом для меня лично уже не было ни малейшего сомнения. Это была аннибалова клятва, которую я и мои ближайшие друзья дали совершенно искренне и твердо, выходя из душных стен классической гимназии».[2] Свою

[1] ЛГИА, ф. 14, оп. 3, 1891, д. 28 439, л. 13.

[2] Цит. по: Гиндин А. Рядом с Ильичем. Красноярск, 1963, с. 5.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

клятву П. А. Красиков сдержал. Вся его жизнь, наполненная многими революционными делами, свидетельствует о том, что до конца своих дней он оставался верным и принципиальным марксистом-ленинцем. Будучи профессиональным революционером, деятелем ленинской школы, он никогда не отклонялся от ленинской линии в теории и практике социалистического строительства. «Искровец твердой линии»,[3] — такую характеристику дал ему В. И. Ленин.

Первые же дни пребывания в Петербургском университете, общение с сокурсниками, знакомство со студентами из других вузов, участие в работе землячеств и кружков самообразования, установление близких отношений с видным марксистом того времени Г. М. Кржижановским, с С. А. Гофманом, Я. Ф. Ставровским, М. В. Келлером, А. С. Бесчинским и др. — все это убедило Красикова в необходимости более глубокого изучения марксизма и работы в среде питерских пролетариев.

Весь первый год учебы ушел на расширение знакомств с революционно настроенными студентами, создание своего пропагандистского кружка и вербовку в него рабочих столицы. П. Красиков и А. Бесчинский, студент-естественник, привлекли к этой деятельности и А. Гурьева, студента Технологического института. Вскоре к ним присоединились передовые рабочие предприятий Васильевского острова и Нарвской заставы — Фишер, Садов и некоторые другие, готовые принять участие в революционной борьбе, в распространении листовок, в привлечении в кружок новых рабочих.

Таких марксистских кружков в то время в Петербурге было несколько. В. И. Ленин потом отмечал их исключительно важное значение для развития и воспитания классового самосознания пролетариата в ранний период рабочего движения.

Красиков и его друзья понимали, что вести работу оторванно от рабочего движения, без четкой и ясной программы, без единого руководящего центра невозможно. Это было такое время в истории русской социал-демократии, о котором В. И. Ленин писал: «Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития».[4]

Работа в кружке осложнилась приближением летних каникул. Вместе с тем перед П. Красиковым и его друзьями встала задача: «Как дальше вести работу?»

Летом 1892 г. П. Красиков, по поручению своих товарищей, едет в Женеву, чтобы познакомиться с Г. В. Плехановым, его соратниками по группе «Освобождение труда», получить от них деловые советы, литературу. Поездка в Швейцарию могла быть легко объяснена учебному начальству тем, что там про-

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 6.
[4] Там же, т. 6, с. 180.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

живала жена Красикова — Виктория Пржигодская. В Женеве П. А. Красиков встретился с Г. В. Плехановым и другими членами группы «Освобождение труда» — П. Б. Аксельродом и В. И. Засулич. Общение с первыми русскими марксистами, чтение нелегальной литературы укрепили и закалили марксистские взгляды П. Красикова.

Осенью 1892 г. он вернулся в Петербург и с головой ушел в революционную деятельность. Теперь он уже сам руководит кружком на Васильевском острове, чаще бывает у рабочих не только дома, но и на фабриках, заводах. Но не хватает литературы, нет новых марксистских изданий, а изучение имеющихся в кружке книг и брошюр уже не удовлетворяет слушателей. Красиков в это время был близко знаком с семьей инженера Еремеева, который предложил помощь участникам революционного движения. В квартире Еремеевых стали нелегально печатать на гектографе запрещенную литературу, в том числе переводы книги Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» и брошюры Ж. Геда «О коллективизме». Эти издания были распространены затем среди столичных рабочих.

В конце ноября 1893 г. П. Красиков просит ректора Петербургского университета дать ему вновь разрешение на немедленный выезд за границу, якобы «вызванный внезапной болезнью сестры».[5] На самом деле целью поездки явилось налаживание транспорта нелегальной литературы. 2 декабря Красиков получил заграничный паспорт сроком до 15 января 1894 г., но за границей он пробыл до 24 марта.[6]

Вторично прибыв в Швейцарию, П. Красиков встречается с Г. В. Плехановым и участниками группы «Освобождение труда», знакомится с сибирским марксистом В. К. Курнатовским, бывшим студентом Петербургского университета. При возвращении в Россию Красиков тайно провез через границу много запрещенных изданий.

Красиков не подозревал, что за время его отсутствия в Петербурге произошли события, оказавшие большое влияние на ход дел в кружке. Произведены были аресты, в числе арестованных оказался и А. Бесчинский. Кроме того, во время обыска в интернате Бестужевских курсов у слушательницы Анны Флеровой были обнаружены деревянный ящик и чемодан, принадлежавшие, как оказалось, Петру Красикову. В вещах Флеровой и Красикова были найдены: брошюра К. Каутского «Программа и основы социал-демократии», дневник А. Флеровой, в котором она высказывала мысль о том, что «всякий мыслящий человек должен сделаться революционером при критическом отношении к существующему государственному строю, свидетельствующему о неравномерном распределении богатств и борьбе между капиталиста-

---

[5] ЛГИА, ф. 14, оп. 3, 1891, д. 28 439, л. 28.
[6] Там же, л. 30.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ми и неимущим классом».[7] В вещах Красикова были найдены: «а) запрещенные сочинения графа Л. Толстого; б) каталог заграничного издания, в коем упоминаются брошюры революционного характера; в) вырезки из иностранных подпольных органов и г) письмо на французском языке, в котором автор, указывая на трудности ведения противоправительственной пропаганды в России, выражает мысль о необходимости для лиц, посвятивших себя агитации, эмигрировать из пределов империи».[8]

Обнаруженные охранкой вещественные доказательства послужили поводом для ареста Красикова. Действительной же причиной его ареста явились сведения о его связях с группой «Освобождение труда», с Г. В. Плехановым. На протяжении почти 8 месяцев жандармы пытались узнать от Красикова о его связях с заграничными политическими организациями, сломить волю молодого революционера. Из дома предварительного заключения его переводят в одиночную камеру Петропавловской крепости, запретив вести переписку и встречаться с родными и близкими. В то же время заграничная агентура установила, что «поездку... он предпринял с целью познакомиться с русскими представителями социал-демократического движения в Швейцарии, чтобы путем личных с ними переговоров усвоить себе способы социалистической пропаганды на родине».[9]

Следователи стремились доказать причастность П. Красикова к сотрудничеству с заграничными революционерами. Но установить, что студент Петербургского университета П. Красиков являлся одним из руководителей марксистского кружка, не смогли. Тем не менее сам факт следствия и арест по политическому делу послужили основанием для того, чтобы министр народного просвещения Делянов, еще не дождавшись окончания следствия, исключил Красикова из университета. Следствие тянулось долго, с нарушением всех норм расследования, и только в конце ноября 1894 г. Красиков под залог был освобожден из тюрьмы и уехал в Красноярск под надзор полиции на 3 года.

Жизнь в Красноярске была трудной. Но ни тяжелые материальные условия, ни отсутствие работы, ни пристальное внимание полиции и т. п. не сломили волю революционера. Здесь он, как и в Петербурге, участвует в работе революционных кружков, много читает, встречается с политическими ссыльными, помогает им в налаживании жизни. «Как правило, в Красноярске прибывших встречал П. А. Красиков. В 1897 г. он помог

---

[7] Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи по государственным преступлениям за 1894 г. Т. 18. СПб., с. 43.

[8] ЦГИА, ф. 1405, оп. 521, 1894, д. 442, л. 8.

[9] Обзор важнейших дознаний..., с. 44.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

В. И. Ленину, следовавшему в ссылку, найти временное жилище в Красноярске, встречал Н. Е. Федосеева и других».[10]

Значительным событием сибирской жизни Красикова явилась его встреча и знакомство в 1897 г. с В. И. Лениным.[11] Будучи в сентябре 1898 г. в Красноярске, В. И. Ленин, работавший тогда над книгой «Развитие капитализма в России», вновь встречается с П. Красиковым. Они много беседуют по проблемам классовой борьбы и создания революционной марксистской партии. Впечатление у Красикова от личного знакомства с Лениным было очень большое. «Мы очень много говорили, и я оценил его сразу, и он тоже увидел во мне преданного делу революции человека... Во всяком случае я смею сказать, что с Владимиром Ильичем мы были связаны довольно тесными отношениями»,[12] — вспоминал П. А. Красиков.

Находясь в ссылке, В. И. Ленин разрабатывает план создания общерусской политической газеты, а в августе 1900 г. на встрече В. И. Ленина с членами группы «Освобождение труда» принимается решение о создании газеты «Искра».[13]

Большую роль в организации корреспонденций для «Искры», в доставке самой газеты и ее распространении играли ее петербургские сторонники, в том числе и П. А. Красиков.[14]

Ленинская «Искра» проделала огромную работу: размежевала революционное направление в российской социал-демократии и оппортунистов. «Искра» подготовила созыв II съезда РСДРП, способствовала в огромной степени созданию партии нового типа.

В качестве одного из видных агентов «Искры» Красиков провел громадную предсъездовскую работу. Вместе с П. Н. Лепешинским и А. М. Стопани он собирал для «Искры» информацию, устраивал ее агентов, оказывал помощь нелегальным и т. д. Летом 1902 г. он послал газете «Искра» из Петербурга 500 рублей, которые были собраны среди искровцев.[15] В это же время он вел активную борьбу за переход на позиции «Искры» тогдашних руководителей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Работа эта завершилась слиянием «Союза борьбы» с «Искрой» и образованием Петербургского комитета РСДРП, разделявшего позиции В. И. Ленина.

В конце лета — осенью 1902 г. В. И. Ленин и его соратники ведут большую работу по воссозданию Организационного коми-

---

[10] Мещерский А. Первые марксисты в сибирской ссылке. Иркутск, 1966, с. 75.

[11] Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 1. М., 1970, с. 166.

[12] Цит. по кн.: Андриенко (Ворожцова) Л. А. Атеист ленинской школы. М., 1976, с. 12.

[13] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 353.

[14] См.: Ольховский Е. Р. Ленинская «Искра» в Петербурге. Л., 1975, с. 145.

[15] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 217, 502.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

тета для подготовки и проведения II съезда РСДРП. В начале ноября 1902 г. в Пскове была проведена конференция, на которой образовался Организационный комитет. П. А. Красиков вошел в его состав. Значимость ОК трудно переоценить, ибо он выполнил, по словам В. И. Ленина, свою первую и главную задачу — подготовил условия для созыва партийного съезда.[16] Немалая заслуга в этом и П. Красикова. Отдавая дань той работе, которая проводилась им в период подготовки II съезда РСДРП, в бюро съезда вместе с Г. В. Плехановым и В. И. Лениным был избран и П. А. Красиков.

Революцию 1905 г. Красиков встретил за границей, он принял активное участие в работе III съезда РСДРП, рассказал его делегатам о работе Комитета заграничных организаций, представителем которого он был на съезде.

В августе 1905 г. по совету В. И. Ленина П. Красиков приезжает в Петербург и живет здесь по подложному паспорту. П. Красиков входит в состав столичного комитета РСДРП, а в конце сентября по поручению ЦК становится его ответственным пропагандистом. Это были дни, когда в редакцию «Пролетария» о нем писали: «Август ушел в местную работу с ушами и головой... Рвут его во все стороны — и в пропаганду, и в агитацию, и в листки, и во все, что угодно».[17] К этому следует добавить, что осенью 1905 г. П. Красиков представлял интересы большевиков в Петербургском Совете, руководство которым захватили меньшевики. В Совете П. Красиков был принципиальным проводником большевистской линии, выработанной III съездом РСДРП, разоблачал оппортунизм меньшевиков и двурушническую позицию Троцкого. Знаменательным событием явилось выступление в Петербургском Совете 13 ноября 1905 г. В. И. Ленина. В результате Исполком Совета принял предложенный В. И. Лениным проект резолюции «О мерах борьбы с локаутом».

3 декабря 1905 г., во время пленума Совета, делегаты его были арестованы, в их числе и П. А. Красиков. И опять потянулись тюремные будни. Лишь в середине сентября 1906 г. начался процесс над деятелями Совета. П. Красикова среди подсудимых не было. По счастливой случайности он был освобожден из тюрьмы в июле 1906 г. за неимением достаточных улик и перешел на нелегальное положение. В этом же месяце в Петербурге проходила городская партийная конференция, в работе которой активное участие принял П. Красиков. И хотя делегаты конференции в целях конспирации меняли места заседаний, охранке удалось напасть на ее след. В один из дней, когда П. А. Красиков вместе с Е. Д. Стасовой направлялись на очередное заседание, они заметили, что на Английском проспек-

[16] См. там же, т. 7, с. 92.

[17] Очерки истории Ленинградской организации КПСС. 1883 — октябрь 1917 гг. Л., 1962. Ч. 1, с. 156.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

те (ныне пр. Маклина) много жандармов и городовых. Стало понятным: готовится облава. Следует предупредить соратников, избежать арестов. Красиков и Стасова успели предупредить товарищей, собравшихся в помещении, где должно было проходить заседание, но сами не избежали ареста. И в очередной раз против Красикова не нашлось достаточных улик. Его выпустили, но жить в Петербурге не разрешили. Он селится в финском поселке Куоккала (ныне Репино), где на даче «Ваза» жил В. И. Ленин. Это были счастливейшие дни для Петра Ананьевича. Почти ежедневные общения с В. И. Лениным, соратниками по партии придавали его деятельности энергию и вдохновение.

Вскоре наступили черные дни столыпинской реакции, сопровождавшиеся жесточайшими репрессиями, преследованиями революционеров, упадническими настроениями, охватившими часть интеллигенции, резким сокращением рабочего движения. В этой обстановке нужно было не растеряться, сохранить силы, кадры партии. В. И. Ленин считал важным в этот период тактику сочетания легальных и нелегальных форм борьбы. Красиков, довольно серьезно заболевший, по предложению Ленина переходит на легальное положение. Он восстанавливается в университете, в апреле 1908 г. получает диплом об окончании юридического факультета и поступает на работу в качестве помощника присяжного поверенного Н. Д. Соколова, в то время сочувственно относившегося к большевикам. Это была большая удача. Под прикрытием адвокатской деятельности стало возможным заниматься политической работой. Красиков всячески помогает партии. Не теряет связей с Е. Д. Стасовой, бывшей на подпольной работе, и с В. Д. Бонч-Бруевичем.

Февральская революция смела ненавистное царское самодержавие. Уже 27 февраля 1917 г. П. А. Красиков в числе немногих большевиков принимает участие в создании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, а вскоре его вводят и в бюро Исполнительного комитета. В Петроградском Совете П. Красиков последовательно проводит в жизнь большевистские тактические лозунги. А когда в октябре 1917 г. в Петрограде победило вооруженное восстание, для борьбы с контрреволюцией и саботажем создается военно-следственная комиссия, которую возглавляет Петр Ананьевич. Вся работа Красикова проходит под руководством В. И. Ленина.

Находясь на этом ответственном посту, доверенном ему партией, Красиков проявил самые лучшие черты, присущие большевику ленинской закалки. Его отличает высокая требовательность, принципиальность, деловитость, гибкость при рассмотрении тех или иных дел.

Дальнейшая деятельность П. А. Красикова была связана с утверждением норм советской юстиции. Он принимает участие в составлении Уголовного кодекса; многое сделано им для вы-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

работки Конституции СССР, принятой в 1924 г. С 1918 по 1924 г. он возглавляет отдел при Комиссариате юстиции, является членом Малого Совнаркома, ведет большую работу как прокурор Верховного Суда СССР и заместитель Председателя Верховного Суда СССР.

Будучи делегатом многих партийных съездов, Петр Ананьевич принимает непосредственное участие в разработке ряда партийных документов. Еще в 1918 г. по поручению В. И. Ленина П. Красиков возглавил отдел по осуществлению декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». П. А. Красиков был первым редактором антирелигиозных журналов «Революция и церковь» и «Воинствующий атеизм», инициатором создания общества «Атеист».

Важной вехой в жизни большевика-ленинца П. А. Красикова явилась Конституция СССР 1936 г., в составлении которой он принимал самое активное участие.

Героическая жизнь славного большевика-ленинца оборвалась 20 августа 1939 г., когда он находился на лечении в городе Железноводске. В посмертном некрологе «Правда» писала: «Красочен жизненный путь тов. Красикова. Верный сын партии ... он всего себя отдал делу коммунизма.

Вместе с горечью утраты мы, его товарищи по работе, горды тем, что вся его жизнь была связана крепкими узами с Коммунистической партией и ее победами».[18]

---

[18] Правда, 1939, 23 августа.

В. П. ЯКОВЛЕВ

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КРЫЛЕНКО

Н. В. Крыленко, человек многогранного таланта, поразительной воли и трудолюбия, мужественный и страстный, был профессиональным революционером, бесконечно преданным делу пролетариата. Он принадлежал к блестящей ленинской гвардии, бойцы которой совершали дела невиданных в мировой истории масштабов. Что значат в приложении к этим людям слова «профессиональные революционеры» можно представить, проследив жизненный путь Н. В. Крыленко.

Родился Н. В. Крыленко 2(14) мая 1885 г. в деревне Бехтеевка ныне Сычевского района Смоленской области. Его отец, В. А. Крыленко — исключенный из Петербургского университета за участие в студенческом движении, назвал своего сына Николаем в честь революционера-народовольца Николая Кибальчича.[1]

---

[1] Крыленко Н. В. Судебные речи. Избранное. М., 1964, с. 4.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Начало революционной деятельности Н. В. Крыленко связано с Петербургским университетом. Осенью 1903 г. Н. В. Крыленко поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. В автобиографии он писал: «Выбор историко-филологического факультета был сделан мной вполне сознательно, как продолжение увлечения историческими и в особенности общественными социологическими науками ... войдя в университет под сильным влиянием отца, с большим эсеровским, вернее, народническим уклоном, я в первый же год университета под влиянием потребности к точному мышлению и научному обобщению явлений общественной жизни, чему меня научили исторические занятия, невольно перешел к марксизму с его выдержанной, стройной и могучей историко-философской теорией».[2]

Осенью 1904 г. Н. В. Крыленко вступил в студенческую подпольную революционную организацию, «объединявшую три нелегальных организации под названием „центральной" и ставившую своей задачей не только чисто политическую революционную деятельность, но и подготовку студентов к сознательному выбору между двумя партиями — социал-демократами и эсерами».[3] Такой выбор пришлось делать и Н. В. Крыленко. Уже после первого своего выступления на студенческой сходке 18 октября 1904 г. он получил предложения от представителей социал-демократов и эсеров о формальном вступлении в партию. Крыленко, без колебаний, стал в декабре 1904 г. членом партии большевиков.

В университете сложилась сильная большевистская группа — Н. В. Дорошенко, А. Н. Замятин, К. С. Жарновецкий, Д. З. Мануильский, В. Э. Кингисепп, П. А. Красиков, Н. В. Крыленко. Универсанты играли ведущую роль в деятельности Объединенной социал-демократической организации студентов Петербурга, действовавшей на правах районной при Петербургском комитете РСДРП. Члены организации занимались распространением партийной литературы, руководили студенческим движением. Примечательно, что устав организации подчеркивал обязательность для каждого ее члена не только сознательного принятия социал-демократической программы, но и непременного участия в практической партийной работе.[4]

«Кровавое воскресенье», 1905 год, мощные рабочие забастовки сблизили пролетариат и революционное студенчество. В знак протеста против злодейской расправы самодержавия над рабочими студенты объявили всеобщую забастовку. Бастовали все высшие учебные заведения России, кроме военных и духов-

[2] Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. Т. 41, ч. 1, прил., стб. 238.

[3] Там же.

[4] Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975, с. 84.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ных академий. К репрессиям в отношении студенчества правительство, напуганное огромным размахом рабочего движения, не рискнуло прибегнуть. Оно решило только отложить начало занятий до осени. Студенты-большевики стали все чаще появляться на фабриках и заводах, в рабочих кварталах и солдатских казармах. Н. В. Крыленко писал в автобиографии: «Первое соприкосновение с рабочими массами, а не только со студенчеством, и организованное участие в подпольной работе в рядах социал-демократии относятся к февралю 1905 г., когда под свежим впечатлением 9 января масса студенчества бросилась в ряды крайних партий. В качестве агитатора-пропагандиста я вошел в организованную группу содействия при ПК партии РСДРП большевиков, впоследствии переименованную в Окружной район и охватившую Колпино, Сестрорецк, Кронштадт, Ораниенбаум, Охту, Шлиссельбург и другие пригородные пункты под Петербургом».[5]

В конце января 1905 г., по инициативе студента-большевика К. С. Жарновецкого, была создана группа «Вооруженное восстание», участники которой устанавливали связи с воинскими частями, печатали и распространяли революционные воззвания. Членом этой группы был и Н. В. Крыленко.[6] В апреле массовые аресты прервали деятельность группы, но изолировать революционное студенчество от рабочих правительство не могло.

В марте 1905 г. по распоряжению правительства университеты были закрыты, а высочайший указ от 16 апреля угрожал увольнением профессорам и студентам, если занятия не будут начаты осенью. Но бурные события лета 1905 г. — восстания в Лодзи и на броненосце «Потемкин», расширение крестьянских волнений — вынудили самодержавие перейти от угроз к уступкам. 27 августа были опубликованы «Временные правила по управлению высшими учебными заведениями», даровавшие университетам куцую автономию. Смысл этого «благодеяния» точно охарактеризован В. И. Лениным: «...мизерная уступочка, крошечная реформа, проведенная в целях притупления политических противоречий...».[7]

Накануне нового учебного года ЦК партии большевиков обратился к учащейся молодежи с призывом использовать «автономию» высших учебных заведений для организации массовых революционных митингов. Этот призыв был поддержан IV общестуденческим съездом, состоявшимся в Выборге.[8] Студентам-большевикам, в частности и Н. В. Крыленко, пришлось вести серьезную борьбу со студентами-эсерами, считавшими, что за-

---

[5] Энциклопедический словарь Гранат, т. 41, ч. 1, прил., стб. 238.

[6] Симонян М. Н. Его профессия — революция (Документальный очерк о жизни и деятельности Н. В. Крыленко). М., 1975, с. 13.

[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 377.

[8] Энгель Е., Горохов Г. Из истории студенческого движения в 1899—1906 гг. СПб., 1907, с. 73, 89, 104, 160.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

крытый университет для самодержавия опаснее открытого. Университеты оказались осенью 1905 г. единственным в России местом, где под прикрытием автономии открыто собирались революционные митинги и собрания. Вот даты сходок и митингов в Петербургском университете в конце сентября — начале октября 1905 г.: 19, 21, 27 сентября, 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 10, 11 октября.[9]

Н. В. Крыленко, по счастливой случайности избежавший ареста в апреле 1905 г., вернулся в Петербург в конце августа и сразу же включился в пропагандистскую работу партии. Руководитель коллегии агитаторов Б. Перес так рассказывал об этих днях: «Мы часто и регулярно собирались, разбирали директивы комитета, распределяли, кому куда отправляться выступать, на какие темы где говорить. Для каждого места (университет, Технологический институт и т. д.) назначался ответственный агитатор на данный день, который должен был следить за равномерным снабжением агитаторами всех аудиторий... В общем, коллегия агитаторов, развернувшаяся до шестидесяти человек, работала очень дружно и энергично, их речи не были для них просто „сотрясением воздуха" или красивым сочетанием, — это было важное и нужное дело проведения в сознание масс наших большевистских лозунгов, подготовка к борьбе за эти лозунги».[10] Среди агитаторов Крыленко выделялся не только молодостью, но и громадным темпераментом, остроумной речью, прекрасным даром полемиста. В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «Крыленко под кличкой „Абрам", обладая более чем выдающимися ораторскими способностями и совершенно незаурядным сангвинистическим темпераментом, произносил тогда повсюду свои громовые, принципиально выдержанные речи, которые, несмотря на его юный возраст, производили огромное впечатление на рабочих собраниях фабрично-заводских районов. Надо отметить, что в этом молодом таланте было много серьезных социал-демократических знаний, и он совершенно свободно поднимал перчатку, бросаемую ему и кадетами, и эсерами, и незаурядными ораторами других политических партий. Он выступал везде и всюду, переходя с митинга на митинг, с завода на завод, привлекая огромные симпатии к социал-демократической партии самых широких масс населения, и рабочих в частности и особенности».[11]

Очень тесные связи установились у Крыленко с рабочими Металлического завода, он выступал на всех заводских митингах

---

[9] Павлицкая Н. И. Петербургский университет в революции 1905 года. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1948, № 11, с. 146.

[10] Перес Борис. На партийной работе в Петербурге осенью 1905 г. — В кн.: Первая русская революция в Петербурге: Сб. 1. Л.; М., 1925, с. 60, 62.

[11] Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч. Т. 2. М., 1961, с. 389. — Партийную кличку «товарищ Абрам» Н. В. Крыленко взял в память о деде Абраме Корнеевиче Крыленко, крестьянине Смоленской губернии.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

осенью 1905 г. Руководитель заводских большевиков Н. М. Немцов отмечал сложность задач, стоявших перед большевистским агитатором: «Рабочие нашего завода перед 1905 г. октябрьской стачкой особой революционностью не отличались. В университет на митинги ходили немногие, прокламации читались неохотно, к предложению вступать в партию тоже относились скептически».[12] Техника созыва митинга была очень трудна. Об организации одного из них Н. В. Крыленко рассказывал: «Я подошел к заводским воротам, в руках у меня газета — это был сигнал, по которому меня должны были узнать, — остановился напротив ворот... Гудок, ворота открываются, рабочие выходят, ко мне сразу же подходят двое товарищей. .. видят, что у меня газета...

— Вы?

— Я.

— Начнем?

— Начнем.

Сейчас же останавливаются тут же на улице.

— Стой, стой, все стой, не уходи!

Столпились на улице, надо ловить момент... Не помню, на что влез... „Товарищи! .." и началась речь. Окончил. Тут окружили вплотную и все вместе с толпою уходим дальше».[13] Большевик с Металлического завода М. Базанов вспоминал об организации собраний внутри завода: «...были случаи, когда т. Крыленко просиживал в башне или трюме по 3—4 часа до собрания. Нужно было уметь пройти через проходные ворота... „Абраму" давали чужую шапку, рабочий номер — „жестянку", которую так следовало положить, чтобы не было подозрения».[14]

В октябре — ноябре 1905 г. митинги и собрания на Металлическом заводе стали устраиваться открыто. Так, в ноябре на заводе митинговали 1, 2, 6, 7, 12, 14, 17, 18, 20, 21, 23 ноября. Н. М. Немцов рассказывал 29 января 1935 г. на вечере, посвященном истории Металлического завода, о выступлениях Крыленко: «Речи его были горячие и хорошие. Я, так сказать, партийный руководитель организации, плакал вместе с вами, плакал от этих речей, плакал потому, что он вскрывал жизнь нашего рабочего класса, вскрывал его бесправное положение и своими речами зажигал в нас революционный энтузиазм».[15] Большевистский агитатор с успехом выступал на больших собраниях и «летучих» митингах, в актовом зале университета и на заводском дворе. Например, осенью 1905 г. Н. В. Крыленко выступал на Металлическом, Семянниковском заводах, заводе

---

[12] Немцов Н. На металлическом заводе Растеряева. — В кн.: История Совета рабочих депутатов. [1906], б. м., с. 271.

[13] Цит. по: Базанов М. Большевики Металлического завода в революции 1905—1907 гг. — Красная летопись, 1936, № 1, с. 173.

[14] Там же.

[15] Там же, с. 176, 177.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Феникс, во флотском полуэкипаже и Преображенском полку, ездил в Череповец для организации профсоюза железнодорожников. 4 октября он произнес речь на 5-тысячном митинге рабочих Семянниковского завода, объявивших забастовку, 18 октября — на митинге в Технологическом институте, где собирался городской забастовочный штаб. И так ежедневно. Его энтузиазм, молодой задор позволяли вести разговор в самых разных аудиториях. Н. К. Крупская рассказывала, что Крыленко «попал как-то на собрание сектантов, которые чуть его не поколотили».[16]

В этот период Крыленко часто приходилось ночевать в квартирах рабочих, и их быт он видел собственными глазами. В 1935 г. он так подытожил свои «рабочие университеты»: «Что мне дал Металлический завод? Дал школу непосредственного обращения с рабочими массами. Металлический научил быть и жить вместе с рабочей семьей. Вот, чем я лично обязан Металлическому».[17]

Как член Петербургского комитета Н. В. Крыленко участвует 13 октября 1905 г. в первом организационном собрании Совета рабочих депутатов.[18]

Осенью 1905 г. студенты университета Н. В. Крыленко, Д. З. Мануильский, К. С. Жарновецкий работают в Военной организации при Петербургском комитете РСДРП. Крыленко впервые знакомится с порядками в царской армии, начинает серьезно интересоваться военными вопросами. Но в середине декабря полиция выследила явочную квартиру за Невской заставой и в завязавшейся перестрелке Крыленко был ранен. Ареста ему удалось избежать, но из Петербурга пришлось на некоторое время уехать.

Возвратившись в столицу в начале 1906 г. Н. В. Крыленко был направлен Петербургским комитетом РСДРП на один из самых трудных участков работы — в армию. Главной задачей было установление связей солдат с революционно настроенными рабочими, вовлечение армии в борьбу с царизмом. В апреле—мае под руководством Крыленко и других членов Военной организации проходят митинги и сходки, в которых участвуют вместе с рабочими Охтинского порохового завода солдаты и матросы. Активно сотрудничает Крыленко в большевистских газетах «Волна», «Вперед», «Казарма», «Рабочий». На этой работе он показал себя талантливым партийным публицистом.

Часто менявшему фамилию, периодически исчезавшему из Петербурга Н. В. Крыленко долгое время удавалось ускользать из сетей охранного отделения. В мае 1906 г. он избежал ареста по делу Военной организации и работал в Москве агитатором Московского комитета, а затем на короткое время

[16] Воспоминания о Ленине. Т. 1. М., 1968, с. 315.
[17] Базанов М. Большевики Металлического завода..., с. 177.
[18] Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП..., с. 153.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

уехал за границу — в Бельгию, потом во Францию. В ноябре 1906 г. он снова появился в Петербурге и принял активное участие в подготовке к выборам во II Государственную думу, выступал на митингах и собраниях. Старый большевик К. Ю. Карвелис вспоминал о том сильном впечатлении, которое произвело на него выступление Крыленко на собрании избирателей в доме № 1 по Никольской площади.[19]

Но вскоре после третьеиюньского переворота 1907 г. Крыленко был арестован и привлечен по делу Петербургской Военной организации большевиков. Освобожденный «за недоказанностью обвинения» Н. В. Крыленко уезжает в Финляндию, изредка появляясь в Петербурге. Один из таких наездов окончился арестом и после месячного заключения Крыленко 6 декабря 1907 г. был выслан «в порядке охраны впредь до особого распоряжения» в Люблин.[20] Из Люблина он неоднократно нелегально приезжал в Петербург и Москву, а весной 1909 г. ему разрешили двухмесячное пребывание в Петербурге для сдачи государственных экзаменов в университете. Отлично сдав экзамены, Н. В. Крыленко получил предложение работать над магистерской диссертацией по кафедре всеобщей истории и темой исследования он избрал историю французского конвента. Но «политически неблагонадежного» Н. В. Крыленко не разрешили оставить при университете.[21]

В Люблине Н. В. Крыленко официально был преподавателем литературы и истории в польской школе, снискавшим искреннюю любовь своих учеников. Но, усмотрев в деятельности учителя революционную пропаганду, власти запретили ему преподавание. По приглашению В. И. Ленина Н. В. Крыленко летом 1912 г. приехал в Краков. В одном из писем июля 1912 г. В. И. Ленин отмечал: «Переезд дал нам *пока:* 1) близость на 1 день; 2) приезд Абрамчика (сие секрет). Он уже здесь. Видимо, поможет с границей. Может быть (это еще?) *и* с выборами в СПБ.»[22]

Н. В. Крыленко взял на себя по просьбе В. И. Ленина организацию транспортировки через границу партийной литературы и людей, а в конце лета того же года нелегально приехал в Петербург для участия в подготовке выборов в IV Государственную думу. И, понимая необходимость грамотного, действенного участия в парламентской борьбе, он вторично поступает в университет на юридический факультет и одновременно сдает три магистерских экзамена на ученую степень. Но приходится вернуться в Люблин для отбывания воинской повинности и только в августе 1913 г. по предложению В. И. Ленина Н. В. Крыленко приезжает в Петербург для работы в «Правде» и в

19 ЛПА, ф. 4000, оп. 7, д. 1839, л. 84.
20 Симонян М. Н. Его профессия — революция. . ., с. 25.
21 Симонян М. Жизнь для революции. М., 1962, с. 14.
22 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 72.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

думской фракции большевиков как партийный инструктор по подготовке речей и запросов депутатов-большевиков. В декабре 1913 г. его арестовывают и в марте 1914 г. высылают из столицы. В Харькове он успешно сдал экзамен за курс юридического факультета, а затем уехал за границу. Летом 1915 г. ЦК РСДРП направил Н. В. Крыленко на нелегальную работу в Москву, где удалось поработать недолго. В ноябре 1915 г. он был арестован и в марте 1916 г. отправлен на фронт.

Февральская революция застала прапорщика Н. В. Крыленко на Юго-Западном фронте, где он избирается председателем полкового, затем дивизионного и армейского комитетов 11-й армии. Крыленко был делегатом I Всероссийского съезда Советов, членом первого ВЦИК. В период подготовки Октябрьского вооруженного восстания он назначается членом Всероссийского бюро военных организаций, а затем членом Военно-революционного комитета. В. И. Ленин отзывался о Н. В. Крыленко как о работнике, умеющем правильно выражать политическую линию партии,[23] и ценил как «одного из самых горячих и близких к армии представителей большевиков».[24]

В ноябре 1917 г. Н. В. Крыленко был назначен Верховным главнокомандующим и наркомом по военным делам.

С марта 1918 г. его основная деятельность связана с созданием советского суда и прокуратуры. Занимая различные посты в органах советской юстиции (вплоть до наркома юстиции СССР), Н. В. Крыленко много сделал для организации социалистического правопорядка. Одновременно он создавал и теоретические основы советского законодательства, участвуя в разработке проектов конституций РСФСР и СССР, кодексов законов. Н. В. Крыленко написал около ста работ по советскому праву и уголовной политике, участвовал в подготовке Большой Советской Энциклопедии, заведовал кафедрой уголовного права в Московском институте советского права. Н. В. Крыленко можно с полным основанием назвать первым советским историком революционного движения в русской армии в 1917 г. Перечисленное отражает далеко не всю многогранную деятельность большевика-ленинца. Он умел сочетать (и учил этому других) партийную и государственную работу, преподавательскую и научную деятельность с разумным отдыхом. Много лет возглавлял Н. В. Крыленко Всесоюзное общество пролетарского туризма, был заслуженным мастером спорта по альпинизму, принимал участие в шести научных экспедициях на Памир, пять из которых возглавил. В течение четырнадцати лет Н. В. Крыленко был председателем Всесоюзной шахматной секции, главным редактором сначала журнала, а позднее первой в мире шахматной газеты «64».

---

[23] См. там же, т. 32, с. 257; т. 36, с. 114—115.
[24] Там же, т. 35, с. 377.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

И всей этой разнообразной деятельности, подчиненной одной идее — служению пролетариату, может быть дано краткое, но емкое определение—«профессиональный революционер». Быть там, куда позовет революция, делать то, что велит революционный долг, — так жил Н. В. Крыленко.

В. Г. САВЕЛЬЕВА

ДМИТРИЙ ЗАХАРОВИЧ МАНУИЛЬСКИЙ

Сын волостного писаря Д. З. Мануильский родился на Украине в 1883 г. Учился в сельской школе, затем в гимназии г. Острога. В 1906 г. допрашивавший его полицейский следователь, раздосадованный молчанием Мануильского, бросил ему: «В Остроге начали, в остроге и кончите».[1]

Круг интересов, характер будущего революционера, выдающегося деятеля международного рабочего движения, видного политического и партийного работника Советского государства начал складываться в гимназических кружках г. Острога. Здесь Д. З. Мануильский написал свою первую листовку в защиту студента Карповича, убившего министра просвещения Боголепова.

В 1903 г. Д. З. Мануильский поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Первый год учебы прошел напряженно. Мануильский много занимался, интересовался дисциплинами, преподававшимися на других факультетах. Постепенно он осознал необходимость изучения для себя общественных наук — политической экономии, права, философии. Уже 13 ноября 1903 г. он пишет заявление на имя ректора с просьбой перевести его на юридический факультет, мотивируя свою просьбу тем, что он, «как новичок, долго присматривался к преподаванию на отдельных университетских кафедрах, чтобы найти занятие сообразно своим склонностям и не поступить опрометчиво», так как на прохождение повторного курса на другом факультете у него средств не было.[2]

Жил Д. З. Мануильский в студенческие годы в сырых и холодных комнатах, где ютилось по несколько человек. А. А. Нейман, студент университета, вспоминал: «С Мануильским меня связывала студенческая жизнь с частыми переездами из квартир-подвалов, где нас замучили холод и сырость... где не давали дышать вечная духота и дым... и всюду мы вели борьбу с нехваткой денег в кармане».[3] На основании доносов инспекции

---

[1] Завьялов Б. М. Д. З. Мануильский. Киев, 1967, с. 22.
[2] ЛГИА, ф. 14, оп. 3, д. 40610, л. 25.
[3] Завьялов Б. М. Д. З. Мануильский, с. 8.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

студенту Мануильскому как неблагонадежному было отказано в стипендии.[4]

Первые годы учебы Мануильского — это время, когда под влиянием надвигающейся революции различные политические течения оформлялись в политические партии и группы, единомышленники искали и находили друг друга. Судьба свела Д. З. Мануильского со студентом-большевиком К. С. Жарновецким, одним из видных деятелей студенческого социал-демократического движения, который и ввел Д. З. Мануильского в студенческую социал-демократическую организацию.

К этому времени Петербургский комитет РСДРП, руководствуясь указаниями В. И. Ленина,[5] уже создал ряд студенческих социал-демократических групп. В начале 1903 г. возникла самая крупная из 24 вузовских организаций — университетская.[6] Группа поддерживала постоянную связь с ПК РСДРП, многие студенты социал-демократы получали задания непосредственно от Петербургского комитета.[7]

В феврале 1903 г. ПК РСДРП распространил среди студентов листовку «Открытое письмо к студенчеству», высоко оцененную редакцией «Искры» и опубликованную в одном из ее номеров.[8] ПК разъяснял студентам необходимость неразрывной связи рабочего и студенческого движения, место и роль вооруженного знаниями марксизма студенчества в общем строю борьбы против самодержавия. Письмо было обсуждено на сходке в университетской столовой 8 февраля 1903 г. В принятой резолюции студенты выразили свою готовность включиться в борьбу. Двадцатилетний Мануильский сразу становится активным участником этой борьбы.

С началом русско-японской войны Д. З. Мануильский вместе с другими студентами-большевиками (в их числе были Н. В. Крыленко, К. С. Жарновецкий) принимал активное участие в антивоенной кампании, организованной большевиками. 18 октября 1904 г. он находился в рядах антивоенной демонстрации на Невском проспекте у здания Думы. После стычки с городовыми и казаками он впервые был задержан полицией, но к ночи отпущен.[9]

28 ноября 1904 г. Д. З. Мануильский участвовал в демонстрации, которая была задумана как совместное выступление рабочих и студентов. Из-за саботажа меньшевиков она оказалась

---

[4] Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. М., 1971, с. 22.

[5] См. написанное В. И. Лениным в 1902 г. «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 7—25.)

[6] Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Ч. 1, 1883 — октябрь 1917. Л., 1962, с. 103.

[7] Калинин А., Мандель С. Ленин и Петербургский университет. Л., 1969, с. 119.

[8] Искра, 1903, 1 марта, № 35.

[9] Завьялов Б. М. Д. З. Мануильский, с. 10.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

плохо организованной. Накануне демонстрации охранка арестовала наиболее активных членов «Объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга» и петербургской организации РСДРП.[10] Несколько сот студентов и десятки рабочих были зверски избиты во время демонстрации полицейскими и конной жандармерией. «С особым варварством преследовали и истязали учащуюся молодежь», — писал В. В. Боровский. Тяжелые травмы получили Д. З. Мануильский и К. С. Жарновецкий.[11]

Еще до революции 1905 г. деятельность Д. З. Мануильского вышла за рамки университета. ПК РСДРП поручил ему вести пропаганду среди рабочих Петербурга. Уже тогда ПК заметил его как человека, обладающего огромным организаторским талантом, выдержкой, способностью ориентироваться в быстро меняющейся обстановке революционной борьбы. Рабочие Семянниковского завода, Невской заставы, Васильевского острова знали его как Мефодия — такова была его первая партийная кличка.

Революция 1905—1907 гг. потребовала от каждого большевика напряжения всех сил. Студенты-большевики активно участвовали в общей борьбе учащейся молодежи за свои права, но главное внимание уделяли пропагандистской и организаторской работе по заданиям ПК на заводах и в военных организациях, на кораблях Балтийского флота.

Одна из политических сходок в здании университета (7 февраля 1905 г.), в подготовке которой участвовали Н. В. Крыленко, К. С. Жарновецкий, А. Н. Замятин, Н. В. Дорошенко, приняла особенно острый характер.[12] На сходке присутствовало 5 тысяч человек — студенты различных политических направлений, либеральная профессура, стремившаяся «урезонить» студентов, и рабочие. Резолюция, принятая собравшимися, отражала растущие революционные настроения студенчества (было решено начать политическую забастовку) и его политическую зрелость (сходка приветствовала борьбу пролетариата против самодержавия, за политические свободы).[13] В конце сходки группа студентов во главе с Д. З. Мануильским разорвала портрет Николая II.[14]

В период подъема революции, в октябре 1905 г., университет, как и другие высшие учебные заведения, стал местом политических митингов, в которых участвовали не только студенты, но и рабочие. Студенты-большевики, как правило, станови-

---

[10] Гусятников П. С. Революционное студенческое движение..., с. 131.

[11] Там же, с. 134.

[12] Симонян М. Н. Жизнь для революции. М., 1962, с. 8.

[13] Гусятников П. С. Революционное студенческое движение..., с. 147—148.

[14] Ленинградский университет, 1939, 21 января, № 4 (354).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

лись организаторами митингов, выполняя поручения ПК РСДРП. Кроме организационной стороны дела студенты брали на себя и еще одну очень ответственную миссию. ПК создал специальную группу ораторов из числа наиболее марксистски подкованных и опытных работников, в которую вошло много студентов. Как свидетельствуют современники, речи ораторов производили сильнейшее впечатление: «Громадный зал битком набит, люди стоят на подоконниках... слушают с напряженным вниманием... мертвая тишина, в которой раздается лишь взволнованный голос оратора... И каждый из этих рабочих несет в среду своих товарищей те семена социал-демократической мысли и тактики, которые сеются ораторами...» [15] В многочисленных свидетельствах подобного рода по понятным причинам не указывались имена ораторов. Ими могли быть и Н. В. Крыленко, и В. А. Энгель, и Д. З. Мануильский — все они состояли в «коллегии ораторов», созданной ПК РСДРП.[16]

Особо следует сказать о работе Д. З. Мануильского среди моряков Балтийского флота. Эта работа приобрела регулярный характер к осени 1905 г., когда ПК принял решение о создании Окружного районного комитета ПК РСДРП, который должен был руководить партийными организациями пригородов — Шлиссельбурга, Кронштадта, Колпино, Сестрорецка. Главой ОК стал студент университета А. М. Эссен, его активными помощниками студенты Д. З. Мануильский, Н. В. Крыленко, К. С. Жарновецкий.[17] Д. З. Мануильский часто выезжал в пригороды для выступлений на митингах, бесед с рабочими и матросами, а весной 1906 г. Окружной комитет поручил ему наладить работу Кронштадтской организации, разгромленной в 1905 г.

Обстановка в Кронштадте была накаленной, в частности еще и потому, что здесь развернули свою авантюристическую деятельность представители эсеровской организации. Они утверждали, что восстание в Кронштадте при поддержке моряков Свеаборга и Ревеля спасет революцию. «Петербург, — говорили они, — держится Кронштадтом, главная сила правительства — Балтийский флот. Захватить все — победа наша. Коротко, ясно и просто».[18]

События в Свеаборге и Кронштадте развивались стремительно. Предвидя стихийное выступление в Свеаборге, В. И. Ленин направил туда А. Г. Шлихтера, М. Н. Лядова и Р. С. Землячку с заданием предотвратить неподготовленное выступление,[19] но было уже поздно. 17 июля 1906 г. восстание стихийно вспыхнуло в Свеаборге. Необходимо было помочь восставшим. В Крон-

---

15 Пролетарий, 1905, 16 (3) ноября, № 25.
16 Очерки истории Ленинградской партийной организации, ч. 1, с. 177.
17 Там же, с. 157.
18 Борьба большевиков за армию в трех революциях. М., 1969, с. 60.
19 Революция 1905—1907 гг. в России. М., 1975, с. 330.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

штадт был направлен Д. З. Мануильский. 19 июля он побывал у моряков, минеров, рабочих города, выяснил, что оружия нет, вместе с товарищами принял решение овладеть арсеналом, в штурме которого непосредственно участвовал. Однако оказалось, что оружия нет и там. И тем не менее 20 июля кронштадтцы выступили в поддержку Свеаборга.

Неподготовленность и несогласованность действий, отсутствие четкого плана привели к жестокому разгрому восстания. 29 его участников были приговорены к смертной казни, 119 осуждены на каторжные работы, 432 — попали в тюрьму.[20] Полиция искала большевистского агитатора Фому (Мануильского), о котором было известно как о дерзком революционере, умевшем пробираться на охраняемые военные корабли, к рабочим арсенала, как об ораторе, который умеет заставить согласиться со своими доводами. ПК РСДРП рекомендовал Д. З. Мануильскому покинуть Кронштадт, но по приезде в Петербург он был арестован на конспиративной квартире. Его ждала ссылка в Архангельскую губернию, вскоре замененная более суровым наказанием — ссылкой в Якутию — за то, что он переправил в газеты сообщение о порядках в вологодской пересыльной тюрьме. С учебой в университете было покончено. 26 октября 1906 г. департамент полиции уведомил Министерство народного просвещения, что «по рассмотрении Особым совещанием, образованным согласно ст. 34 Положения о государственной охране, обстоятельств дела о высланном из Кронштадта в порядке правил военного положения в Архангельскую губернию студенте СПб. университета Д. З. Мануильском, обвиняемом в принадлежности к боевой организации, подготовившей восстание среди войск Кронштадтского гарнизона, г. министр внутренних дел постановил: выслать под гласный надзор полиции Мануильского в Якутскую область на пять лет, считая срок с 16 октября 1906 г.».[21]

Дерзкий побег Д. З. Мануильского из вологодской пересыльной тюрьмы привел его сначала в Псков, затем в Киев, где он работал в различных, главным образом военных, организациях, был избран в Киевский комитет РСДРП. В 1907 г. он был вынужден эмигрировать.

Годы эмиграции (1907—1917 с коротким перерывом в 1913 г., когда он по заданию партии выезжал в Москву и Петербург) Д. З. Мануильский провел напряженно, сочетая участие в революционной борьбе с завершением образования. Приехав в Париж, он сразу послал письмо ректору Петербургского университета с просьбой переслать ему для поступления в Сорбоннский университет его документы. «В силу политических условий, — писал Д. З. Мануильский, — я лишен возможности

---

[20] Там же, с. 333.
[21] ЛГИА, ф. 14, оп. 3, д. 40 610, л. 28.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

продолжать мое образование в России».[22] В 1910 г. он получил диплом Сорбоннского университета, овладел рядом европейских языков так, что впоследствии, слушая его речь на одном из конгрессов Коминтерна, Анри Барбюс отметил, что французский язык Мануильского сделал бы честь и профессору Сорбонны. В эти же годы Д. З. Мануильский завязал личные контакты со многими будущими выдающимися деятелями международного рабочего движения. Весь накопленный багаж сослужил службу в последующей работе Д. З. Мануильского — крупного хозяйственного и политического руководителя, дипломата и одного из выдающихся деятелей Коминтерна.

Российская политическая эмиграция шла сложным путем преодоления ликвидаторства меньшевиков и отзовизма некоторой части большевиков. На короткое время Д. З. Мануильский примкнул к отзовистской группе «Вперед». Огромную помощь в преодолении отзовистских заблуждений, по воспоминаниям самого Д. З. Мануильского, оказал ему В. И. Ленин. По инициативе В. И. Ленина в большевистской газете «Пролетарий» с согласия автора была опубликована статья Д. З. Мануильского (Ивана Безработного) за подписью «Отзовист» — своеобразное кредо отзовизма. А рядом была помещена обстоятельная критика позиций отзовизма, которая заставила многих заблуждавшихся, в том числе и самого Д. З. Мануильского, пересмотреть свои взгляды.[23]

В годы первой мировой войны Д. З. Мануильский выступает как последовательный интернационалист. В 1917 г. он возвращается на родину и с первых дней ведет активную партийную работу, редактирует журнал «Вперед», орган ЦК РСДРП. В дни Великого Октября Д. З. Мануильский был членом ВРК. В качестве представителя ВРК он вместе с Г. К. Орджоникидзе выезжал в Красное Село для организации разгрома мятежа Керенского — Краснова.

Д. З. Мануильский принимал активное участие в налаживании работы нового государственного аппарата Советской власти, занимал ответственный пост в Наркомпроде, одно время фактически выполняя роль его главы. Круг познаний и интересов Д. З. Мануильского дал возможность использовать его на дипломатическом поприще. Активная работа в Наркомате иностранных дел началась с приходом туда Г. В. Чичерина. К дипломатической работе Д. З. Мануильскому пришлось вернуться и в послевоенные годы, когда в качестве министра иностранных дел Украинской ССР Д. З. Мануильский принял участие в работе конференций в Сан-Франциско и Париже в 1945 и 1946 гг. и в I—IV сессиях Ассамблеи ООН.

Многое сделал Д. З. Мануильский для становления и развития Советской Украины. Он был членом Всеукраинского рево-

[22] Там же, л. 16.

[23] Вопросы истории КПСС, 1961, № 1, с. 162.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

люционного комитета, затем преобразованного в СНК Украины, комиссаром земледелия СНК Украины, секретарем ЦК компартии УССР. Материалы съездов РКП(б) и компартии Украины дают полное представление о Д. З. Мануильском как о партийном работнике и хозяйственном руководителе крупного масштаба.

У нас в стране и за рубежом Д. З. Мануильский известен также как активный участник международного рабочего движения. История III Интернационала, все этапы его развития, выработка его тактики применительно к быстро изменявшейся обстановке, напряженная борьба внутри коммунистических партий за их идейное и организационное укрепление, борьба против фашизма и войны за единый рабочий и народный фронт связаны с именами Георгия Димитрова, Пальмиро Тольятти, Эрнста Тельмана и многих других. Достойное место в этом ряду занимает и Д. З. Мануильский. Он выступал как полномочный представитель не только международного объединения рабочих, но и первой страны социализма. Как член, а затем секретарь Исполкома Коминтерна он оказывал большую практическую помощь молодым коммунистическим партиям.

В 1944 г. после долгих лет работы в Коминтерне Д. З. Мануильский возвратился к работе на Украине — на этот раз в качестве заместителя председателя Совета министров и министра иностранных дел.

Вся жизнь Д. З. Мануильского, оборвавшаяся в 1959 г., была примером служения долгу. Биография Д. З. Мануильского — это биография поколения Октября.

Б. Г. МАЛКИН, М. М. БАТУРИН-ВИНОГРАДОВ

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ ДАШКЕВИЧ

Петр Васильевич Дашкевич, один из руководителей операции по захвату Зимнего дворца, родился 7(20) октября 1888 г. в Петергофе в семье слесаря-водопроводчика дворцовых мастерских. Начальное образование он получил в 4-классном городском училище, по окончании которого поступил в мужскую Петергофскую гимназию.[1]

Трагические события 9 января 1905 г. произвели на 16-летнего юношу ошеломляющее впечатление. Он жаждал решительных действий, борьбы. Вскоре П. В. Дашкевич подружился со студентом Петербургского университета большевиком К. С. Жарновецким, который познакомил Петра с подпольной литературой, дал прочесть «Манифест Коммунистической пар-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 568, л. 4; ЛГИА. ф. 14, оп. 3, 1907, д. 48 322, л. 20.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

тии» К. Маркса и Ф. Энгельса, работы В. И. Ленина: «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад» и др. Знакомство с марксизмом определило дальнейший жизненный путь — путь революционной борьбы. В краткой «Автобиографии» Дашкевич писал: «В революционном движении участвую с гимназической скамейки. В революцию 1905—1906 гг. проводил школьную забастовку, был старостой в школе, предъявлял начальству школьные требования, ораторствовал на митингах учащейся молодежи, был издателем и редактором нелегального (в 1906—1907 г.) социалистического школьного журнала «Вперед»,[2] в котором протестовал против казенной рутины, существовавшей в гимназии». Летом 1907 г. Петр Дашкевич с серебряной медалью закончил гимназию. Еще будучи гимназистом последнего класса, Петр Дашкевич 20 февраля 1907 г., в день открытия II Государственной думы, впервые присутствовал на бурной студенческой сходке, состоявшейся в актовом зале Петербургского университета. Он внимательно слушал ораторов. Особенно запомнились ему выступления студентов-большевиков, призывавших бороться с правительством и полицией. Когда через неделю Дашкевич вновь побывал в университете, он увидел следующее «Объявление С.-Петербургского градоначальника»: «20 февраля в здании императорского С.-Петербургского университета состоялась многолюдная сходка, на которой кроме студентов университета присутствовало много посторонних лиц из учащейся молодежи обоего пола и рабочих, а также некоторые члены Гос[ударственной] думы, причем посторонние университету лица выступали ораторами на политические темы».[3]

7 июля 1907 г. П. Дашкевич подал на имя ректора университета прошение о приеме на юридический факультет[4] и был зачислен в студенты. С первых дней занятий он целиком отдается учебе. Аккуратно посещает лекции, с увлечением занимается в семинарах М. И. Туган-Барановского по политической экономии и В. В. Святловского по истории утопического социализма. Но особенно основательно, по ночам, у себя дома в Петергофе, П. В. Дашкевич штудирует «Капитал» Маркса.

16 сентября 1908 г. он подал прошение о переводе его на историко-филологический факультет на отделение славистики, а по его окончании (2 апреля 1912 г.) остался учиться на историческом отделении того же факультета.[5] С глубоким интересом слушал он лекции, занимался в семинарах профессоров А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, А. С. Лаппо-Данилевского, Н. И. Кареева, С. А. Жебелева, П. А. Нечаева, молодого тогда приват-доцента Е. В. Тарле. Все они знали П. Дашкевича как

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 568, л. 4.
[3] ЛГИА, ф. 569, оп. 13, 1907, д. 24, л. 2.
[4] Там же, ф. 14, оп. 3, 1907, д. 48 322, л. 11.
[5] Там же, л. 21, 25, 50.

исключительно старательного и способного студента, получавшего на экзаменах самые высокие оценки.[6]

Перед П. В. Дашкевичем открывалась дорога к научной или преподавательской деятельности. Однако сразу же после поступления в университет Дашкевич стал активным участником революционного студенческого движения. В своей автобиографии он отмечал: «В студенческие годы был участником революционно-студенческих кружков, бывал на политических сходках в университете, участвовал во всех политических забастовках и демонстрациях на улице».[7] Он усердно посещал нелегальные марксистские кружки. Произведения основоположников марксизма, работы В. И. Ленина формировали мировоззрение П. В. Дашкевича. Он стал убежденным сторонником большевизма.

В годы учебы Дашкевича в университете действовала наиболее крупная из всех столичных вузов социал-демократическая ячейка. В рассматриваемый период в нее входили студенты-большевики А. М. Аменицкий, Н. В. Апполонов, С. Я. Багдатьев, В. Н. Быстрицкий, Г. С. Вейнбаум, В. С. Венгеров, Л. М. Карахан, В. Э. Кингисепп, А. В. Коробов, Б. Н. Книпович, Н. В. Крыленко, А. А. Масленников, К. А. Механошин, Г. А. Усиевич, Г. И. Чудновский, Г. В. Цыперович.[8] Эти и другие студенты-большевики были вожаками передовых студентов университета, к которым принадлежал и Петр Дашкевич. Уже в сентябре 1907 г. он участвует в двухтысячной сходке в актовом зале и голосует за резолюцию большевиков, призывавших не подчиняться реакционным «правилам 11 июня», введением которых министр «народного» просвещения А. Шварц пытался ликвидировать остатки «студенческой вольницы» и демократических завоеваний, оставшихся от 1905 г. 22 ноября 1907 г. П. Дашкевич участвует в однодневной забастовке петербургских студентов, организованной в знак протеста против суда над социал-демократами II Государственной думы.

В годы реакции, последовавшие за первой русской революцией, партия придавала большое значение деятельности большевиков в различных легальных организациях: профсоюзах, культурно-просветительных обществах, в работе различных съездов, созываемых либеральной общественностью. В декабре 1908 г. по заданию члена ПК РСДРП студента университета Г. А. Усиевича П. Дашкевич и первокурсник юридического факультета Г. Чудновский побывали в Александровском зале Городской думы, где проходил I Всероссийский женский съезд, созванный буржуазным «Союзом равноправия женщин». Особенно понра-

[6] Там же, л. 39—46.
[7] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 568, л. 4.
[8] [illegible] пути ко второму штурму. Л., 1974, с. 100; История Ленинградского университета. 1819—1969. Очерки. Л., 1969, с. 172—180.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

вилось П. Дашкевичу выступление 19-летней галошницы завода «Треугольник» Анны Ивановой, которая, обращаясь к делегаткам от буржуазии, говорила: «Многие из вас пришли на съезд убивать время. Вы толкуете здесь о равном праве на труд для женщин. Приходите на „Треугольник" — и вы убедитесь, что пролетарской женщине „право на труд" давно уже дано, сводится оно к праву на нищету...»[9] Своими впечатлениями о работе «дамского съезда» и выступлениях на нем профессиональных революционерок А. М. Коллонтай, В. К. Слуцкой, П. Ф. Куделли Петр Дашкевич поделился на одной из студенческих сходок. Побывал он и на антиалкогольном съезде, который рабочая группа превратила, по заявлению печати того времени, из «съезда по борьбе с пьянством» в «съезд по борьбе с правительством». Осенью 1910 г. активный участник студенческого движения П. Дашкевич вступил в ряды РСДРП.[10]

С этого момента революционная работа молодого большевика стала еще более целенаправленной. В столице в те дни проходили политические демонстрации, в которых участвовали тысячи рабочих, студентов, курсисток. П. В. Дашкевич был одним из организаторов сходок и демонстраций универсантов. О происходивших «беспорядках» в университете 8 ноября 1910 г. начальник петербургской охранки сообщал министру внутренних дел: «...докладываю, что сегодня в 2 часа была назначена студенческая сходка в университете по поводу смерти графа Л. Н. Толстого. Сходка собрала массу студентов (было много также и курсисток). Энтузиазм, охвативший на этой сходке студенчество, напоминает несколько 1905—1906 гг...»[11] Наряду с другими студентами-большевиками П. Дашкевич в годы нового революционного подъема активно проводит ленинскую тактику сочетания легальной и нелегальной работы, борется против растлевающего влияния ликвидаторов на рабочие массы. По поручению ПК РСДРП он ведет активную пропагандистскую работу среди рабочих Московско-Нарвского района, а также совместно с сестрами Верой Рудольфовной и Людмилой Рудольфовной Менжинскими среди учителей. Одновременно в Петергофе он создает потребительское общество и как председатель его правления организует широкую агитационную работу среди населения. Много сил отдает Дашкевич развитию демократического студенческого движения в столице. Ведущую роль в нем в это время играл университет. «К его голосу, — сообщала охранка, — обычно прислушивались другие учебные заведения и беспорядки, начинавшиеся в университете, как по сигналу, волной разливались по городу.»[12]

[9] Малкин Б., Почебут Г. Иванова Анна Ивановна. — В кн.: Герои Октября. Т. 1. Л., 1967, с. 475.

[10] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 568, л. 4.

[11] Литературное наследство. Т. 69, кн. 2. М., 1961, с. 338.

[12] Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Ч. 1. Л., 1962, с. 303.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

П. В. Дашкевич был одним из организаторов митингов и демонстраций протеста против расстрела рабочих на Ленских приисках. Как член Петербургского общественного коалиционного комитета он 14 апреля 1912 г. написал и распространил листовку, в которой студенчество призывалось «выразить протест против зверств правительственных агентов на Ленских приисках».[13]

Дальнейшее развитие студенческого движения требовало лучшей организации и собирания сил всех социал-демократических групп и ячеек студентов. В конце 1912 г. ПК РСДРП создал Объединенный комитет социал-демократических фракций высших учебных заведений Петербурга, членом которого стал П. Дашкевич. Студенческий ОК призывал учащуюся молодежь создавать социал-демократические группы, активно включаться в работу местных организаций.

П. Дашкевич принимал участие в избирательной кампании большевиков в IV Государственную думу. В своей автобиографии он писал: «По заданию наших партийных органов проводил подготовку к выборам в IV Государ[ственную] думу среди сельского учительства».[14] В эти же годы он неоднократно выступал на страницах большевистских газет «Звезда» и «Правда» со статьями и очерками.

21 мая 1914 г. в Екатерининском зале Таврического дворца по вопросу о бюджете Министерства народного просвещения выступил депутат-большевик Г. И. Петровский. Эту речь ему подготовил П. В. Дашкевич, сотрудничавший с большевистской фракцией IV думы.[15]

После окончания университета (сентябрь 1913 г.) П. Дашкевич стал учителем народной городской четырехклассной школы в Петербурге, хотя университетский диплом открывал ему двери привилегированных учебных заведений. В этой школе работали учительницами сестры-большевички Менжинские. Однако весной 1914 г. за политическую неблагонадежность Дашкевич был уволен из школы.

В начале первой мировой войны Петр Дашкевич — прапорщик 3-го пехотного полка, расквартированного в Петергофе — ведет революционную антивоенную пропаганду среди солдат местного гарнизона и работает в петергофском подпольном кружке, многие члены которого впоследствии, в марте 1917 г., вошли в бюро по созданию Петергофской партийной организации.

Февральская революция застает Дашкевича в Петергофе. Он в самой гуще событий. Вместе с С. Рошалем, Е. Стасовой, Л. Сталь, В. Невским он проводит большевистскую агитацию в школе прапорщиков, в казармах своего полка, в палатах гос-

[13] ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 505, л. 4.
[14] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 568, л. 4.
[15] Там же, л. 5.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

питаля. По поручению партии 3-й пехотный полк, в котором служил Дашкевич, участвует в захвате полицейских участков Петрограда, занимает особняк Кшесинской. 10 марта 1917 г. при ПК РСДРП была создана военная комиссия. Одним из ее руководителей стал П. В. Дашкевич. В апреле при ЦК партии был образован Всероссийский военно-революционный центр — Военная организация («Военка»), в состав которой вошел и Дашкевич.

На всю жизнь остался в его памяти вечер 3 апреля 1917 г., когда в Петроград приехал В. И. Ленин. «На меня, как на военного человека, — вспоминал П. В. Дашкевич, — возложили организацию самой встречи Владимира Ильича на вокзале. Выстраиваю нашу делегацию (делегация членов ЦК, ПК и районов. — *Авт.*), даю указания начальнику почетного караула... Владимир Ильич выходит из вагона, смущенный встречей, но сияющий. Подхожу к Владимиру Ильичу, руку под козырек, рапортую ему от лица нашей делегации, указываю на почетный караул моряков, прошу его пройти вдоль фронта и приветствовать их. Владимир Ильич, также держа руку под козырек своей кепи, быстро подходит к морякам, принимает рапорт от командира части, приветствует их. Немедленно В. И. Ленина окружают его друзья, соратники».[16]

Весной 1917 г. П. В. Дашкевич принимает участие в создании газеты «Солдатская правда», организует легальный партийный комитет 1-го городского района, избирается членом ВЦИК 1-го созыва, гласным Московских районной и городской дум.

В июне 1917 г. в особняке Кшесинской проходила Всероссийская конференция военных организаций РСДРП(б). Одним из докладчиков по вопросу демократизации армии и всеобщего вооружения народа выступил П. В. Дашкевич, которого конференция ввела в состав Всероссийского бюро военных организаций.

В июльские дни 1917 г. П. В. Дашкевич был арестован и ему угрожала смертная казнь. В анкете для вступления в Общество старых большевиков на вопрос «Были ли в тюрьмах, в ссылке (где?)», он отвечал: «В связи с июльскими событиями был арестован Вр[еменным] правительством. Состоял под следствием у воен[ного] следователя Петр[оградского] военн[ого] округа, сидел около 2-х месяцев на военной гауптвахте (в Ленинграде, на Инжен[ерной] улице), после голодовки с Крыленко, Дзенис и другими, после корниловских дней был выпущен на свободу под залог, внесенн[ый] полков[ым] комитетом 3-го пех[отного] зап[асного] полка в Петергофе. Окт[ябрьская] революция оборвала судебный процесс».[17] Из тюрьмы заключенные В. А. Анто-

[16] Известия, 1937, 16 апреля.
[17] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 568, л. 3.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

нов-Овсеенко, П. Е. Дыбенко, Н. В. Крыленко и П. В. Дашкевич послали приветствие VI съезду партии, взявшему курс на вооруженное восстание.

12 октября 1917 г. был создан Военно-революционный комитет. Среди членов ВРК, выполнявших работу по подготовке восстания, был П. В. Дашкевич.[18] По предложению В. И. Ленина райкомы партии стали создавать нелегальные революционные штабы по подготовке восстания. В Новом Петергофе его организаторами были П. В. Дашкевич и К. С. Жарновецкий. На областном съезде Советов Северной области, состоявшемся в Петрограде 11—13 октября, П. В. Дашкевич избирается секретарем бюро его Исполнительного комитета и вместе с Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко разрабатывает вопросы технического взаимодействия революционных сил армии и флота.[19] Чтобы крепче связать эти силы с рабочими и солдатами столицы, В. И. Ленин 16 октября направил на фронт группу большевиков из 30 человек, в которую вошел и П. В. Дашкевич.

24 октября 1917 г. отряд солдат Волынского полка под командованием члена ВРК П. В. Дашкевича снял караул кавалеристов в типографии, где печаталась газета «Рабочий путь». Дашкевич так писал об этом: «Утром 24 октября в Смольном, в Военно-революционном комитете, мне вручили... постановление Военно-революционного комитета о распечатании типографии... Посланный мной приводит караул — волынцев... Караулом я доволен и спокоен. Ведь там, перед зданием Смольного, когда я объяснил волынцам предстоящую задачу, они мне сказали, что большевистскую газету они знают, читают ее, меня они не раз слышали на митингах у себя в полку, в других частях...».[20] После бескровного снятия караула кавалеристов П. В. Дашкевич спешит в Смольный. «Надо было доложить, что все в порядке, что типография „освобождена", что газета может снова выходить в свет, ведь теперь так остро нужно большевистское слово восставшему пролетариату...»[21]

Вечером 24 октября П. В. Дашкевич отправился с боевой задачей в Павловский гвардейский полк. «Я, — вспоминал Петр Васильевич, — в Павловских казармах, вблизи Зимнего дворца... Быстро обхожу по казармам роту за ротой павловцев. Солдаты в полной боевой готовности.

— Товарищи! За власть Советов! Идем свергать буржуазное Временное правительство!»[22]

---

[18] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3, кн. 2. М., 1967, с. 311.

[19] Рабочий путь, 1917, 28, 30 окт.

[20] Дашкевич П. В. ЦО партии в Октябрьские дни. — В кн.: Немеркнущие годы: Очерки и воспоминания о Красном Петрограде. 1917—1919. Л., 1957, с. 167, 169.

[21] Там же, с. 172.

[22] Дашкевич П. В. Октябрьские дни. — В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1956, с. 193, 195.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

С утра 25 октября революционные войска начали готовиться к последнему акту восстания — к штурму Зимнего дворца. В этот момент силы революции в столице примерно в 10 раз превосходили силы контрреволюции[23] и могли быстро овладеть Зимним. Чтобы избежать кровопролития и не повредить дворец, ВРК направляет своих парламентеров — сначала Г. Чудновского, а затем П. Дашкевича — к Временному правительству с предложением сдаться.[24]

В своих воспоминаниях Дашкевич так описывал события: «Мне приказано вывести юнкеров из Зимнего дворца... Торопливо проводят меня по бесконечным переходам дворца... В одном из зал со связанными руками сидит тов. Чудновский... Чудновский шепчет мне: „Скоро ли?" Сочувственно киваю ему... Предстали пред „ясные очи" самого Кишкина... Имею ли я полномочия на переговоры с Временным правительством? Юнкера — мои спутники — перебивают его, указывая, что они вызвали меня для переговоров и увода нежелающих бороться юнкеров... Подтверждаю их слова... Встревоженный, но бодрящийся Кишкин приказывает меня... вывести через проход на набережную... Несусь... к Невскому. Там найду Еремеева, Подвойского... Кратко передаю им настроение зимнедворцев, их ничтожные силы... Надо разогнать перед дворцом кучку их защитников».[25]

Временное правительство, как известно, отклонило ультиматум о сдаче Зимнего и капитуляции без боя, и ВРК по указанию В. И. Ленина приступил к решающим действиям — штурму Зимнего дворца. На этом этапе операции П. В. Дашкевич непосредственно направлял революционные отряды солдат Волынского и других полков на штурм последнего оплота Временного правительства. В 2 часа 10 минут ночи 26 октября Зимний дворец был взят. Временное правительство арестовано.

Революция победила, но ее надо было защищать. С наступлением на Петроград войск Краснова ВРК направляет комиссара П. В. Дашкевича в Гельсингфорс и Ревель. В период гражданской войны он назначается членом Реввоенсовета 9-й армии, где работает на различных военных и административных должностях вплоть до лета 1922 г., когда был демобилизован.[26]

В годы социалистического строительства П. В. Дашкевич находился на ответственной партийной, советской, хозяйственной и дипломатической работе.[27]

---

[23] Петроградские большевики в трех революциях. Л., 1966, с. 438.
[24] История Коммунистической партии Советского Союза, т. 3, кн. 2, с. 325.
[25] Дашкевич П. В. Октябрьские дни, с. 195—197.
[26] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 568, л. 5.
[27] Там же; ЛПА, ф. 0—1602, оп. 1, д. 6, л. 6—27.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

До конца своей жизни (он умер в 1942 г.) коммунист П. В. Дашкевич — питомец Петербургского университета — оставался верен идеям великого Ленина, отдавал все свои силы служению партии, народу.

А. Я. КОЛЕСНИКОВ

КОНСТАНТИН СИГИЗМУНДОВИЧ ЖАРНОВЕЦКИЙ

«... Какая несокрушимая вера в революцию, без малейших сомнений, наполняла нас и заставляла проявлять необычайную энергию и решимость во всех наших предприятиях».[1] Эти слова принадлежат Константину Сигизмундовичу Жарновецкому, бывшему студенту историко-филологического факультета Петербургского университета, активному работнику большевистского подполья, участнику трех революций.

Он родился 14 ноября 1881 г. в Эривани в семье служащего. После окончания гимназии девятнадцатилетний юноша приехал в Петербург и поступил учиться в университет.[2] «С 1900 г. я был студентом Петербургского университета, постепенно втянулся в политическую жизнь и в 1904 г. вступил членом в студенческую группу социал-демократов (большевиков)»,[3] — вспоминал К. С. Жарновецкий. Он становится одним из активнейших участников студенческих сходок и демонстраций. Университетская социал-демократическая группа, насчитывавшая в 1903 г. около 20 человек, «вела за собой огромную студенческую массу в несколько тысяч»,[4] создавая боевое настроение.

Вместе с другими студентами-большевиками Жарновецкий проводил организаторскую и пропагандистскую работу среди молодежи столицы. В университетских стенах часто проходили сходки революционно настроенных студентов, тщательно готовившиеся социал-демократами. Вот как писал об этом К. С. Жарновецкий: «Я помню на одной из них дебатировался вопрос о том, идти ли вооруженными на демонстрацию или нет. Это были экстраординарные вечеринки. Как мы стремились попасть на них, кажется, ценою жизни готовы были достать заветный билетик, чтобы проникнуть на тайную вечеринку и там, затаивши дыхание, следить за дискуссией, переживая ее всеми фибрами своей души, а затем, укрывшись в укромную

---

[1] Жарновецкий К. Старый студент. — Красный студент, 1923, № 1, с. 19.

[2] Герои Октября: Биографии активных участников подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Т. 1. Л., 1967, с. 411.

[3] Жарновецкий К. С. Кронштадтские восстания в 1905—1906 гг. — Красная летопись, 1925, № 3 (14), с. 48.

[4] Жарновецкий К. Старый студент, с. 19.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

аудиторию, петь чудные студенческие песни... лихую «Нагаечку», веселую «Как наш Трепов генерал всех жандармов собирал» и т. п.»[5]

В ноябре 1904 г. большевики готовили в Петербурге антивоенную демонстрацию под лозунгами «Долой самодержавие!», «Долой войну!». Петербургский комитет РСДРП призвал студенческую социал-демократическую организацию объединить усилия рабочих и студентов высших учебных заведений и выступить одновременно 28 ноября. Меньшевики были против рабочей демонстрации и, стремясь ее сорвать, саботировали решение ПК РСДРП, не проводили в районах разъяснительной и организационной работы. На диспуте в университете К. С. Жарновецкий «вскрыл политический смысл меньшевиков, подчеркнув, что пролетариат не может рассчитывать на поддержку либералов и земцев, он должен идти своим путем».[6]

Несмотря на дезорганизаторскую работу меньшевиков и полицейские репрессии, 28 ноября 1904 г. демонстрация все же состоялась, хотя участвовало в ней лишь несколько сот студентов. Рабочих было немного. Демонстранты выступили с пением «Марсельезы» и других революционных песен, с красными флагами. Полиция и конная жандармерия учинили над манифестантами жестокую расправу.[7] Тяжелые травмы получили студенты университета Д. З. Мануильский и К. С. Жарновецкий. Последний был арестован по обвинению в подготовке демонстрации и посажен в петербургский дом предварительного заключения, откуда вышел лишь 6 января 1905 г.[8]

С начала первой российской революции К. С. Жарновецкий активно включается в революционную работу. Он действует «преимущественно среди рабочих».[9] Прочные связи устанавливаются у него с рабочими Альбомной и Пробочной фабрик в Рождественском районе, где он организует социал-демократические кружки, в которые направляет в качестве агитаторов студентов и курсисток из Донского землячества. На политических сходках в университете Жарновецкий вместе с Н. В. Дорошенко выступает как главный оратор, умелый пропагандист и агитатор.[10]

Тесное общение с рабочими убедило К. С. Жарновецкого в том, что их возмущение самодержавием, особенно после январских событий, выльется в вооруженное восстание. У него созрел план: создать группу для ведения агитации среди рабочих за вооруженное восстание, снабжать их оружием, устано-

[5] Там же, с. 20.

[6] Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. 1899—1907. М., 1971, с. 138.

[7] Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Ч. 1. 1883—октябрь 1917 гг. Л., 1962, с. 118.

[8] Жарновецкий К. С. Кронштадтские восстания..., с. 48.

[9] Там же.

[10] Гусятников П. С. Революционное студенческое движение..., с. 206.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

вить связи в войсках. В конце января 1905 г. группа начала функционировать под названием «Вооруженное восстание».[11] Основное ядро ее составили студенты университета и других высших учебных заведений Петербурга, возглавлявшиеся комитетом из пяти человек. Председателем комитета стал Жарновецкий.[12]

Организация, стоявшая на большевистских позициях, развернула большую работу. Оборудовав в общежитии университета ручную типографию (гектограф), она выпустила ряд прокламаций с призывом к вооруженной борьбе с царизмом; установила связи с матросами гвардейского экипажа и несколькими офицерами; снабжала рабочих оружием. По свидетельству Жарновецкого, жандармы считали группу «Вооруженное восстание» организацией при ПК РСДРП,[13] вероятно, потому, что ее руководитель входил в состав Петербургского комитета большевиков.[14]

Деятельность организации прекратилась 14 апреля 1905 г., когда было арестовано 15 членов группы, в том числе и председатель комитета К. С. Жарновецкий. Они были обвинены в снабжении рабочих «оружием для устройства вооруженных демонстраций».[15] Арест и последовавшее за ним заключение в тюрьму, длившееся три с половиной месяца, прервали связи группы с гвардейским экипажем, в котором готовилось вооруженное выступление.

Выйдя на свободу в августе 1905 г., Жарновецкий по поручению ПК РСДРП включился в работу по созданию Окружной военной районной организации, объединявшей пригородные районы: Шлиссельбург, Колпино, Кронштадт, Сестрорецк. Он «с жаром принялся за устройство организации».[16]

В сентябре 1905 г. в состав Военной организации при ПК РСДРП вошла Кронштадтская военная организация большевиков. Она готовила и руководила восстанием кронштадтских моряков в октябре 1905 г. По свидетельству охранки, К. С. Жарновецкий был видным деятелем «Военки» при ПК РСДРП и «принадлежал к числу весьма энергичных пропагандистов военной организации».[17]

На совещании членов ЦК и ПК совместно с работниками боевой группы при участии В. И. Ленина в декабре 1905 г. был обсужден вопрос о поддержке Московского вооруженного восстания. Перед питерскими большевиками была поставлена за-

---

[11] Сладкевич Н. Г. Петербургский университет в 1905 г. — Ленинградский университет, 1956, 23 декабря.

[12] Жарновецкий К. С. Кронштадтские восстания..., с. 48.

[13] Там же, с. 49.

[14] Очерки истории Ленинградской организации КПСС, ч. 1, с. 139.

[15] Жарновецкий К. С. Кронштадтские восстания..., с. 50.

[16] Там же.

[17] Гусятников П. С. Революционное студенческое движение..., с. 187.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

дача помешать переброске войск в Москву. Боевой комитет при ПК РСДРП готовил взрывы четырех мостов на Николаевской железной дороге. Одним из руководителей боевиков по выполнению этой задачи был член Петербургского комитета К. С. Жарновецкий («Пан»), направленный в Колпино.[18]

Непосредственное и самое активное участие К. С. Жарновецкий принял в подготовке второго восстания матросов и солдат Кронштадта (июль 1906 г.). По заданию ПК РСДРП он вместе с Д. З. Мануильским приложил много сил к восстановлению в крепости партийной организации, налаживанию там агитационно-пропагандистской работы. С помощью С. Толмачева были установлены конспиративные связи с матросами и солдатами береговых воинских частей.[19]

К весне 1906 г. подготовка к вооруженному восстанию практически закончилась. Возросла активность большевистской организации, укрепились связи с Центральным и Петербургским комитетами. В самих же событиях Жарновецкому участвовать не пришлось. 25 апреля он был арестован у себя на квартире в Петербурге и заключен в «Кресты». Но и в тюрьме Жарновецкий продолжал бороться. По его воспоминаниям, он устраивал через окна митингования, пение революционных песен и даже сумел организовать побег товарища, которому грозила смертная казнь.[20]

В период реакции К. С. Жарновецкий не прекращал революционной деятельности, за что неоднократно арестовывался и высылался. В 1910 г. он поселился в Петергофе, стал преподавать историю русской литературы в средних учебных заведениях, продолжая вести нелегальную работу среди рабочих, солдат и учащихся.

После Февральской революции К. С. Жарновецкий становится одним из организаторов Петергофского Совета рабочих депутатов и большевистского комитета партии, а затем и руководителем последнего. В ночь на 4 июля 1917 г. Жарновецкого арестовывают по обвинению в «подрыве государственного строя путем вооруженного восстания».[21] Снова одиночная камера в «Крестах», но не надолго — в августе под давлением солдатских масс власти были вынуждены выпустить его.

Первая Петроградская окружная конференция РСДРП(б) 1 октября 1917 г. избрала руководителя петергофских большевиков в состав Окружного комитета, а Петербургская партийная организация делегирует Жарновецкого на II Всероссийский съезд Советов.

---

[18] Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975, с. 146.

[19] Гусятников П. С. Революционное студенческое движение..., с. 191.

[20] Жарновецкий К. С. Кронштадтские восстания..., с. 72, 74.

[21] Герои Октября, т. 1, с. 412.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

С победой Октябрьского вооруженного восстания и завершением работы съезда Советов К. С. Жарновецкий снова направляется в Петергоф. В качестве комиссара местного военно-революционного комитета участвует он в боях против войск Керенского — Краснова под Красным Селом. Проникнув вместе с С. Рошалем в контрреволюционные полки, Жарновецкий агитирует солдат переходить на сторону Советов.

Вскоре по заданию партии К. С. Жарновецкий направляется в Нарву. Там он возглавляет городскую Красную гвардию, входит в состав Нарвского комитета РСДРП(б), становится редактором «Нарвских известий». После заключения Брестского мира Жарновецкий вернулся в Петроград и был назначен заведующим отделом агитации и пропаганды губернского комитета партии.

В августе 1918 г. К. С. Жарновецкий добровольцем ушел на фронт, был комиссаром и членом реввоенсовета 9-й армии, участвовал в боях против Юденича под Петроградом.

В годы социалистического строительства К. С. Жарновецкий вел большую преподавательскую работу в вузах Ленинграда, особенно много и плодотворно трудился он в стенах Ленинградского университета, где в начале 20-х годов входил в состав бюро группы петроградской левой профессуры, был членом руководства фракции РКП(б).

В 1942 г. в блокадном Ленинграде умер Константин Сигизмундович Жарновецкий, пламенный революционер, большевик-ленинец, ученый-марксист, оставшийся верным партийному долгу до конца.

Н. Н. КАРЕТНИКОВА

ДМИТРИЙ ИЛЬИЧ ЛЕЩЕНКО

Д. И. Лещенко родился в Николаеве в 1876 г. в семье рабочего. В 1895 г. он поступил на естественный факультет Петербургского университета. Почти сразу Д. И. Лещенко примкнул к революционному движению и в 1897 г. был арестован за участие в «ветровской» демонстрации у Казанского собора. В 1900 г. он стал членом РСДРП, вел пропаганду среди рабочих Невской заставы, позднее, в 1904 г., читал лекции по химии в Смоленской воскресной школе. К этому времени Д. И. Лещенко был уже химиком-профессионалом — он закончил университет в 1902 г.

События 9 января 1905 г. всколыхнули рабочих Петербурга и всей России. В сознании многих участников мирного шествия к царю совершился громадный переворот. Он произошел при активном участии большевиков. Приложив все силы, чтобы удержать массы от этого шествия, большевики не покинули

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

рабочих в момент опасности. В колонне рабочих вместе с большевиками М. Т. Елизаровым, А. И. Ульяновой, О. Генкиной и другими шел и Д. И. Лещенко.

В годы первой русской революции проявились разносторонние способности Д. И. Лещенко. Он не только активно сотрудничал в большевистской печати, но и был членом «химической группы», созданной в декабре 1905 г. при ЦК РСДРП и вскоре соединившейся с Военно-технической группой, руководимой Л. Б. Красиным. ЦК поставил перед «химической группой» серьезные задачи: 1) найти подходящее сильно действующее и в то же время безопасное в хранении вещество; 2) создать совершенно безопасный запал; 3) сконструировать негромоздкий, но сильно действующий снаряд, годный для условий уличного боя.[1] Эти задачи пришлось решать членам «химической группы», в состав которой вошли шесть химиков-профессионалов: «Эллипс» (Л. Ю. Явейн), «Альфа» (Л. Н. Пескова), «Омега» (М. П. Скосаревский), Д. И. Лещенко, Ю. А. Грожан и А. М. Игнатьев. Опыты сначала проходили в технической лаборатории Военно-морского ведомства, а затем были перенесены в Финляндию, в имение А. М. Игнатьева, куда были перевезены и все необходимые материалы. Л. Н. Пескова писала позднее: «Бывали случаи, что портфель не мог вместить всего нужного количества оболочек, и приходилось их выносить, привязывая на себя. При этом выработалась особая походка, с особым ритмом, при котором не обнаруживались движения тяжелой оболочки. Особенно необходим был такой способ при переезде через финляндскую границу, где таможенный осмотр мог обнаружить подозрительные предметы».[2]

Серийное производство бомб было поручено Д. И. Лещенко, молодому химику-технологу В. Енько и студенту-старшекурснику Технологического института А. Чесскому. Работа велась в местечке Келломяки. Лаборатория была законспирирована под мастерскую детских игрушек.[3] Д. И. Лещенко вспоминал о том, как группа изготавливала бомбы: «Из ... безобидного глицерина, который мы помаленьку скупали в аптеках, путем хитроумных перегонок и соединений сотворялась грозная взрывчатка... Однажды в лапы жандармов попал экземпляр такой бомбы. Их эксперты изумились. Наши самоделки оказались эффективнее, проще в изготовлении и надежнее, чем гранаты, принятые тогда на вооружение царской армией. Владимир Ильич Ленин лично одобрил эти бомбы».[4]

[1] Альфа. Работа в «химической группе» при ЦК. 1905—1907 гг. — В кн.: 1905. Боевая группа при ЦК РСДРП(б). 1905—1907 гг.: Статьи и воспоминания. М.; Л., 1925, с. 45.

[2] Там же, с. 47.

[3] Почебут Г., Иванов А. Рассказы о профессоре Лещенко. — За социалистические кадры (многотиражная газета Ленинградского сельскохозяйственного ин-та), 1970, 16 января.

[4] Там же, 1969, 4 ноября.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Группа почти безвыездно находилась в подвальном помещении мастерской, так как от постоянного соприкосновения со взрывчаткой одежда и кожа подпольщиков издавали резкий специфический запах динамита, а белки глаз приобретали характерный желтоватый оттенок. Все это были опасные приметы, по которым полиция определяла революционера-боевика. «Химическая группа» выполнила все задания ЦК.

В годы революции Д. И. Лещенко был постоянным секретарем большевистских газет, выходивших в Петербурге: «Волна», «Вперед», «Эхо». Впоследствии он вспоминал: «Я был секретарем и хроникой газеты, заведывал и еще чем-то, в Государственной думе сидел и собирал материал».[5] В этот период он почти ежедневно виделся с В. И. Лениным. Часто эти встречи происходили в типографии товарищества «Дело» (Набережная р. Фонтанки, д. 96, кв. 54), которая в то время являлась центром издательской деятельности большевиков. Будучи секретарем редакции, Д. И. Лещенко приложил много усилий, чтобы в газетах появлялись корреспонденции, написанные рабочими. Он встречался с рабочими авторами, помогал им, редактировал их заметки. Однако вскоре в типографии собираться стало опасно. За В. И. Лениным и другими партийными публицистами началась слежка. Заседания редакции были перенесены на квартиру Д. И. Лещенко. Жил он в то время на углу Глазовской ул. (ныне — К. Заслонова) и Звенигородской, в доме 27/34, кв. 20. Свою нелегальную работу Д. И. Лещенко прикрывал службой на мыловаренном заводе Жукова, находившемся в конце Лиговки. И поселился он поближе к заводу. Сам он так характеризовал этот район: «Место темное, пьяное».[6] Занимала семья небольшую трехкомнатную квартиру с окнами в мрачный двор-колодец. Но именно этот мрачный проходной двор и наличие двух лестниц в доме большевики считали главными удобствами квартиры.

Впервые В. И. Ленин пришел сюда 9 мая 1906 г. после митинга в Народном доме Паниной.[7] Следует отметить, что организация квартир, надежных в конспиративном отношении, была делом крайне сложным. Н. К. Крупская и М. М. Эссен относили квартиру Д. И. Лещенко к наиболее спокойным. Н. К. Крупская писала: «...у нас были прекрасные квартиры, где можно было спокойно обо всем переговорить, где мы были уверены и в хозяине, и в том, что никто не увидит и не услышит того, что не подлежит огласке. Таковы были квартиры:

---

[5] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 3326, л. 3.
[6] Лещенко Д. И. Воспоминания. — Ленинград, 1925, № 2, с. 12.
[7] Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М. Ленин в Петербурге — Петрограде. Л., 1977, с. 173.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Книповича, Лещенко, Голубевой и др.».[8] Безопасность этой квартиры обусловливалась еще и тем, что жена Д. И. Лещенко — Елена Николаевна была членом финансовой группы при ПК и разделяла революционные взгляды мужа.

Особенно часто посещал эту квартиру В. И. Ленин в мае — июне 1906 г. Здесь он занимался редактированием большевистских газет. Для работы и ночевок В. И. Ленину была предоставлена отдельная комната. У Д. И. Лещенко была коллекция кнакфуссовских изданий, посвященных крупнейшим художникам мира. А. В. Луначарский вспоминал о том, какое сильное впечатление эти книги произвели на В. И. Ленина: «Какая увлекательная область истории искусства, — говорил он. — Сколько здесь работы для коммуниста. Вчера до утра не мог заснуть, все рассматривал одну книгу за другой».[9] В квартире Лещенко в этот период бывали Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский, В. В. Воровский, Е. Д. Стасова и др. Обычно днем, в три часа, начиналось заседание редакционной коллегии, на котором проводилась читка статей, подготовленных к печати.

Интенсивная деятельность большевиков не осталась незамеченной полицией. Когда использовать квартиру Д. И. Лещенко как конспиративную стало опасно (в течение 1905—1907 гг. в его квартире было произведено 11 обысков),[10] он помог сделать явочной квартиру своего родственника — инспектора и преподавателя Владимирского инженерного пехотного училища полковника К. Ф. Неслуховского (Малая Гребецкая, д. 9/5, угол Музыкантской улицы). Эта квартира находилась в стенах училища, поэтому была особенно надежна. В конце лета — осенью 1906 г. В. И. Ленин приходил сюда довольно регулярно и работал часов до 4-х.[11]

Д. И. Лещенко и в дальнейшем помогал создавать явочные квартиры. Так, по инициативе В. И. Ленина Д. И. Лещенко и В. В. Воровский организовали конспиративную квартиру на Свечном переулке (д. 6, кв. 7).[12] Хозяйкой ее была Е. Г. Крич.

Активно работал Д. И. Лещенко и как агитатор ЦК. Перед IV (Объединительным) съездом РСДРП он по заданию ЦК партии совершил агитационную поездку по Донбассу. Со многими партийцами, работавшими там, у него завязались дружеские отношения. Так, К. Е. Ворошилов, делегат IV съезда, приехав в Петербург, сразу же отыскал Д. И. Лещенко, который помог ему связаться с В. И. Лениным.[13] В Донбассе

[8] Там же, с. 158; ЛПА, ф. 4000, оп. 7, д. 1839, л. 11.
[9] Луначарский А. В. Статьи об искусстве. М.; Л., 1941, с. 448.
[10] Неслуховская Т. Дом на Малой Гребецкой. — Аврора, 1970, № 4, с. 71.
[11] Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М. Ленин в Петербурге — Петрограде, с. 185—187.
[12] Там же, с. 176; ЛПА, ф. 4000, оп. 7, д. 1839, л. 49.
[13] Воспоминания о Ленине. Т. 2. М., 1969, с. 231.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Д. И. Лещенко встретился с рабочим М. И. Михайличенко, выбранным затем депутатом в I Государственную думу. По приезде в Петербург Лещенко посетил вместе с В. И. Лениным депутатов-рабочих, где и познакомил В. И. Ленина с М. И. Михайличенко.[14]

В сентябре 1906 г. Д. И. Лещенко был кооптирован в ПК, стал его секретарем.[15] Несколько раз он ездил в Москву для связи с партийцами. После обыска в октябре 1906 г. перешел на нелегальное положение и поселился в Куоккале, недалеко от «Villa Vasa», где в это время у Г. Д. Лейтейзена жили В. И. Ленин и Н. К. Крупская. Сюда часто приезжали члены Исполнительной комиссии Петербургского комитета, и в полном составе комиссия в Куоккале проводила свои заседания, на которых обсуждались партийные дела, положение на заводах и фабриках столицы.[16]

Ранней весной 1907 г. Д. И. Лещенко совершил агитационную поездку в Екатеринослав. Перед отъездом он имел долгую беседу с В. И. Лениным.[17] Поездка прошла успешно, и он был избран делегатом от Екатеринославской партийной организации на V (Лондонский) съезд РСДРП. Д. И. Лещенко участвовал в работе съезда под фамилией Шатов, являлся членом протокольной комиссии съезда. Сразу после окончания съезда большевики начали разъяснение и пропаганду его решений. В этом активное участие принял и Д. И. Лещенко. В условиях усиленных преследований со стороны царской цензуры, когда были закрыты все большевистские газеты, партийные публицисты во главе с В. И. Лениным выпустили большевистский сборник статей «Итоги Лондонского съезда РСДРП», одним из авторов которого был Д. И. Лещенко. В своей статье «Лондонский съезд РСДРП»[18] он особое внимание уделил обоснованию решений съезда и борьбе с меньшевистской тактикой в думском вопросе.

После съезда, в первой половине июня 1907 г., Д. И. Лещенко принимал участие в большом собрании петербургских рабочих в Териоках, на котором с речью о съезде выступил В. И. Ленин.[19]

Третьеиюньский переворот вынудил многих большевиков уехать за границу. Д. И. Лещенко также покинул Петербург и

---

[14] Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М. Ленин в Петербурге—Петрограде, с. 175; Воспоминания о В. И. Ленине. Ч. 3. М., 1960, с. 58—59.

[15] Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975, с. 321.

[16] Почебут Г., Иванов А. Рассказы о профессоре Лещенко. — За социалистические кадры, 1970, 13 марта.

[17] Лещенко Д. И. Воспоминания, с. 14.

[18] Итоги Лондонского съезда РСДРП. СПб., 1907.

[19] Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 2. М., 1970, с. 335; Лещенко Д. И. Воспоминания, с. 14.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

поселился близ маяка Стирсудден (Финляндия), недалеко от дома Н. М. Книповича, где жили В. И. Ленин и Н. К. Крупская.

В дальнейшем Д. И. Лещенко неоднократно встречался с В. И. Лениным. В 1917 г. он фотографировал его в Разливе для конспиративного паспорта на имя рабочего Сестрорецкого завода К. И. Иванова.

В советское время Д. И. Лещенко известен как один из основателей Ленинградского института киноинженеров, как руководитель первых киноорганизаций молодого советского государства. С 1922 по 1937 г. профессор Д. И. Лещенко был заведующим кафедрой неорганической химии Ленинградского сельскохозяйственного института.

Вся многогранная деятельность соратника В. И. Ленина Д. И. Лещенко — пример беззаветного служения партии, революции.

А. И. ЛЕЙБЕРОВ

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ПЕТРИКОВСКИЙ

Видную роль в организации большевистских сил Петербургского университета в период с сентября 1913 по март 1915 г. сыграл Сергей Иванович Петриковский, учившийся в то время на физико-математическом факультете.[1] Это был период, когда массовое рабочее движение в Петербурге и России находилось на подъеме и шло навстречу новой буржуазно-демократической революции. Союзником рабочего класса—гегемона общедемократического лагеря — выступало революционное студенчество.

Сергей Петриковский родился в сентябре 1894 г. в польском городе Люблине. Его отец — учитель мужской и женской гимназий был человеком демократических, прогрессивных идей. По просьбе сына-большевика в 1913—1914 гг. он предоставил в распоряжение партии большевиков свою скромную люблинскую квартиру (под явку, адресат для подпольной переписки, склад литературы).[2] В семье почитались произведения Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена, А. С. Пушкина и В. Г. Белинского, Т. Г. Шевченко и А. Мицкевича. Когда Иван Семенович Петриковский узнал, что оба его сына-гимназиста, Евгений и Сергей, связали себя с революционным движением, он призвал их к мужеству и осторожности.

С 1903 г. Сергей Петриковский успешно учился в Люблин-

---

[1] ЛГИА, ф. 14, оп. 3, 1913, д. 62 467, л. 5. Личное дело С. И. Петриковского.

[2] В Люблине Петриковские проживали по Радзивиловской ул., д. 3, кв. 20.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ской мужской гимназии. Особенно легко ему давались математические и естественные науки.[3] В 1909—1912 гг. там историю и русскую словесность учащимся старших классов преподавал выпускник Петербургского университета, видный большевик-ленинец Николай Васильевич Крыленко. Его уроки были, как отмечал полицейский чиновник, как бы «неорганизованной пропагандой социализма».[4] Крыленко оказал на юного Петриковского огромное влияние, приобщил его к чтению марксистской литературы, вовлек в революционную борьбу. Сергей Иванович вспоминал, что Н. В. Крыленко пользовался непререкаемым авторитетом среди люблинской передовой молодежи своими большими познаниями, логикой суждений, несгибаемой волей и героической жизнью революционера-профессионала.[5] Между Крыленко и Петриковским установились дружеские отношения, которые они пронесли через всю жизнь. В октябре 1911 г. семнадцатилетний Сергей Петриковский вступил в ряды ленинской партии, рекомендовал его Н. В. Крыленко.[6]

Петриковский по заданию Николая Васильевича вел агитационную работу среди люблинских рабочих, ремесленников, солдат, гимназической молодежи. Кроме того, в 1912—1913 гг. помогал Крыленко налаживать связи заграничного ЦК РСДРП через Люблин с Петербургской организацией большевиков, редакцией газеты «Правда», организовывать партийную переписку, переброску транспортов с литературой.[7]

В начале июля 1913 г. С. И. Петриковский закончил Люблинскую гимназию, а 17 июля подал прошение на имя ректора Петербургского университета с просьбой «зачислить (его. — *А. Л.*) в число студентов первого семестра... физико-математического факультета, математического отделения».[8] О его занятиях на математическом факультете почти ничего не известно.[9] Сам Петриковский вспоминал, что в первое время учеба захватила его полностью, он увлекался высшей математикой, начертательной геометрией. Затем все его время стала занимать партийная подпольная работа, так что на университетские занятия времени не хватало.

В середине сентября 1913 г. в Петербург по заданию В. И. Ленина и ЦК партии приехал Н. В. Крыленко. Он вошел в аппарат Русского бюро ЦК и был прикомандирован в качестве партийного инструктора к большевистской фракции IV Государственной думы.[10] Тогда же Крыленко установил связь

---

[3] ЛГИА, ф. 14, оп. 3, 1913, д. 62 467, л. 5—7.

[4] Симонян М. Н. Его профессия — революция (документальный очерк о жизни и деятельности Н. В. Крыленко). М., 1975, с. 25—28.

[5] Там же с. 28.

[6] Герои Октября. В 2-х томах. Л., 1967. Т. 2, с. 243.

[7] Симонян М. Н. Его профессия — революция, с. 28—29.

[8] ЛГИА, ф. 14, оп. 3, 1913, д. 62 467, л. 5.

[9] Там же, л. 1—7.

[10] Герои Октября, т. 1, с. 602.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

с С. И. Петриковским и привлек его для работы в подпольном аппарате Русского бюро ЦК и думской фракции большевиков. Вскоре Петриковский по предложению Крыленко стал референтом и техническим секретарем официального издателя газеты «Правда», депутата-большевика в Государственной думе от питерских рабочих Алексея Егоровича Бадаева. В обязанности секретаря и референта входил широкий круг функций: подготовка и сбор материалов и составление на их основе текстов речей в Думе, выступлений на рабочих митингах и собраниях; предварительный прием и беседы с рабочими-избирателями; разбор многочисленной почты А. Е. Бадаева как депутата и издателя «Правды»; поддерживание разносторонних связей между Бюро ЦК, редакцией «Правды», думской фракцией и Петербургской организацией РСДРП. Иногда Петриковскому приходилось выступать и в роли телохранителя А. Е. Бадаева, сопровождать его в многочисленных поездках по столице, сбивать со следа полицейских агентов. Одновременно он должен был обеспечивать связь между думской фракцией большевиков и Объединенным комитетом социал-демократических фракций высших учебных заведений Петербурга.[11] Нередко в этот период Петриковский бывал на квартире Н. В. Крыленко на Петроградской стороне, получал от него важные советы, инструкции, перенимал опыт революционного мастерства.

11 декабря 1913 г. Н. В. Крыленко был арестован, а 18 февраля 1914 г. была арестована Е. Ф. Розмирович — секретарь Русского бюро ЦК РСДРП и секретарь большевистской фракции IV Государственной думы.[12] Арест двух ведущих работников Бюро ЦК ослабил связь между В. И. Лениным, ЦК РСДРП, думской фракцией и Петербургской партийной организацией. Во время одного из посещений С. И. Петриковским Крыленко в доме предварительного заключения в феврале 1914 г. Николай Васильевич высказал мысль о необходимости срочной поездки Петриковского через Люблин в Краков к В. И. Ленину. Подробный инструктаж о предстоящей поездке, материалы о работе думской фракции и столичной партийной организации Петриковский получил от депутатов-большевиков Г. И. Петровского и А. Е. Бадаева.[13]

В начале марта 1914 г. С. И. Петриковский выехал из Петербурга в Краков.[14] Два дня он прожил у Владимира Ильича Ленина и Надежды Константиновны Крупской. Память об этих

---

[11] Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 2. Л., 1968, с. 5—7; Калинин А., Мандель С. Ленин и Петербургский университет. Л., 1969, с. 205—206.

[12] Симонян М. Н. Его профессия — революция, с. 31—32.

[13] Личный архив С. И. Петриковского. Воспоминания. 1964 г. Хранится у вдовы — Н. Н. Петриковской (Москва).

[14] Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 3. 1912—1917. М., 1972, с. 195.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

днях, о долгих беседах с вождем революции осталась у него на всю жизнь. Сергей Иванович вспоминал: «Самое незабываемое произошло, когда мне исполнилось 20 лет. Был я тогда студентом, учился в Петербурге, состоял членом нашей партии. Работал в Василеостровской партийной организации и одновременно являлся техническим сотрудником при фракции большевиков IV Государственной думы». Ранней весной 1914 г. ему выпала честь «выполнить партийное поручение — съездить с письмом в г. Краков и передать его Ленину».[15] По свидетельству Петриковского, В. И. Ленин лично инструктировал его как лучше организовать бесперебойную транспортировку партийной литературы через границу. В беседах с ним Владимир Ильич проявил большой интерес к студенческому движению в Петербурге. Подробно расспрашивал о революционных настроениях, интересах студенческой молодежи и особенно Петербургского университета. Ленин дал Петриковскому ряд ценнейших советов о партийной работе среди рабочих и студентов, рекомендовал активно бороться за вовлечение студентов в массовое рабочее движение, за рост численности студенческих большевистских ячеек, предлагал усилить борьбу с кадетско-октябристским и эсеро-меньшевистским влиянием в студенчестве.[16]

О тесных связях С. И. Петриковского с В. И. Лениным и заграничным большевистским центром в тот период свидетельствуют записи в «Адресной книге ЦК РСДРП (1912—1914)», сделанные Н. К. Крупской: «Для явки: разыскать (Люблин) Радзвиловская, 3, кв. 20, Ивана Семеновича Петриковского, у него спросить Сергея от Маруси. Пароль „Она уехала". Адрес для Н. В. (на один раз) Радзвиловская, 5, Евгению Петриковскому для Веры, Люблин».[17] Смысл этой записи расшифровывается следующим образом: Иван Семенович и Евгений Петриковские — отец и брат Сергея; их люблинские адреса партия использовала для переписки В. И. Ленина с Россией, транспортировки литературы, явок. «Н. В.» — Николай Васильевич Крыленко; «Маруся» — Елена Федоровна Розмирович.

Тогда же С. И. Петриковский оставил Н. К. Крупской 2 столичных адреса для конспиративной переписки: А. П. Самолея на Петроградской стороне (Зверинская ул., д. 46, кв. 31) и Л. А. Зибольда — на Васильевском острове (Средний проспект, д. 11, кв. 40). Антон Самолей и Леонид Зибольд — друзья и земляки Петриковского по Люблину, выходцы из буржуазных семей, учившиеся в столице в частной гимназии и входившие в революционный кружок, которым руководил Сергей Ивано-

---

[15] Калинин А., Мандель С. Ленин и Петербургский университет, с. 206—207.

[16] Владимир Ильич Ленин: Биохроника, т. 3, с. 195; Калинин А., Мандель С. Ленин и Петербургский университет, с. 206—207.

[17] См.: Исторический архив, 1959, № 1, с. 19—23.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

вич. Оба эти адреса вошли в «Адресную книгу ЦК РСДРП (1912—1914)».[18]

Советы и указания В. И. Ленина имели важное значение для университетской большевистской организации. Весной 1914 г. ячейка большевиков в университете заметно окрепла. В ее руководящее ядро входили Н. А. Анисимов, А. Е. Воробьев, А. В. Гриневич, С. Р. Богатин, Н. И. Дзедзиев, С. И. Кавтарадзе, С. И. Петриковский, М. В Пригоровский, Н. А. Энгель. Университетские большевики усиленно работали над расширением состава ячейки. С этой целью они раскрепили членов ячейки по факультетам, где вели агитационно-пропагандистскую работу, распространяли листовки, марксистскую литературу. В одной из листовок, выпущенной Объединенным комитетом социал-демократических фракций высших учебных заведений и распространенной среди студентов университета, говорилось: «С каждым днем крепнут и растут волны рабочего движения, подмывая устой абсолютистского самодержавия. В обществе нет прежней апатии, политического безразличия, в студенчестве же вновь пробудился интерес к изучению социалистических доктрин... Товарищи марксисты! К вам обращаемся со своим призывом. Организовывайтесь под знаменем социал-демократии, ищите связи и присоединяйтесь к нашей организации».[19] В апреле 1914 г. в соответствии с указаниями В. И. Ленина и с помощью ПК РСДРП Объединенный комитет организовал выпуск студенческого марксистского еженедельника «Утро жизни».[20] В противовес меньшевистским изданиям журнал с марксистских позиций освещал задачи студенческого революционного движения, призывал студентов встать под знамена рабочего класса в борьбе за победу революции в России. Представителем университета в редакции журнала был студент-большевик А. В. Гриневич.

По свидетельству С. И. Петриковского, в начале 1914 г. в большевистской ячейке и в марксистском кружке насчитывалось более двух десятков университантов, а через полгода, к лету, состав и число членов в двух марксистских кружках возросли почти вдвое. Ячейка большевиков формально действовала в составе единой социал-демократической организации университета вместе с меньшевиками.

Однако внутри фракции между большевиками и меньшевиками фактически не было ни организационного, ни тактического единства. Фракция большевиков, вспоминал С. И. Петриковский, была «наиболее последовательной в революционной тактике, наиболее авторитетной среди других социалистических

---

[18] Там же.
[19] ЛГИА, ф. 14, оп. 25, 1914, д. 44, л. 60.
[20] Удалось выпустить только один номер.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

группа в университете. Она являлась инициатором почти всех революционных выступлений универсантов».[21]

Весной 1914 г. университетская большевистская ячейка приняла активное участие в организации революционных сходок, демонстраций и забастовок в связи с запрещением властями празднования 100-летия со дня рождения Т. Г. Шевченко (26 февраля), дня второй годовщины Ленского расстрела (4 апреля), дня Первого Мая. Одним из организаторов и участником этих выступлений был Сергей Петриковский. В апреле 1914 г. последовал его первый короткий арест.[22]

С начала осени 1914 г., в условиях первой мировой войны, С. И. Петриковский возглавил большевистскую организацию университета. Именно в этот период и проявился его недюжинный талант организатора и конспиратора. В ноябре 1914 г. по заданию ПК РСДРП и Объединенного комитета социал-демократических фракций высших учебных заведений Петриковский вместе с большевиками — универсантом М. В. Пригоровским и политехником Б. М. Зонько размножили на гектографе ленинский манифест ЦК «Война и российская социал-демократия». После длительного обсуждения платформа ленинского Центрального Комитета была принята активным большинством социал-демократической фракции (правда, спустя некоторое время несколько оборонцев вышли из университетской фракции). Идеи манифеста ЦК большевики положили в основу всей пропагандистской деятельности в Петроградском университете.[23] Тогда же С. И. Петриковский и Б. М. Зонько по рекомендации Объединенного комитета (мысль была подсказана А. Е. Бадаевым и Г. И. Петровским)[24] подготовили проект антивоенной декларации «К студенчеству». Декларация давала четкую оценку грабительской империалистической войне, шовинистической политике царизма, призывала студенчество к усилению революционной борьбы. «Мы объявляем царям и их правительствам, что берем оружие против своей воли, — говорилось в декларации от имени студентов, подлежащих мобилизации в армию. — Пусть же знают они, что мы его употребим и против них».[25]

Осенью 1914 г. университетская организация большевиков создала на Васильевском острове молодежную антивоенную организацию «Буревестник». Ее руководителем стал Петриков-

---

[21] См.: Калинин А., Мандель С. Ленин и Петербургский университет, с. 209.

[22] ЛГИА, ф. 14, оп. 1, 1914, д. 10873, л. 1; ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1914, д. 5, ч. 57, т. 1, л. 139—148; Калинин А. Мандель С. Ленин и Петербургский университет, с. 208.

[23] Калинин А., Мандель С. Ленин и Петербургский университет, с. 210—211.

[24] Личный архив С. И. Петриковского. Воспоминания. 1964 г.

[25] Листовки петербургских большевиков. 1902—1907. Т. 2. М., 1939, с. 121—124.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ский. В «Буревестник» вошло около 60 молодых рабочих Трубочного, Балтийского и других заводов, студенты университета, Горного института, бестужевки, солдаты-новобранцы и сестры милосердия. Члены организации читали марксистскую литературу, вели пропаганду против войны, распространяли антивоенные листовки.[26]

Несмотря на репрессии, большевики университета проводили активную работу по расширению влияния среди демократического студенчества. Под их руководством проходили сходки, печатались и распространялись листовки, устраивались забастовки и демонстрации. Революционные универсанты во главе с большевистской ячейкой принимали участие в митингах, демонстрациях и забастовках протеста по поводу незаконного ареста и суда над думской фракцией большевиков (12 ноября 1914 г., 10 и 14 февраля 1915 г.). Продолжением этих выступлений явились волнения студентов университета в первых числах марта 1915 г. В гектографированной листовке университетская большевистская организация писала: «Мы всегда говорили, что война — дитя капитализма, империалистской и колониальной политики буржуазии. И если вы, — говорим мы (т. е. большевики. — *А. Л.*) пролетариату, — хотите быть могильщиками капитализма, станьте, станьте и могильщиками войны... И теперь с новой силой мы зовем вас на решительную борьбу за социализм, за народ».[27] С распространением этой листовки 3 марта начались антивоенные волнения универсантов. Эти выступления возглавили большевики С. И. Петриковский, Н. А. Анисимов, Н. И. Дзедзиев, М. В. Пригоровский. 4 марта университет был парализован студенческой забастовкой. В коридоре главного здания на массовом митинге выступил с короткой речью С. И. Петриковский. В зачитанной им резолюции заявлялся решительный протест «против дикой внутренней политики правительства... в преследовании рабочего класса, задушении его печати, аресте и суде над его представителями».[28] В ночь на 27 марта полиция арестовала руководящее ядро университетской большевистской организации, среди них и С. И. Петриковского. Он был административно выслан на 2 года в Енисейскую губернию под гласный надзор полиции.[29]

На этом революционная деятельность С. И. Петриковского не прекратилась. Будучи призван в июле 1916 г. рядовым в 30-й Сибирский пехотный полк, Сергей Иванович вошел со своим другом-универсантом Н. И. Дзедзиевым в революционный «Сибирский военный союз РСДРП». Друзья вели активную антивоенную пропаганду среди солдат. В январе 1917 г. С. И. Петриковский и Н. И. Дзедзиев попали в конно-пулеметную коман-

[26] Очерки по истории Ленинградского университета, вып. 2, с. 17.
[27] ЦГАОР СССР, ф. 1742. Коллекция нелегальных изданий, № 16 166.
[28] Там же, № 16 167.
[29] ЛГИА, ф. 14, оп. 3, 1913, д. 62 467, л. 1—3.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ду Первого пулеметного полка, расквартированного в Ораниенбауме, под Петроградом. Петриковскому удалось восстановить связи с университетской большевистской организацией, Василеостровским райкомом и Петербургским комитетом партии. Вновь он включился в революционную деятельность питерских большевиков, рабочих, студентов. Под влиянием революционной агитации большевиков—С. И. Петриковского, Н. И. Дзедзиева, пролетария-путиловца И. И. Газа — восстал Первый пулеметный полк и 27—28 февраля 1917 г. присоединился к питерским рабочим.[30]

Солдат С. И. Петриковский был среди тех, кто встречал В. И. Ленина на Финляндском вокзале 3 апреля 1917 г. и приветствовал его от имени столичного гарнизона. Сергей Иванович был солдатским делегатом на VII Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП(б); работал в Военной организации большевиков. Он принял участие в подготовке и проведении вооруженного восстания в Харькове, в борьбе за Советскую власть на Украине и в Крыму в 1918—1920 гг., был военным комиссаром в 25-й Чапаевской дивизии. В мирные годы С. И. Петриковский работал в Реввоенсовете республики, закончил Военно-воздушную академию. Он отстаивал завоевания Великого Октября и в годы Великой Отечественной войны. Большевик-ленинец, бывший студент Петербургского университета, генерал-майор Советской Армии[31] Сергей Иванович Петриковский прожил большую и прекрасную жизнь,[32] посвятив ее борьбе за счастье народа.

---

[30] Герои Октября, т. 2, с. 244; т. 1, с. 260.
[31] Там же, т. 2, с. 244.
[32] Умер С. И. Петриковский в конце января 1964 г. в Москве.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

6
66557

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателям 3
Н. Г. Сладкевич. В. И. Ленин и Петербургский университет . 5
Р. Г. Лапшина, Г. С. Жуйков. Революционные и социал-демократические кружки в Петербургском университете в 1883—1891 гг. . 22
Е. Р. Ольховский. Студенческое движение в Петербургском университете в период ленинской «Искры» (1900—1903 гг.) 29
Т. П. Бондаревская. Большевистская организация университета в революции 1905—1907 гг. 67
Г. А. Тишкин. Студентки университета и слушательницы Бестужевских курсов в 1905—1907 гг 81
И. П. Лейберов. Возникновение кавказского землячества в Петербургском университете в период первой революционной ситуации . 92
Ю. Д. Марголис. Т. Г. Шевченко в Петербургском университете 101
В. Слотвиньский. Польские студенты в Петербургском университете в 30—40-х годах XIX в. 117
Е. М. Косачевская. Декабристы и Петербургский университет . 124
М. М. Аминина. Михаил Степанович Ольминский 138
Л. А. Шитилов. Петр Апаньевич Красиков 146
В. П. Яковлев. Николай Васильевич Крыленко 153
В. Г. Савельева. Дмитрий Захарович Мануильский 161
Б. Г. Малкин., М. М. Батурин-Виноградов. Петр Васильевич Дашкевич 167
А. Я. Колесников. Константин Сигизмундович Жарновецкий . . 175
Н. Н. Каретникова. Дмитрий Ильич Лещенко 179
А. И. Лейберов. Сергей Иванович Петриковский 184

ИБ № 801

**Петербургский университет
и революционное движение в России**

Редактор *Э. С. Востокова*
Художественный редактор *А. Г. Голубев*
Техн. редактор *А. В. Борщева*
Корректоры *Н. М. Каплинская, Г. Н. Гуляева*

Сдано в набор 04.11.78 г. Подписано в печать 26.01.79 г. М-08533. Бум. тип. № 3.
Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Печ. л. 12. Уч.-изд. л. 13,66. Тираж 2209 экз. Заказ 341. Цена 98 коп.
Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова, 199164, Ленинград В-164, Университетская наб., 7/9.

Типография ЛГУ им. А. А. Жданова, 199164, Ленинград В-164, Университетская наб. 7/9.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/